

Восточный архив

№ 2 (38), 2018

Восточный архив

Издаётся с 1998 г.

Журнал зарегистрирован в Федеральной службе по надзору в сфере массовых коммуникаций, связи и охраны культурного наследия
Свидетельство ПИ № ФС77-32098
от 30 мая 2008 г.

Индекс 65049 в подписном каталоге «Пресса России».

Редакционный совет

В.В. Наумкин – председатель
В.В. Беляков – зам. председателя
Д.Д. Васильев
Р.Г. Пихоя
Н.Г. Романова
М.Р. Рыженков
Т.А. Филиппова

Редколлегия

В.В. Беляков – главный редактор
Н.К. Чарыева – ответственный секретарь
Д.Д. Васильев
Л.В. Зеленина
А.Ш. Кадырбаев

Художественное оформление

С.И. Потабенко

Вёрстка

Г.М. Абишева

Журнал издаётся Институтом востоковедения РАН
Адрес редакции: 103031, Москва, Рождественка, д. 12, комн. 213
E-mail: orientalarchive@yandex.ru

Воспроизведение или распространение полностью или частично текста «Восточного архива» в любой форме и любыми способами не допускается без письменного согласия редколлегии. Всю ответственность за точность и достоверность фактов, цитат и цифр, а также за то, что статьи не содержат данных, не подлежащих открытой публикации, несут авторы.
Позиция редакции не обязательно совпадает с мнениями авторов.
При цитировании ссылка на журнал «Восточный архив» обязательна.

Подписано в печать 15.10.2018
Объем 14,0 п. л.
Тираж 110 экз.
Отпечатано в издательстве МВА
103031, Москва, Рождественка, 12

Цена в розницу договорная

© Авторы, 2018

© Институт востоковедения РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

Слово редактора	3
Хазанов А.М. К 200-летию Института востоковедения РАН	4
Курникова О.М. Система налогообложения санджака Кефе в первой половине XVI века.....	7
Почекаев Р.Ю. Ч.Ч. Валиханов о политическом и правовом развитии среднеазиатских ханств в первой половине XIX века	12
Кадырбаев А.Ш. Итоги миссии российского посольства Е.В. Путятин в Китай. 1857–1858 годы.....	18
Сидорова С.Е. Жители колониального Берара: заслуги и награды.....	23
Загородникова Т.Н. Восточная народная картинка в русских музеях.....	31
Норик Б.В. Дневник В.А. Косаговского за 1894–1895 годы ...	37
Куликов Г.И. Курды Халебского вилайета Османской империи. По донесениям российского консула. 1913 год.	51
Филиппова Т.А. Образ Турции в русской журнальной сатире 1917–1918 годов.....	65
Васильев А.Д. М.В. Фрунзе о политической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару.....	71
Тихонов Ю.Н. Неизвестный дипломатический документ о советско-афганских переговорах в Кабуле в 1919–1920 годах	77
Шмидт В. Архивные фонды Центрального государственного архива Казахстана о проблеме голода 1921–1922 годов...	83
Кузьмин С.Л. Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года	89
Беляков В.В. Учреждение советской миссии в Египте.....	100
Бухерт В.Г. Письмо Я.Б. Радуль-Затуловского к Н.С. Хрущёву	105
Наши авторы	112

Oriental Archive

No. 2 (38), 2018

CONTENTS

Editor's notes	3
Khazanov, Anatoliy. 200 years of the Institute of Oriental Studies, Russian Academy of Sciences.....	4
Kurnikova, Oksana. System of taxation in sanjak Kefe in the first part of the XVI century	7
Pochekaev, Roman. Chokan Valikhanov on political and legal development of the Central Asia khanates at the first half of XIX century	12
Kadyrbaev, Alexander. Results of Russian Embassy of Evfimiy Putyatin's mission to China.....	18
Sidorova, Svetlana. Honors and rewards for residents of colonial Berar.....	23
Zagorodnikova, Tatiana. Eastern folk pictures in Russian museums	31
Noric, Boris. Diary of Colonel Cosagovskiy, 1894–1895	37
Kulikov, Georgy. Russian consul on Kurds of Haleb vilayet, Ottoman Empire. 1913	51
Filippova, Tatiana. Turkey's image in Russian magazine's satire. 1917–1918	65
Vassilyev, Alexandr. Mikhail Frunze on political situation on export of revolution to Bukhara	71
Tikhonov, Yuriy. Unknown diplomatic document on Soviet-Afghan talks in Kabul. 1919–1920	77
Shchmidt, Waldemar. Funds of Kazakhstan's Central State archive on hunger in 1921–1922	83
Kuzmin, Sergey. Satsan-khan Navannaran before and after Mongolian revolution of 1921	89
Beliakov, Vladimir. Establishment of Russian diplomatic mission in Egypt.....	100
Bukhert, Vladimir. Letter by Yakov Radoul-Zatulovskiy to Nikita Khrushchev	105
Contributors	112

СЛОВО РЕДАКТОРА

Дорогие коллеги!

Первым делом хочу поздравить вас с замечательным юбилеем – 200-летием нашего Института востоковедения! Немало прекрасных учёных работало в нашем институте, тысячи книг самой разнообразной тематики изданы ими за эти два века. О последних 60 годах рассказывает в этом номере наш ветеран, работающий в Институте востоковедения с 1958 года – доктор исторических наук, профессор Анатолий Михайлович Хазанов.

Дни празднования 200-летия института отодвинули на второй план куда более скромный юбилей – 20-летие нашего журнала. Мы решили отметить его увеличением объёма, тем более что статей в этом году было прислано куда больше, чем прежде.

Ну, а теперь о содержании «Восточного архива». Как всегда, география статей достаточно широка – от Монголии (С.Л. Кузьмин. Деятельность Сэцэн-хана Наваннэрэна до и после монгольской революции 1921 года) до Египта (В.В. Беляков. Учреждение советской миссии в Египте). Несколько статей посвящены прошлому Российской империи. О.М. Курникова исследует систему налогообложения санджака Кефе (Крым) в первой половине XVI века. Р.Ю. Почекаев анализирует труды Ч.Ч. Валиханова о политическом и правовом развитии среднеазиатских ханств в первой половине XIX века. А.Ш. Кадырбаев подводит итоги миссии российского посольства Е.В. Путятин в Китай в 1857–1858 годах. А.Д. Васильев публикует письма М.В. Фрунзе в Москву о политической ситуации вокруг экспорта революции в Бухару. А В. Шмидт описывает фонды Центрального государственного архива Казахстана, посвящённые проблеме голода в 1921–1922 годах.

Статьи других авторов журнала – словно путешествие с Востока на Запад. С.Е. Сидорова рассказывает о заслугах и наградах жителей колониального Бера (Индия). Ю.Н. Тихонов приводит неизвестный дипломатический документ о советско-афганских переговорах в Кабуле в 1919–1920 годах. Б.В. Норик публикует отрывки из дневника полковника В.А. Косоговского, служившего в конце XIX века в Иране. Т.А. Филиппова рисует образ Турции в русской журнальной сатире 1917–1918 годов. И, наконец, Г.И. Куликов цитирует донесения российского консула 1913 года о курдах Халебского вилайета. Эта статья чрезвычайно актуальна сегодня.

Как и обычно, одна из статей посвящена востоковеду. В.Г. Бухерт публикует письмо Я.Б. Радуль-Затуловского к Н.С. Хрущёву.

Словом, статьи в журнале разнообразны, хотя практически все они так или иначе связаны с Россией. И это, полагаю, нормально.

В.В. Беляков

А.М. Хазанов

К 200-ЛЕТИЮ ИНСТИТУТА ВОСТОКОВЕДЕНИЯ РАН

60 лет в Храме востоковедной науки

В декабре 1958 г., после защиты кандидатской диссертации в МГУ им. М.В. Ломоносова, я пришёл туда, где мне предстояло проработать 60 лет, – в Институт востоковедения Академии наук СССР. Он тогда находился в Армянском переулке, дом 2.

Когда я вошёл в кабинет заведующего Отделом международных вопросов всемирно известного учёного-востоковеда Григория Львовича Бондаревского, меня приятно удивил его необычный внешний вид, особенно неповторимое лицо, на котором лежала печать духовной мощи.

– Я задам вам только один вопрос, – сказал Григорий Львович, – кто был вашим научным руководителем?

– Академик Александр Андреевич Губер.

– Этим всё сказано. Я беру вас на работу в наш отдел, – закончил нашу краткую беседу профессор Бондаревский.

Мне повезло. Когда я поступил в отдел Бондаревского, в нём работал блестящий коллектив высококвалифицированных востоковедов. Это были такие известные ученые, как А.Ф. Миллер, Н.А. Халфин, М.С. Лазарев, Б.М. Данциг, Б.Г. Сапожников, Л.Н. Котлов, В.И. Павлов, К.М. Попов, И.Б. Редько, Л.А. Фридман, Ф.А. Тодер. Общение с такими яркими творческими личностями стало для меня превосходной востоковедной школой.

Жил я в то время в предоставленной Институтом востоковедения многокомнатной квартире на Фрунзенской набережной, в которой прописали и поселили нескольких холостых научных сотрудников. Кроме меня, там жили Н.А. Халфин, В.Ф. Ли, Л.Г. Гукасян, Ю. Данильянц, А.С. Шин, М.И. Занд – впоследствии профессор Иерусалимского университета.

В 1961 г. мне снова крупно повезло. В нашу квартиру подселили супружескую па-

ру – Юрия Николаевича и Галину Васильевну Завадовских. Только что принятый на работу в ИВ АН СССР Юрий Завадовский до этого много лет жил в эмиграции, имел французское гражданство и работал во французских посольствах в ряде арабских стран. Он буквально поразил меня силою ума, талантом, своим огромным жизненным опытом и потрясающей эрудицией, а также необычностью своей биографии.

С этого времени моим самым любимым занятием стали многочасовые вечерние беседы на нашей «коммунальной кухне» с Юрием Николаевичем Завадовским.

Директором ИВ АН с 1956 г. и вплоть до своей смерти в 1977 г. был Бободжан Гафурович Гафуров. Главный его труд – «Таджики». Как сказал помогавший ему в этой работе профессор Б.А. Литвинский, «Гафуров сыграл роль Геродота своего народа – он дал ему историю»¹.

Будучи первым секретарем ЦК КП Таджикистана, Гафуров спас многих людей от ареста. Берия пожаловался Сталину, что тот не выполняет разнарядку по арестам «врагов народа», и он вызвал его к себе. Поскребишев не поздоровался, это был плохой знак. Гафуров вошёл в кабинет. Сталин был в гневе и стал кричать: «Почему вы не выполнили разнарядку?» Гафуров тут же сочинил легенду: «Иосиф Виссарионович, вы из Грузии и знаете, сколько там пещер. В Таджикистане их намного больше. Произошла утечка информации, и эти люди, которых мы хотим арестовать, прячутся в пещерах...» «Ну, ладно, поезжайте, занимайтесь хлопком, а насчёт пещер я скажу Берии, чтобы он разобрался»².

Став директором ИВ АН, Б.Г. Гафуров оказался в родной стихии, так как востоковедение было его любовью и призванием. Принцип подбора кадров у него был тот же,

что и в Сталинабаде: собирал обиженных и оскорблённых. Выдающегося египтолога профессора М.А. Коростовцева, который после работы в Египте отсидел и допрашивался лично Берией, он «протолкнул» в академики (минуя члена-корреспондента).

Будучи директором ИВ АН, Б.Г. Гафуров спас многих диссидентов. По словам профессора Г.Г. Котовского, «у Бободжана Гафуровича было особое чутьё – человека он рассматривал как человека и как учёного. И продвигал людей со всякими изъятиями в анкетах. К сожалению, большинство людей тогда были другими. Однажды он сказал академику Е.П. Челышеву: “Евгений Петрович, в вашем отделе работают диссиденты Александр Пятигорский, Михаил Занд, Юрий Глазов. Пусть они занимаются наукой, ведь они учёные. Будет жаль, если их выгонят. Я ничего не смогу сделать”»³. Б.Г. Гафуров был подлинным интернационалистом.

В 1950-е годы, когда СССР захлестнула волна антисемитизма и евреев не принимали во многие вузы и госучреждения, Б.Г. Гафуров принял на работу в ИВ АН большое число евреев. В отличие от других институтов АН СССР, в ИВ АН должности заведующих отделами и секторами часто занимали евреи и даже беспартийные. Одна сотрудница – участница ВОВ – пожаловалась ему, что мужа, инженера, уволили с работы по «пятому пункту». Гафуров пообещал устроить его и действительно взял в ИВ АН.

В 1978 г. директором ИВ АН был назначен Евгений Максимович Примаков. Он был очень строгим и требовательным начальником. Помню, однажды он вызвал меня в кабинет и поручил написать аналитическую записку для ЦК КПСС.

– Принесёте мне послезавтра!

– Евгений Максимович, тема очень сложная. За один день я физически не успею сделать.

– Анатолий Михайлович, а кто вам сказал, что у вас один день, у вас день и две ночи. Идите, работайте.

Е.М. Примаков ввел в практику в институте так называемые «ситуационные анали-

зы». Они проводились, в сущности, по методу Сократа, который считал, что в любом человеке спит гений, и его можно разбудить с помощью умело поставленных вопросов. Такие вопросы на ситанализах экспертам задавали сам Е.М. Примаков и его заместитель и друг Георгий Федорович Ким. После ситанализа они с помощью математика Любченко делали из ответов экспертов краткую, но ёмкую выжимку и отправляли в ЦК КПСС. За эту работу они получили Государственную премию.

С 1987 по 1994 г. директором нашего Института был Михаил Степанович Капица. Благодаря его организаторскому таланту, авторитету и международной известности Институт не только сохранил, но и укрепил свою репутацию одного из крупнейших в мире научных центров. Придавая должное значение исследованиям в области международных отношений, М.С. Капица всегда живо интересовался работой нашего Отдела комплексных проблем международных отношений, которым я руководил. Он часто вызывал меня в свой кабинет и подолгу со мной беседовал. Во время нашей первой встречи он предложил снять пиджаки и выпить по бокалу вина. Это помогло мне расслабиться, снять напряжение и почувствовать себя более непринужденно. Помимо всего прочего, М.С. Капица был ещё тонким психологом.

Вся деятельность М.С. Капицы, разнообразная по направлениям и единая по цели, была направлена на взаимное узнавание, взаимопонимание и сближение народов нашей страны и народов Востока. Он внёс большой вклад в развитие отечественного востоковедения, в умножение мировой славы Института востоковедения РАН.

1990-е годы были тяжёлым периодом в истории нашего Института. Я нашёл в своём дневнике такую запись: «3 июня 1994 г. Сейчас наука (в том числе и историческая) оказалась в небывало тяжёлом положении. Она низведена на самый низкий уровень социальной иерархии. Учёные получают зарплату меньше, чем вахтёры. Но, как говорится, нет худа без добра. Тяжёлые условия,

в которых пребывают наука и учёные, служат своего рода фильтром, с помощью которого отсеиваются случайные люди. Остаются только преданные науке, любящие её, бескорыстные рыцари науки, готовые служить ей не ради благ и привилегий, а ради неё самой».

Большие заслуги в укреплении института востоковедения РАН и в развитии российской востоковедной науки принадлежат директорам, возглавлявшим наш институт в постсоветскую эпоху – Р.Б. Рыбакову, академику В.В. Наумкину и нынешнему директору В.П. Андросову. Во многом благодаря их усилиям востоковедение России ныне занимает одно из ведущих мест в мировой науке. В настоящее время ИВ РАН – это уникальный научный центр, исследования которого получили признание во всем мире.

В стенах института выросла школа востоковедов, составившая славу российской науки. Российскими востоковедами накоплен огромный и зачастую уникальный опыт изучения стран и народов Азии, АТР и Северной Африки. По словам академика Е.М. Примакова, «научные достижения приумножают славу России, обогащают её культуру, обеспечивают её интеллектуальный и цивилизационный прогресс».

Вся моя жизнь теснейшим образом связана с Институтом востоковедения РАН. Здесь я сформировался как востоковед. Здесь прошла вся моя сознательная творческая жизнь.

Руководя в течение 20 лет – с 1990 по 2009 г. Отделом комплексных проблем международных отношений, я сколотил сильную команду высококвалифицированных учёных–востоковедов. В Отделе работали выдающийся курдовед М.С. Лазарев, крупнейший японовед И.А. Латышев, известный арабист В.И. Киселёв, талантливый иранист

В.А. Ушаков, сейчас работают известный иранист и международник У.З. Шарипов, крупный японовед М.И. Крупянко и другие. Фактически в отделе был сильнейший и ведущий в России центр по изучению Японии (И.А. Латышев, М.И. Крупянко, Д.А. Милев, О.А. Ледовская, Т.Н. Устинова). Отдел издал несколько десятков коллективных и индивидуальных монографий по международным проблемам. Ежегодно проводились большие международные конференции. Сотрудники часто выезжали в научные командировки за границу.

В Институте востоковедения я проработал 60 лет, из них почти 40 лет просидел в одном и том же кабинете, заведую сначала сектором, а потом большим отделом. Здесь я знал и радость и горе, здесь пережил счастливейшие дни своей жизни. Институт востоковедения стал моим вторым родным домом.

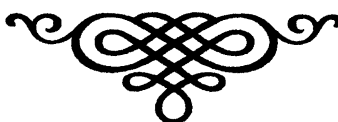
Я горжусь тем, что работаю в этом институте, стал частью этого института, имеющего такую славную 200-летнюю историю. Я горжусь тем, что провёл большую часть своей жизни в этом здании на Рождественке, 12, где всюду витает дух великих востоковедов.

Примечания

¹ Хазанов А.М. 50 лет в Храме востоковедной науки. М.: САМПО, 2009. С. 38.

² Там же.

³ Выступление Е.П. Чельшева на конференции «90-летие Б.Г. Гафурова». ИВ РАН. 10.12.1998.

О.М. Курникова

СИСТЕМА НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ САНДЖАКА КЕФЕ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XVI ВЕКА Торгово-экономический аспект

С завоеванием Крыма османами в 1475 г. в экономической жизни региона произошли некоторые изменения. На территории Крымского полуострова был образован санджак Кефе, преобразованный в конце XVI века в эялет, в состав которого вошли все бывшие генуэзские колонии в Крыму, а именно: западное и восточное побережья, Южный берег Крыма, Керченский и Таманский полуострова. Крымское ханство, занимавшее степные и предгорные части Крыма, стало вассалом Османской империи. Санджак Кефе являлся прямым султанским владением, управление его осуществлялось непосредственно османской администрацией. Османы разместили здесь свои гарнизоны, в городах находились турецкие чиновники.

В соответствии со сложившимися правилами государственно-бюрократической системы в Османской империи, на вновь приобретённых территориях производились переписи, по результатам которых составлялись дефтеры (реестровые книги) различных видов.

Изучить экономическое положение санджака Кефе в первой половине XVI века в целом, а также рассмотреть систему налогообложения, сложившуюся в регионе с приходом османов, становится возможным благодаря сохранившемуся тахир-дефтеру № 214. Этот документ находится в Архиве Премьер-министра (Başbakanlık Osmanlı Arşivi) в Стамбуле¹. Он содержит 296 страниц, датирован 20 Receb 949 (30 октября 1542 г.).

Описание событий в данном дефтере начинается с 945–946 г.х. (1538–1539 гг.), и, вероятнее всего, обозначенная на нём дата — это время окончания его составления. Информация, содержащаяся в этом документе,

касается только санджака Кефе. Начинается дефтер традиционно с канун-наме (свода законов) Сулеймана I, далее следует краткое содержание дефтера (стр. 9-21). Основной текст переписи содержит виды источников дохода санджака, информацию о составе и количестве населения. Заключительная часть дефтера посвящена вакфам. Последние страницы дефтера содержат дополнения к канун-наме.

Канун-наме разных султанов в Османской империи — это собрание общих основных законов и положений для разных областей жизни, разработанные для всех территорий, входящих в состав огромной империи, и для всего её населения. Очень часто в дополнение к основным законам, которые были взяты за основу, издавались дополнительные канун-наме для отдельных провинций империи, ориентированные на местную специфику региона.

Тахир-дефтер № 214 содержит законоположения, изданные для санджака Кефе XVI века, которые регулируют многие вопросы жизни региона, в том числе связанные с торговыми и ремесленными отношениями в Крыму.

Крымский полуостров в силу своего географического положения с древнейших времён являлся важным пунктом для контроля Чёрного моря, а также был зоной активных торговых связей. Через его города и порты, такие, как Феодосия, Судак, Азов и другие, проходили международные морские и сухопутные торговые пути, связывавшие страны Востока и Запада.

К моменту прихода в Крым османов торгово-экономические отношения в регионе достигли высокого и развитого уровня. Через портовые города Крыма шёл товарооб-

мен между восточными и северными регионами со странами Европы.

Здесь заканчивались все сухопутные торговые (караванные) маршруты и продолжались морские. Морские бухты, хорошо приспособленные для приёма кораблей, способствовали развитию морской торговли через порты Крыма. Очень часто европейские государства, и в большей мере – Константинополь, снабжались разнообразными поставленными из Крыма продуктами и товарами. Это были зерновые культуры, хлеб, солёная и сушеная рыба и различные рыбные продукты (например, икра), мёд, соль, шкуры и кожи и другие товары. Одной из главных и самых доходных статей была торговля рабами. Город Кефе числился среди основных мест торговли пленными из разных регионов.

В связи с этим для османов приобретение Крыма стало важной стратегической победой – как в военном аспекте, так и, главным образом, в торговом отношении. Контролируя огромный товаропоток, проходивший через крымские земли, османы обложили налогами и пошлинами любые торговые операции, ввоз и перемещение товаров и продуктов, ремёсла, вследствие чего доходы, поступавшие от санджака Кефе в султанскую казну, увеличивались.

Таким образом, система налогообложения для санджака Кефе во многом строилась на сборе налогов и пошлин от любой торговой и ремесленной деятельности.

Необходимо также отметить, что различные отрасли ремёсел были хорошо развиты в городах Крыма, и изделия крымских мастеров ценились далеко за пределами Крымского полуострова.

С приходом османов в Крым торгово-экономическая жизнь региона, достигшая к этому моменту стабильно высокого уровня, на некоторое время замирает. «Кафа, или Феодосия, один из славнейших городов Таврического полуострова, очень хорошо укреплённый, основан генуэзцами. Пристань его хорошо и часто посещается кораблями. Видно, что во времена генуэзцев он был очень богат и населён... Город потерял много сво-

его блеску и величия... В нём живут теперь турки, армяне, евреи, итальянцы и греки; его торговля и пристань и теперь ещё известны в Тавриде... В Кафу плывут корабли с ближайших и далёких островов греческих; но чаще всего из Константинополя...»². Но очень быстро торговая деятельность вновь нарастает и по экономическим показателям начинает опережать развитие региона в генуэзский период Крыма.

«Кафа изобилует мясом, винами, птицей, рыбой, молочными скопами и плодами, а зимой углём и дровами. В город через ворота Татарики ежедневно въезжают 500, 600, 900 и до тысячи телег, а под вечер ни на одной из них не остаётся ничего для продажи... поэтому Кафа очень бойкий торговый город, куда съезжаются купцы из Константинополя, Азии и Персии»³. В значительной мере это была заслуга грамотной политики Оттоманской Порты в отношении населения Крымского полуострова.

Крым всегда был многонациональным, полиэтническим и многоконфессиональным, при османах эта тенденция сохранилась. Здесь проживали и греки, и армяне, и генуэзцы, и евреи, и татары, теперь и турки. С одной стороны, проявление довольно терпимого отношения к другим национальностям и вероисповеданию, по крайней мере, на Крымском полуострове, с другой стороны, послабление налогового бремени для населения, которое примет ислам⁴, позволили османам сохранить и преумножить всё то, что они смогли получить с завоеванием Крыма.

Крымский полуостров сохранил за собой важные ключевые позиции в международной торговле. Структура внешней торговли в XVI веке, по сравнению с предыдущим периодом, не претерпела сильных изменений, местное производство и внутренний товарообмен развивались, сотрудничество с различными регионами шло интенсивно и взаимовыгодно.

В канун-наме тахрир-дефтера № 214 выделено 17 основных пунктов, в которых изложены правила и положения, регламентирующие жизнь населения санджака, а также

изложена система налогов и пошлин для всех видов торговых операций в регионе. Некоторые пункты в документе закрепляли правила и систему налогообложения в отдельных городах. Так, например, пункт XIII содержит законы для города Керчь, а пункт XV излагает таможенные пошлины в городе Тамань. Другие пункты конкретизировали положения или налоги в отношении отдельных видов товара: например, пункт IV содержит правила работорговли в регионе, пункт IX – положения о виноделии и виноторговле.

Таким образом, ввиду ориентированности региона на торговлю, в санджаке Кефе со всех видов торговых операций, как то: продажа, обмен, ввоз или вывоз различных товаров или продуктов, – взималось большое количество налогов и пошлин, как с немусульманского населения, так и с мусульман.

В первую очередь в торгово-экономическую систему налогообложения санджака Кефе османы включали товары пяти основных категорий:

1. рабы;
2. рыба и морепродукты;
3. ткани;
4. шкуры и кожи;
5. вино.

Работорговля являлась основной и главной статьёй дохода санджака Кефе. Согласно законам санджака, налог взимался и с продавца, и с покупателя. С продавца налог за продажу взрослого раба⁵ составлял 200 акче⁶, за ребенка – 75 акче. С покупателя брался специальный налог, который составлял 17 акче с каждой заплаченной тысячи.

Главными поставщиками рабов на торговые рынки городов санджака Кефе были татары. Совершая набеги на соседние территории, они захватывали большое количество невольников, что описано в разных трудах и сочинениях XVI–XVIII вв. «И хотя владеют перекопские татары скотом, обильно плодящимся, всё же они ещё богаты чужеземными рабами-невольниками, почему и снабжают ими и другие земли... Ведь к ним чередой прибывают корабли из-за Понта и из Азии, гружённые оружием, одеждой, коня-

ми, а уходят от них всегда с невольниками... Делают это и в прочих городах полуострова, а особенно в Кафе...»⁷.

Рабы, купленные у татар и ввезённые в санджак Кефе, а также привезённые из Сухуми, рассматривались как импортный товар и облагались дополнительным налогом в 210 акче за несколько рабов. За рабов, привезённых из Азова или Тамани, налог был меньше и составлял 105 акче.

При перемещении рабов между городами санджака тоже взимались пошлины, например: при въезде или выезде из города Кефе она составляла 2 акче за 1 раба. Если раба перевозили из Керчи в Тамань и Азов или обратно – пошлина составляла 32 акче. При продаже в Тамани раба, привезённого из Кефе, взималась плата в размере 38 акче: 34 с покупателя и 4 с продавца. Если же раб был привезён с черкесских территорий и продан на Тамани, то налог с покупателя составлял 200 акче.

Рыба являлась одним из главных продуктов, и в санджаке Кефе было широко развито рыболовство. Рыба морская, речная, солёная, сушеная, морепродукты, икра – всё это добывалось и производилось в больших количествах и пользовалось спросом. Рыбу ловили сетью в Кефе и Тамани, в Керчи и Азове. Наиболее ценной породой считался осётр, так как эта рыба давала также икру.

В османской налоговой администрации осетров делили на пять видов, в зависимости от размера и наличия икры. После добычи икры осетра продавали – свежим (целиком или порезанным на куски), солёным или вяленым. При богатом улове в одном только Азове добывали и солили 10 000–12 000 рыб в год при приблизительной цене в 20 акче за одного осетра. За свежую пойманную рыбу взималась десятина (öşr). Икра облагалась таким же налогом, как и рыба (десятина), плюс за каждый кантар⁸ икры взимался налог в 50 акче. За вяленую рыбу налог составлял 42 акче с каждой уплаченной тысячи.

При вывозе солёной рыбы в бочках из портов санджака Кефе взималась пошлина в размере 42 акче в пользу города Кафы и 21

акче – в пользу порта, из которого вывозилась рыба. При перемещении рыбы и икры между городами санджака взимались различные пошлины. Например, за повозку с сушёной рыбой и икрой взималось 12 акче, а за повозку, гружённую семью свежими рыбами – 5 акче.

На рынках городов санджака – Кефе, Керчи, Тамани, Азова – были представлены различные ткани. Большая часть тканей, материй, сукна и шёлка привозилась по морю из Османской империи, главным образом в город Кефе, а также в Тамань и Азов.

В столице Кефе находились красильни и фабрики по производству парчи и тафты. Все города санджака снабжались тканями из Кефе. Здесь торговцы продавали сукно и материи для одежды в розницу. Наибольшим спросом ткани пользовались у татар и черкесов. На привезённые ткани и сукно распространялся налог в 33 акче с каждой тысячи с покупателя, а с продавца налог не взимался. Привезённые ткани продавец мог хранить в течение трёх месяцев; далее, если товар не был продан, считали его стоимость и брали налог в 33 акче с каждой тысячи, как с покупателя.

За поставки шёлка-сырца из Сухуми и с других территорий налог составлял 42 акче с каждой тысячи. При покупке и продаже кефинской парчи и тафты налог составлял 4 акче за кусок ткани. При покраске ткани в Кефе в тёмно-зелёный цвет взимался налог 1 акче за 2 куска ткани. Когда ткани из Стамбула поставлялись на кораблях в разные города санджака, пошлина собиралась в пользу города Кефе и составляла 12 акче за тюк.

В санджаке Кефе Османская империя монопольно производила закупку по специально установленным ценам всех шкур и кож животных, зарезанных в городах санджака. И только хозяева, которые убивали животных для собственного пользования, могли располагать их шкурами. Татары продавали кожи и шкуры через рынки городов санджака Кефе, при этом за шкуры лошадей, волов, баранов и ягнят взимали 42 акче с каждой тысячи, а также налог в 12 акче за

повозку шкур. Шкуры быков было запрещено продавать на рынках Кефе. Также взималась пошлина за въезд в города санджака и выезд из них в 1-2 акче.

Вино и другие спиртные напитки чаще всего привозились по морю из Османской империи, но также производились и в Крыму и облагались множественными налогами и пошлинами. Основной налог на вино составлял десятину, в добавление к десятине спиртные напитки облагались многими более мелкими сборами. Налогам облагались не только все торговые операции со спиртными напитками, но даже и покупка этого товара для домашнего пользования и свадеб немусульман, в этом случае также взимали десятину. За перемещение спиртных напитков между городами санджака полагались пошлины от 2 до 12 акче за бочку вина, раки или бозы.

Также важными статьями налогообложения в регионе были продажа и покупка зерновых культур и хлеба, скота и птицы, овощей, фруктов, мёда, масел, соли и строительных материалов.

Например, за двухколёсную повозку фруктов (арбузы и дыни), привезённую в город Кефе, взималось 12 акче, а за четырёхколёсную – 24 акче; за лодку фруктов – 25 акче, а за корабль – 55 акче.

Так как санджак Кефе являлся транзитным пунктом между различными странами и регионами, собирались не только налоги с товаров, но и пошлины от 2 до 100 акче за провоз через регион, начиная от повозок татар и заканчивая сбором за проход каждого корабля.

Мелкие торговцы и ремесленники, владельцы ветряных мельниц и мельниц, движимых лошадьми, трактирщики, продавцы пирожков, владельцы питейных заведений платили в казну санджака от 3 до 13 акче в месяц.

За разрешение на торговлю кади брали от 50 до 100 акче.

На примере торгово-экономической жизни региона видно, что казна санджака Кефе пополнялась за счёт хорошо проработанной системы налогообложения, которая была

ориентирована на местную специфику региона. Наибольшее значение в налоговой системе санджака уделялось отдельным категориям товаров – таким, как рабы, рыба и морепродукты, шкуры и кожи, ткани, вино и спиртные напитки, а также злаковые культуры и хлеб, соль, строительные материалы. Товары, поступавшие из некоторых сопредельных территорий (таких, как черкесские и абхазские земли), облагались повышенными налогами. Для мусульманского населения прослеживается послабление налогового бремени. Большинство налогов и пошлин собиралось в пользу кефинского паши, который назначался султаном из Стамбула, и в пользу города Кефе, который являлся столицей одноименного санджака. Кефе был и центральным портом Крыма, через который велись основные торговые операции. Кефе продолжала оставаться основным невольничьим рынком в регионе. Остальные города санджака (Керчь, Тамань, Азов, Судак) делали выплаты в пользу столицы – Кефе и взимали в свою пользу налоги и пошлины за внутренние торговые операции.

Примечания

¹ Başbakanlık Osmanlı Arşivi. Tahrir defterleri № 214. 1542.

² Броневский М. Описание Крыма // Записки Одесского общества истории и древностей (ЗООИД). Т. IV. Одесса, 1867. С. 348.

³ Дортелли д'Асколи Э. Описание Чёрного моря и Татарики // ЗООИД. Т. XXIV. Одесса, 1902. С. 118.

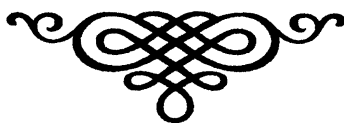
⁴ «Турецкий султан... присылал сюда [в Крым] на жительство свои войска с фирманом, приказывающим собирать дань с каждой души по одной четверти пшеницы, с тем, что от этого налога освобождаются только те гяуры, которые примут ислам... приказ этот жестоко действовал в особенности на тех, которые преданы были лени или мало занимались хлебопашеством, и многие из них, желая избавиться от печальных последствий, решились принять магометанство...» // Кондараки В.Х. Универсальное описание Крыма. СПб., 1875. С. 218.

⁵ Раб считался взрослым, если у него поменялись зубы с молочных на коренные.

⁶ Акче – мелкая серебряная монета (1,2 г), обращавшаяся на территории Османской империи и сопредельных государств.

⁷ Литвин М. О нравах татар, литовцев и москвитян. М.: Из-во МГУ, 1994. С. 71–73.

⁸ Кантар – мера веса, равная в Стамбуле 44 окка, или около 56 кг. Но в разных областях империи вес его не был одинаков.

Р.Ю. Почекаев

Ч.Ч. ВАЛИХАНОВ
О ПОЛИТИЧЕСКОМ И ПРАВОВОМ РАЗВИТИИ
СРЕДНЕАЗИАТСКИХ ХАНСТВ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Чокан Чингисович Валиханов (1835–1865), несмотря на свою сравнительно короткую жизнь и деятельность, оставил обширное письменное наследие, которое до сих пор изучено неравномерно. Наибольший интерес вызывают труды Валиханова по результатам его разведывательной миссии в Восточный Туркестан (Кашгарию) в 1858–1859 гг., которая, несомненно, представляет собой самую яркую страницу в его биографии¹. Кроме того, достаточно подробно изучены его работы по истории, этнографии и источниковедению Казахстана. В них он предстаёт не только как ученый-исследователь, но и, согласно популярному ещё в советской науке мнению, как носитель либерально-демократических взглядов, широко распространённых в России середины XIX века².

В гораздо меньшей степени до сих пор исследовались его материалы, посвящённые истории и современному положению Средней Азии, в частности – Бухарского эмирата, Кокандского и Хивинского ханств. Отсутствие интереса к этим материалам, по всей видимости, связано, во-первых, с тем, что они носили «вторичный» характер: сам Ч.Ч. Валиханов в среднеазиатских ханствах не бывал и в своих работах, посвящённых им, опирался на архивные документы и свидетельства очевидцев. Во-вторых, в отличие от многочисленных и нередко значительных по объёму трудов о Восточном Туркестане и Казахстане, большинство работ Валиханова о Средней Азии – это либо небольшие статьи, публиковавшиеся в российской периодике (нередко даже без указания имени автора), либо вообще отрывки и наброски, предназначенные для задуманных им крупных работ.

Однако не следует забывать, что Ч.Ч. Валиханов являлся не только выдаю-

щимся учёным. Большую часть своей взрослой жизни он был, в первую очередь, офицером российской армии и чиновником (адъютантом) при генерал-губернаторе Западной Сибири и командире Отдельного сибирского корпуса Г.Х. Гасфорте (в 1853–1860 гг.), а затем числился драгоманом Азиатского департамента Министерства иностранных дел. При этом начальники отмечали его «несомненную преданность правительству», «очень хорошие дарования» и «расторопность», а также хорошее знакомство с историей и современным ему состоянием среднеазиатских государств³. Соответственно, сбор и систематизация Ч.Ч. Валихановым материалов о Средней Азии, по всей вероятности, были частью его служебных обязанностей, и при работе с ними он старался уделять внимание тем вопросам, которые в большей степени интересовали руководство Западной Сибири, а затем – и российского МИДа.

Таким образом, анализ упомянутых материалов позволяет расширить, с одной стороны, наши знания о научных интересах Ч.Ч. Валиханова; с другой – представления о направлениях политики России в Средней Азии как раз накануне активизации её завоевания и присоединения к Российской империи. В рамках настоящего исследования мы намерены сосредоточиться на сведениях Ч.Ч. Валиханова о государственности и правовой системе ханств Средней Азии в исследуемый им период, т.е. в первой половине XIX века. Ряд этих аспектов представлял большой интерес для российских властей, поэтому неудивительно, что нередко соответствующие сведения приводятся Валихановым в контексте развития отношений Российской империи с ханствами Средней Азии.

Безусловно, одним из важнейших вопросов для укрепления позиций России в Средней Азии являлось стабильное положение её местных партнеров – Бухары, Хивы и Коканда. Соответственно, в ряде своих работ Ч.Ч. Валиханов достаточно подробно рассматривает статус правителей этих государств, особенности их системы управления, причём не только в современный ему период, но и давая исторические экскурсы, важные для понимания закономерностей политического развития ханств Средней Азии.

Так, например, говоря о прошлом Хивинского ханства, Валиханов упоминает, что в XVIII в. его престол неоднократно занимали казахские ханы и султаны, официально являвшиеся российскими подданными; соответственно, политика Хивы по отношению к России была не просто дружественной: ряд монархов стремился установить сюзеренитет России и над этим ханством. И лишь с приходом к власти новой династии Инаков (Кунгратов) в начале XIX в. отношения Хивы с Россией приобрели достаточно напряжённый, а в отдельные периоды – и открыто враждебный характер⁴.

Инаки поначалу смогли установить достаточно эффективную централизованную систему управления, справившись с сепаратистскими тенденциями на окраинах ханства. Однако в середине 1850-х гг. ханство переживало смутные времена: за 1855–1856 гг. на троне в Хиве сменилось четыре хана, а в ряде регионов были провозглашены собственные правители – казахский султан Джарлык у каракалпаков, Ата-Мурад у туркмен и т.д. Лишь к концу 1850-х гг. хану Сайид-Мухаммаду удалось справиться с последствиями смуты и восстановить свою власть на всей территории ханства⁵.

Аналогичным образом, постоянные смуты являлись неотъемлемой частью политической жизни Кокандского ханства. Причинами этого были многочисленность и разветвлённость правящего рода, а также отсутствие чётких правил наследования трона⁶. Поэтому правители всячески старались укреплять свой статус. В начале XIX в. кокандский бек Алим принял титул хана, а его

брат и преемник присоединил к нему ещё и титул сейида, тем самым претендуя не только на светский, но и на духовный авторитет. Современный Ч.Ч. Валиханову хан Худояр также позиционировал себя как знатока богословия и правоведения, даже сам периодически выступал с «лекциями прав и обрядов»⁷.

Наиболее стабильным среднеазиатским государством к середине XIX в. являлся Бухарский эмират, правитель которого Насрулла славился «правосудием и милосердием». Это позволило ему в 1842 г. на некоторое время захватить Коканд и поставить в нём у власти своих наместников, а затем – присоединить к своим землям ранее независимое владение Шахрисябз, тем самым существенно усилив свои позиции в регионе⁸. Неудивительно, что «сепаратисты» из числа подданных Хивы и Коканда неоднократно стремились перейти под власть Бухары – как, например, кокандский Ташкент и хивинский Кунград в первой четверти XIX в.⁹

Уделяет Ч.Ч. Валиханов внимание и характеристике центральных и региональных органов управления в среднеазиатских ханствах – ведь российским дипломатическим представителям приходилось взаимодействовать не только с монархами, но и с их сановниками, и с наместниками областей.

Так, при описании системы управления Хивинского ханства Валиханов упоминает о влиянии на хана Сайид-Мухаммада его старшего брата – «человека умного и весьма богатого». Он также сообщает о таких чиновниках, как мехтер (фактически – глава ханского правительства), кушбеги (сборщик основных податей), диван-беги (министр финансов и сборщик таможенных сборов), казы (судья), дарга (министр двора), есаул-баши (начальник войск) и другие мехремы – придворные¹⁰. Учитывая географические и этнические особенности этого государства, ханам не всегда удавалось назначать своих ставленников в качестве наместников областей и зачастую приходилось признавать фактическую власть над тем или иным хивинским регионом влиятельных родопле-

менных вождей, которые порой чисто номинально подчинялись Хиве¹¹.

Кокандское ханство было разделено на наместничества (которые Ч.Ч. Валиханов сравнивает с российскими военными округами) во главе с хакимами. Чаще всего во главе крупных областей становились ханские родственники или наиболее приближённые сановники, которые носили высокие придворные и военные чины – кушбеги, парваначи, датха и др. Каждый хахим имел помощника по гражданской части (саркар) и военной (батыр-баши)¹². Кроме того, Коканд, несмотря на постоянные внутренние междоусобицы, старался отслеживать ситуацию в соседних владениях и, в частности, претендовал на контроль над Восточным Туркестаном (Кашгарией) – под тем предлогом, что местное мусульманское население угнетается «неверными китайскими властями». Именно при дворе кокандских ханов нашли убежище кашгарские ходжи – потомки прежних правителей Восточного Туркестана, в середине XVIII в. свергнутых империей Цин. В благодарность за то, что кокандские ханы удерживали претендентов на кашгарский трон и не позволяли им начинать борьбу за власть, цинские власти выплачивали в Коканд ежегодно «до тысячи ямб» серебра и допустили официальное присутствие в Кашгаре кокандского чиновника-датхи, собиравшего налоги с торговцев. Несмотря на такие привилегии, кокандские ханы, тем не менее, несколько раз поддерживали восстания ходжей и даже прямо вмешивались в борьбу с цинскими властями¹³.

Среди подданных всех среднеазиатских ханств имелись многочисленные кочевники, к которым Ч.Ч. Валиханов проявляет немалый интерес в своих записках – как в силу собственного происхождения, так и потому, что Российская империя имела неоднократные конфликты с Бухарой, Хивой и Кокандом относительно подданства тех или иных кочевников.

В отдельные периоды кочевники играли важную роль в политических событиях. Так, в середине 1850-х гг. туркмены свержали (или убивали) и возводили на трон Хивы

своих ставленников и, как уже упоминалось выше, даже провозгласили ханом собственного предводителя Ата-Мурада¹⁴. В Кокандском ханстве в конце 1840-х – начале 1850-х гг. реальная власть принадлежала племени кипчак во главе с Мусульманкулом. Он был смещён лишь после того, как в его собственном племени начались междоусобицы и он упустил контроль над ханством, который, наконец, перешел к легитимному монарху – хану Худояру¹⁵.

Практически все кочевники Бухары, Хивы и Коканда должны были нести военную службу разного рода. Так, согласно проанализированным Ч.Ч. Валихановым запискам поручика А. Субханкулова¹⁶, туркмены уже в первой четверти XIX в. несли военную службу в пользу хивинских ханов¹⁷. В Кокандском ханстве кочевники – узбеки, казахи, киргизы – делились на две категории: «совершенных подданных Коканда» и «признающих его власть». Племена, входившие в первую категорию, несли военную службу на регулярной основе и пользовались различными льготами и привилегиями, тогда как входившие во вторую категорию составляли «вспомогательные войска» и не имели льгот, платя налоги и неся повинности, как и оседлое население¹⁸.

Учитывая высокую мобильность кочевников, не приходится удивляться, что казахи, киргизы, каракалпаки и отдельные туркменские роды неоднократно перекочевывали из российских владений в среднеазиатские ханства и обратно, надеясь на более выгодные условия принятия подданства того или иного государства. Соответственно, в подобных случаях, и Россия, и ханства Средней Азии выражали претензии противоположной стороне, обвиняя её в «переманивании» своих подданных. Так, в 1820–1830-е гг. кокандский хан объявил себя «покровителем» всех казахов («киргизов»), в том числе и проживавших на территории казахского Среднего жуза, входившего в состав Российской империи¹⁹. Аналогичным образом, в течение длительного периода на власть над казахами – уже Младшего жуза (также находившегося в

российском подданстве) – претендовали хивинские ханы из династии Инаков, которые стремились подчинить их себе путём набегов, угона скота, насильственного переселения аулов и пр.²⁰

Время от времени среднеазиатские власти, не ограничиваясь заявлениями о сюзеренитете над казахами, позволяли себе и более радикальные требования.

Так, в 1835 г. кокандский наместник (кушбеги) в Ташкенте обвинил российские власти в создании на территории Среднего жуза «диванов» (т.е. окружных приказов в соответствии с реформой 1822 г., разработанной М.М. Сперанским), обложении казахов сборами и воинской повинностью²¹. Он в ультимативной форме потребовал от российских властей «снять диваны» и убрать из Среднего жуза русских чиновников²². Примечательно, что российские власти, согласно привлечённым Валихановым актам дипломатической переписки, реагировали на подобные ультиматумы весьма взвешенно и ограничивались выражением желания сохранять мир, дружбу и поддерживать взаимовыгодные торговые отношения.

В связи с этим ещё одна сфера правоотношений также неоднократно освещается Ч.Ч. Валихановым – налоговая. Он упоминает как о внутренних налогах, так и о таможенных сборах, тема которых также неоднократно являлась камнем преткновения в развитии отношений Российской империи с ханствами Средней Азии.

Внутренние налоги ханств упоминаются Валихановым в контексте общего политического развития того или иного государства. Так, сообщая о вступлении на престол кокандского хана Малла-бека, свергнутого в 1858 г. своего брата Худояра, он отмечает, что новый монарх, стремясь привлечь на свою сторону подданных, совершил ряд важных изменений в налоговой сфере. Он отменил налоги – никахана (свадебный сбор, составлявший 1 золотой при заключении брака с девицей и 1/2 при заключении брака с вдовой), тарахана (сбор при вступлении в права наследования, составлявший 1/40 от наследуемого имущества), тарадзар

(весовой сбор). Также был уменьшен вдвое поземельный налог (харадж), ранее составлявший 1/5 урожая с орошаемых полей, тогда как с неорошаемых полей он отныне больше не взимался²³.

Основные мусульманские налоги (харадж и зякет) взимались во всех среднеазиатских ханствах. При этом зякетом облагалось не только оседлое население, но и кочевники, не обладавшие особым статусом – например, вышеупомянутые «признающие власть» кокандских ханов, не несшие постоянной военной службы. Впрочем, в ряде случаев отдельным категориям подданных могли предоставляться налоговые льготы. Так, после поражения очередного восстания ходжей в Восточном Туркестане кокандский хан позволил 100 тыс. кашгарцев переселиться в его владения и предоставил им налоговые льготы сроком на 10 лет²⁴.

В контексте отношений с Россией Ч.Ч. Валиханов неоднократно отмечает в своих записках неравное положение российских и местных торговцев при уплате торговых и таможенных сборов: купцы немусульманского вероисповедания должны были платить пошлины как за ввозимые, так и за вывозимые товары намного более высокие, чем мусульмане²⁵. Соответственно, он приводит документы дипломатической переписки, в которых российские власти настойчиво требовали от властей Бухары, Хивы и Коканда обеспечить безопасность российских торговцев и предоставлять им такие же льготы и привилегии, какие предоставлялись среднеазиатским купцам в России²⁶. Примечательно, что сами среднеазиатские торговцы, привыкшие к высоким торговым налогам, со временем научились избегать повышенной платы за ввоз и вывоз товаров и использовали свои умения не только в собственных государствах, но и в России. Так, анализируя деятельность Петропавловской таможни в первой четверти XIX в., Валиханов пишет: «Таможня сознаётся, что при составлении ведомостей отличить привозные и отвозные и из каких владений было невозможно по неясности объявлений, поданных от купечества»²⁷.

Не характеризуя специально сферу преступлений и наказаний, Ч.Ч. Валиханов сообщает некоторые сведения, которые также касаются взаимоотношений России и среднеазиатских ханств в торговой сфере. Так, когда хивинский хан Мухаммад-Рахим I узнал о нападении подвластных ему каракалпаков на караван и убийстве нескольких купцов, он выслал против них карательный отряд, который разграбил каракалпакские аулы, захватил около 300 семейств, а других заставил покинуть пределы ханства и перекочевать в Киргизскую степь.

Если нападения совершались ханскими подданными на иностранные караваны, монархи не брали на себя ответственность за действия грабителей, но и не предъявляли претензии в случаях, когда те несли потери. Валиханов приводит любопытные сведения касательно правосознания таких грабителей караванов: убедившись в том, что поживиться за счёт русских торговцев им не удастся, каракалпаки после очередного отражённого нападения сами предложили сопроводить караван и обеспечить его безопасность²⁸.

Свои правовые принципы и нормы среднеазиатские правители экстраполировали и на иностранных партнёров. Так, когда в 1837 г. оренбургский военный губернатор В.А. Перовский принял ряд ограничительных мер против хивинцев²⁹, хан опасался, что российские власти потребуют «кун» за убийство князя А. Бековича-Черкасского, имевшее место ещё в 1717 г., и за умерших в плену невольников из числа русско-подданных³⁰.

В заключение можно сделать вывод, что проанализированные материалы Ч.Ч. Валиханова содержат ценную информацию о прошлом и современном ему государственном и правовом развитии ханств Средней Азии. Собранные им сведения также свидетельствуют об умении автора эффективно работать с архивными материалами и показаниями очевидцев и систематизировать полученную информацию в соответствии с поставленными перед ним целями и задачами. Несмотря на то, что большинство проанализи-

зированных текстов являлись, скорее всего, «служебными произведениями», созданными Ч.Ч. Валихановым при выполнении его должностных обязанностей, они являются не менее ценными работами, чем его исследовательские труды, благодаря которым он и вошёл в число выдающихся учёных-востоковедов.

Примечания

¹ См., напр.: *Стрелкова И.И.* Валиханов. М.: Наука, 1983. С. 141–184; *Халфин Н.А.* Три русские миссии. Из истории внешней политики России на Среднем Востоке во второй половине 60-х годов XIX века. Ташкент: Изд-во САГУ, 1956. С. 63–69; *Юсупов Э.* Подвиг Чокана Валиханова. Открытие Кашгарии. СПб.: Коста, 2009.

² См., напр.: *Зиманов С.З., Атишев А.А.* Политические взгляды Чокана Валиханова. Алма-Ата: Наука, 1965; *Почекаев Р.Ю.* Ч.Ч. Валиханов и правовые преобразования в Казахстане в середине XIX в. // *Страны и народы Востока. Вып. XXXIV.* М.: Восточная литература, 2013. С. 333–342.

³ *Сочинения Чокана Чингисовича Валиханова* / Под ред. Н.И. Веселовского. СПб.: Тип. Главного управления уделов, 1904. С. 337; см. также: *Халфин Н.А.* Три русские миссии. С. 69.

⁴ *Валиханов Ч.Ч.* Сношения России с Хивой // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. Алма-Ата: Главная редакция Казахской советской энциклопедии, 1985. С. 186–187.

⁵ *Валиханов Ч.Ч.* Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда и новейшие известия из Хивы // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 191–194.

⁶ *Валиханов Ч.Ч.* [Генеалогическая таблица кокандских правителей] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 313.

⁷ *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 317, 321.

⁸ *Валиханов Ч.Ч.* [Дипломатические и торговые отношения России со среднеазиатскими ханствами в первой половине XIX в.] // *Валиханов Ч.Ч.* Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 276–277; *Валиханов Ч.Ч.* Записка о Кокандском ханстве. С. 320.

⁹ Валиханов Ч.Ч. Из замечаний поручика Субханкулова // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 305–306.

¹⁰ Валиханов Ч.Ч. Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда... С. 195.

¹¹ См., напр.: Валиханов Ч.Ч. Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305.

¹² Валиханов Ч.Ч. Записка о Кокандском ханстве. С. 314.

¹³ Валиханов Ч.Ч. [О кокандском посольстве] // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 3. С. 311; Валиханов Ч.Ч. Записка о Кокандском ханстве. С. 320–321.

¹⁴ Валиханов Ч.Ч. Правление нынешнего владетеля Хивинского Сеид-Мухаммеда... С. 191.

¹⁵ Валиханов Ч.Ч. Записка о Кокандском ханстве. С. 315–316.

¹⁶ Эти записки впоследствии были опубликованы полностью, см.: Замечания поручика Абдунасыра Субханкулова о своей поездке из Оренбурга в Хиву летом 1818 г. // История Казахстана в русских источниках. Т. VI. Путевые дневники и служебные записки о поездках по южным степям XVIII–XIX века. Алматы: Дайк-Пресс, 2007. С. 206–218. Однако это, безусловно, ни в коей мере не умаляет значения работы Ч.Ч. Валиханова с этим источником.

¹⁷ Валиханов Ч.Ч. Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305.

¹⁸ Валиханов Ч.Ч. Записка о Кокандском ханстве. С. 315.

¹⁹ Валиханов Ч.Ч. [О кокандском посольстве]. С. 308; Валиханов Ч.Ч. [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 266.

²⁰ Валиханов Ч.Ч. Сношения России с Хивой. С. 186–187.

²¹ Последнее вообще не соответствовало действительности, поскольку вплоть до падения Российской империи население Казахстана и Русского Туркестана было освобождено от воинской повинности.

²² Валиханов Ч.Ч. [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 271–272.

²³ Валиханов Ч.Ч. Записка о Кокандском ханстве. С. 318–319. Примечательно, что новый хан также выплатил долги свергнутого им брата и предшественника.

²⁴ Валиханов Ч.Ч. [О кокандском посольстве]. С. 312.

²⁵ Валиханов Ч.Ч. Среднеазиатские ханства: Хива, Бухара и Коканд и отношение их к России // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 4. С. 182–183.

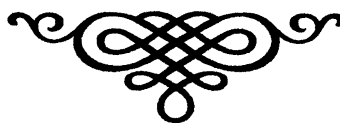
²⁶ Валиханов Ч.Ч. [Дипломатические и торговые отношения...]. С. 270.

²⁷ Валиханов Ч.Ч. [Черновой материал о торговле России с Западным Китаем и Средней Азией в первой четверти XIX в.] // Валиханов Ч.Ч. Собрание сочинений в пяти томах. Т. 2. С. 255.

²⁸ Валиханов Ч.Ч. Из замечаний поручика Субханкулова. С. 305, 307.

²⁹ См. подробнее: Почекаев Р.Ю. Экономические санкции Российской империи против Хивинского ханства в XVIII и XIX вв.: причины, правовое оформление, эффективность // Вопросы правоведения. 2016. № 3. С. 208–211.

³⁰ Валиханов Ч.Ч. Сношения России с Хивой. С. 188.

А.Ш. Кадырбаев

ИТОГИ МИССИИ РОССИЙСКОГО ПОСОЛЬСТВА Е.В. ПУТЯТИНА В КИТАЙ. 1857–1858 ГОДЫ

Посол Российской империи в Китае Е.В. Путятин проводил взвешенную политику. Он сумел добиться того, что Россия по итогам русско-китайского Тяньцзиньского договора 1858 г., в обмен на предоставление Цинской империи военной помощи приобрела земли Приамурья и Уссурийского края. Он старался не обострять отношений со вчерашними противниками России в Крымской войне – Великобританией и Францией. При этом Путятин умело использовал в своих интересах не только недовольство ими цинского Китая и Соединённых Штатов, чья экспансия в эту страну сдерживалась преобладанием там западноевропейских держав, но и противоречия между самими союзными державами.

Заслугой Путятина стало признание западными державами Российской империи как равноправного игрока в борьбе за сферы влияния в Китае. Тем более что это происходило после поражения России в Крымской войне от Великобритании и Франции. Причём, в отличие от них, ему удалось добиться своих целей дипломатическими средствами, хотя искушение прибегнуть к военным мерам в отношении цинского Китая присутствовало и у него. Но граф Путятин оказался на высоте положения, проявив разум и выдержку, все прекрасные качества настоящего государственного деятеля и дипломата.

Путятину даже удалось использовать в пользу России военные успехи англичан и французов в войне против цинского Китая, которую он пытался предотвратить. В этом он признался послам Великобритании и Франции в этой стране – лорду Эльгину и барону Гро, как очевидно из следующего документа: «Из сообщённых уже переписок моих с Бароном Гро и Лордом Эльгином Ваше Сиятельство (министр иностранных дел России А.М. Горчаков. – *Авт.*) изволили ви-

деть, что сношения мои с ними были довольно откровенны, и я счёл нужным по подписании трактата (Тяньцзиньского договора. – *Авт.*) изъяснить им официально, в какой мере мы обязаны теперешним счастливым результатам орудиям Франции и Англии, и что при важных сделанных Китайским Правительством уступках желательно было бы, чтобы дальнейший их напор на Китай был бы остановлен. Копии этой ноты моей и ответов французских и английских послов я посмею прилагать при сём (рапорте. – *Авт.*). Они, как я не могу не заметить, готовы со своей стороны принять меры, чтобы новые права не могли быть обращены иностранцами во вред Китая, и приглашают меня участвовать в совещаниях по этому предмету на подписании ими своих трактатов. Я... словесно изъяснил им своё согласие...»¹.

Документ свидетельствует о том, что англичане и французы были вынуждены считаться с мнением российского представителя и согласовывать с ним свои действия. Этому способствовала гибкая дипломатическая позиция Путятина, не отказывавшего западным союзникам даже в комплиментах по официальной линии, если это было необходимо для успеха его предприятия.

Путятину приходилось действовать в непростых условиях под давлением как англичан, не церемонившихся с китайцами, так и цинских властей, обращавшихся к нему за поддержкой. Он выступал посредником между ними, при необходимости прибегая к помощи французского представителя. При этом он искусно использовал противоречия между Великобританией и Францией, а также координировал свои действия с представителем Соединённых Штатов, который, как и Путятин, выступал посредником в англо-франко-китайском конфликте. В этих условиях в полной мере проявился талант Пу-

тина как блестящего дипломата, твёрдо, но вместе с тем и достаточно гибко отстаивавшего интересы своей страны.

При этом следует отметить, что служебные обязанности Путятина не ограничивались его ответственностью как главы российской дипломатической миссии в Китае, хотя задачи в этой области и были приоритетными в его деятельности. Наряду с этим, он был командиром тихоокеанской эскадры российских боевых кораблей у берегов Китая. Повседневное командование военными моряками, вопросы боеготовности эскадры в зоне боевых действий британского и французского военных флотов против Китая, сложные вопросы снабжения подчинённых ему кораблей энергоносителями того времени – каменным углем и боеприпасами в условиях удалённости от основных российских военноморских баз (тем более что вновь приобретённые земли Приамурья и Уссурийского края с западным побережьем Японского моря, Сахалина не были ещё даже минимально освоены русскими) – за всё это тоже отвечал адмирал Путятин. Он с честью вынес на своих плечах и это нелёгкое бремя.

В свою очередь, присутствие российской эскадры под командованием Путятина у берегов Китая было весомым аргументом в его переговорах с Китаем и способствовало прекращению боевых действий против него британской и французской эскадр.

Хотелось бы отметить непреходящую научную ценность материалов Российского государственного архива Военно-Морского флота, содержащих основные сведения о дипломатической миссии Путятина в цинский Китай. Они также свидетельствуют о том, насколько высока была подготовленность офицеров Российского Военно-Морского флота, яркими представителями которого были адмиралы Путятин, Посьет, Казакевич, Невельской, военно-морской министр Константин Романов и другие. Мы видим, насколько досконально они разбирались не только в вопросах, имевших отношение к флоту и военному делу, но и в проблемах внешней и внутренней политики, экономики, торговли, в обычаях и традициях наро-

дов Китая и российского Дальнего Востока. Сам факт назначения послом в Китай адмирала Путятина, военного моряка – лучшее подтверждение вышесказанному.

Отношение Путятина и его соратников к маньчжурам и китайцам, при том, что в ходе его миссии в Цинскую империю порой приходилось ради достижения политических целей прибегать к жёстким мерам, иногда на грани военного давления, тем не менее, проникнуто уважением к их культуре. Оно было лишено высокомерного культуртрегерства и расистского предубеждения, что резко контрастировало с пренебрежительным отношением к ним англичан и американцев.

Справедливости ради, не умаляя роли Путятина, следует отметить, что успех его миссии был также обусловлен координацией его действий как с Санкт-Петербургом, прежде всего с великим князем и морским министром К.Н. Романовым, канцлером, министром иностранных дел А.М. Горчаковым, директором Азиатского департамента МИДа Е.П. Ковалевским под непосредственным контролем самого монарха Александра II, оказавшихся на высоте своего положения, так и с российскими властями на местах, которые олицетворял генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв, чью роль в этих событиях трудно переоценить. Лучше всего об этом говорит высочайше пожалованная ему милость называться Муравьёвым-Амурским в качестве признания его заслуг перед Отечеством.

Прекрасной иллюстрацией к сказанному могут служить слова его соратника М.И. Венюкова: «Я много работал... на разных окраинах России, в Небесных горах (Тянь-Шане. – *Авт.*), на Кавказе, в Польше; но ничего подобного той общей преданности делу, как на Амуре – говорю по совести – не видал; и если эта преданность есть залог успеха дела, если вдохнуть её в сотрудников есть высшее достоинство вождя, то заслуга Н.Н. Муравьёва неизмеримо высока. Многие ли бы в состоянии были сделать то, что совершил он, с личным составом до смешного малым, но делавшим многое, во всю мощь нервов и мускулов?»².

Надо отдать должное военно-морскому министру, великому князю, младшему брату императора Александра II К.Н. Романову, Е.В. Путятину и генерал-губернатору Восточной Сибири Н.Н. Муравьеву, чьи отношения были непросты, поставивших интересы своей страны выше собственного «разномыслия». К этому следует добавить, что «в воспоминаниях о занятии Амура приходится назвать одного... также имеющего права на память в потомстве. Это был... Егор Петрович Ковалевский, который управлял Азиатским департаментом Министерства иностранных дел в 1856–1861 гг. Его проницательный ум, его литературные дарования, его злой язык, его отличное знакомство с Востоком – от берегов Нила и Адриатики до Бухары, Кульджи и Пекина, – его просвещённый патриотизм и широкое европейское образование слишком известны, чтобы мне нужно было упоминать о них; но его участие в деле воссоединения Амура известно далеко не каждому. Между тем, оно было очень значительно, и можно даже сказать, что в Петербурге главными двигателями амурского дела были великий князь Константин Николаевич и Ковалевский... Лучшего направителя азиатской политики России, как Егор Ковалевский, не было во всё время существования Министерства иностранных дел...»³

Хотелось бы также обратить внимание на ещё одно обстоятельство. Деятельность российских военных моряков, «составлявших экипаж транспорта "Байкал" в 1849 г., а затем Амурскую экспедицию с 1850 по исход 1855 г., – преисполненная гражданской доблести, отваги и мужества, представляет незыблемое основание к окончательному присоединению к России в 1858 г. Приамурского и Приуссурийского краёв»⁴ и является важной составляющей успеха дипломатической миссии Путятина в Китае.

«Окончательная победа наша, а равно и прочное водворение в Приамурском и Приуссурийском бассейнах... без всякого шума и треска, – было обусловлено, по мнению командира Амурской экспедиции адмирала Г.И. Невельского, – мерами, основанными

на глубоком изучении, в продолжение шести лет, страны, её обитателей и её отношений с соседней с ней Маньчжурией»⁵.

М.И. Венюков, активный участник этих событий, сообщает: «Здесь у места вспомнить, как вообще снаряжались и производились амурские экспедиции. Что это не были нашествия русских войск с целью кого-либо разгромить или покорить оружием, как на Кавказе или потом в Туркестане, – это более или менее известно каждому. Согласно требованию императора Николая, "чтобы на Амуре порохов не пахло", присоединение его не стоило России ни капли крови, ни одного выпущенного патрона. Войска брались на всякий случай, а главное – как рабочая сила для водворения русских оседлостей»⁶.

Коренные народы Приамурья и Уссурийского края – гольды, орочены, нивхи, удэгейцы – органично стали неотъемлемой частью симбиозной российской цивилизации и гражданами России благодаря её политике на Дальнем Востоке. Эта политика отличалась «справедливым и глубоким вниманием к коренным обычаям местного населения, изучением их образа жизни, потребностей и отношений, устранением различных столкновений между отдельными жителями, несмотря на ничтожную численность (русских в это время. – *Авт.*) по сравнению с окружающими их со всех сторон гиляками (ныне нивхи. – *Авт.*), гольдами и миллионным населением соседних маньчжуров»⁷.

Здесь хочется сказать о личности Путятина и его отношении к своим подчинённым, чьи судьбы были вверены в его распоряжение. Путятин имел круг доверенных, подчинённых ему по службе людей, своих соратников, без помощи которых ему было бы сложно выполнить задачи, поставленные перед ним руководством России. О заслугах этих людей он не забыл после успешного завершения своей миссии в Китае, о чём свидетельствуют документы. Например, в своём письме контр-адмиралу П.В. Казакевичу от 1 июля 1858 г. Путятин даёт инструкции по поводу ведения переговоров с Китаем о праве российских судов на посещение китайских портов и здесь же представляет к

награждению и производству в новые чины личный состав парохода-корвета «Америка»⁸.

Ещё более впечатляет его рапорт по поводу награждения членов дипломатической миссии к цинскому двору, представленный высшему руководству страны. «Его Императорскому Высочеству... В особенности я дорожу доверием, оказанным представлению моему о трудах сослуживцев моих, удостоенных, по ходатайству Вашему, Всемилоостивейше пожалованных им наград», – писал Путятин в своём рапорте от 25 ноября 1858 г. великому князю. На подлиннике рапорта «собственно Его Императорского Величества (императора Александра II. – *Авт.*) рукою» написано: «Я совершенно разделяю взгляд Путятина и нахожу, что он действовал умно и осторожно»⁹.

Успех миссии Путятина в Китай способствовал росту по службе его соратников, немало сделавших для данного предприятия. Например, Ф.Р. Остен-Сакен получил в сентябре 1860 г. назначение на пост начальника отделения Азиатского департамента МИД. А сам Путятин в 1861 г. стал членом правительства Российской империи, получив портфель министра народного просвещения.

Следует отметить, что среди своих подчинённых Путятин пользовался искренним уважением и любовью, о чем свидетельствует ходатайство по окончании экспедиции в Японию от 2-6 июня 1856 г., служивших под начальством вице-адмирала офицеров Тихоокеанской эскадры, с целью добиться разрешения поднести ему в подарок серебряный кубок «в знак глубокого уважения». Однако тогда вышестоящие инстанции не дали разрешения военным морякам сделать такой подарок их бывшему начальнику, и кубок хранился у контр-адмирала К.Н. Посыета. Этот соратник Путятина служил под его началом в звании капитан-лейтенанта офицером по особым поручениям ещё на фрегате «Паллада», участвовал в изучении и описании Путятиным побережья Кореи. Десять лет спустя, в 1866 г., будучи адмиралом, почётным членом Российской Академии на-

ук и Русского Императорского географического общества, К.Н. Посыет вновь возбудил ходатайство о передаче этого кубка графу Путятину, и на этот раз ходатайство было удовлетворено¹⁰.

Главным итогом дипломатической миссии Путятина в империю Цин стало присоединение к России Приамурья и установление российско-китайской границы по Амуру. Его левый берег от реки Аргун признавался владением России. Уссурийский край с западным побережьем Японского моря до границ Кореи впредь до окончательного размежевания оставался официально в общем владении, хотя де-факто осваивался российскими переселенцами и властями.

Уже через два года после подписания Тяньцзиньского и Айгунского договоров пограничное размежевание было завершено, и династия Цин признала земли к востоку от реки Уссури российским владением. Причём ещё в ходе путешествия миссии Путятина по морю от Амура до Бохайского залива, к берегам цинского Китая, был решён вопрос о принадлежности России острова Сахалин. Здесь русские опередили Великобританию, Соединённые Штаты и Японию, также имевших виды на эти земли. Хотя какое-то время Сахалин был в совместном владении России и Японии, но к концу XIX века, до русско-японской войны, стал российским островом.

На Дальнем Востоке Российская империя как бы взяла реванш за свои потери на Чёрном море и в Причерноморье после Крымской войны. В результате присоединения к Российской империи Приамурья и Уссурийского края она достигла, как тогда говорили, своего «естественного» (для незащищённой огромной равнины) территориального объёма: до географических рубежей, определённых самой природой.

Однако за этот несомненный успех российской дипломатии пришлось дорого заплатить последующей сдачей позиций России на Американском континенте. Петербург сконцентрировал тогда свои основные силы и средства в Азиатско-Тихоокеанском регионе – на приобретении Приамурья, Ус-

сурийского края с западным побережьем Японского моря до границ Кореи, Сахалина и освоении российского Дальнего Востока.

Деятельность Путятин в 1857–1858 гг. заложила основы расширения сфер влияния Российской империи в Китае во второй половине XIX века и первых десятилетиях XX века, когда де-факто под контролем России оказались Маньчжурия, Монголия, город Харбин. До поражения в русско-японской войне в 1905 г. – ещё и порты на побережье Жёлтого моря: Люйшунькоу (Порт-Артур), Далянь (Дальний), а также Корея.

Восточный Туркестан, или Синьцзян, также вошёл в сферу российского влияния, несмотря на то, что при заключении Тяньцзиньского договора Путятин не стал настаивать на открытии для русской торговли Кашгара и возмещении китайцами убытков за разграбление ими Чугучакской русской торговой фактории в 1855 г. и на российском суверенитете над Урянхайским краем (Тувой. – *Авт.*). Он также оставил благоприятное для Китая разграничение русско-китайской границы в районе озера Зайсан. Присоединение к России Приамурья в 1858 г. и Уссурийского края в 1860 г. предопределило впоследствии судьбу вышеупомянутых земель. Восточный Туркестан с Кашгаром, Чугучаком, Кульджинским краем до 1955 г., Порт-Артур и Далянь – с 1945 до 1954 г., Монголия до 1991-го – года распада СССР – были в сфере политического, экономического, культурного и военного влияния сначала Российской империи, а затем её исторического преемника – СССР. При этом Кульджинский край в течение 10 лет, в 1870–1880 гг., был под прямым управлением Российской империи, а земли в районе озера Зайсан (Восточный Казахстан) и Семиречье (Юго-Восточный Казахстан и Северный Киргизстан – Прииссыккулье), как и вся Средняя Азия с Казахстаном от Восточного Прикаспия до Памирских гор, известные тогда как Русский или Западный Туркестан, стали её частью и находились в составе СССР вплоть до его распада. А некоторые территории, например Тува, не говоря уже о Сахалине, Приамурье и Уссурий-

ском крае, и поныне в составе нашей страны.

И сегодня сказываются позитивные последствия деятельности Путятин в русско-китайских отношениях. Прежде всего, на наш взгляд, они заключаются в том, что он легитимно решил вопрос о разграничении территорий двух стран при согласии официальных властей цинского Китая, что уже тогда лишило юридической, законной основы любые территориальные претензии когда-либо в будущем на дальневосточные земли России. Именно положения Тяньцзиньского договора стали основой последнего соглашения между Россией и Китаем, когда несколько лет назад президент Российской Федерации В.В. Путин подписал с главой Китайской Народной Республики Ху Цзиньтао договор об окончательном урегулировании пограничного вопроса между Россией и Китаем.

Примечания

¹ Российский государственный архив ВМФ (РГА ВМФ). Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1579. Л. 71–72.

² Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. Хабаровск, 1970. С. 56.

³ Там же. С. 69.

⁴ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. 1849–1855. Хабаровск, 1969. С. 385.

⁵ Там же. С. 347.

⁶ Венюков М.И. Путешествия по Приамурью, Китаю и Японии. С. 33–34.

⁷ Невельской Г.И. Подвиги русских морских офицеров на крайнем востоке России. С. 383–385.

⁸ РГА ВМФ. Ф. 410. Оп. 2. Ед. хр. 1579. Канцелярия Морского Министерства. II отдел. О представлении к награде морских ... чинов. Л. 237.

⁹ Там же. Л. 178, 111.

¹⁰ Там же. Ф. 283. Оп. 3. Д. 5269. Инспекторский департамент. О поднесении адмиралу графу Путятину кубка от офицеров бывшей эскадры в Тихом океане.

С.Е. Сидорова

ЖИТЕЛИ КОЛОНИАЛЬНОГО БЕРАРА: ЗАСЛУГИ И НАГРАДЫ

Сипайское восстание 1857–1858 гг. в Индии стало для британцев огромным потрясением, рассеявшим их иллюзии относительно возможности мирного и безмятежного сосуществования с подчинённым народом. Пережитые кровавые события показали, что часть местных жителей и правителей формально независимых княжеств, до поры до времени не представлявшие англичанам источником беспокойства, на деле оказались настроенными крайне враждебно; другие же, напротив, проявили себя оплотом мира и спокойствия.

Подавление восстания позволило британцам провозгласить себя держателями верховной власти (*paramount power*)¹ на субконтиненте. С этого момента одной из важных задач внутренней колониальной политики стало создание в обществе атмосферы лояльности по отношению к новоиспечённым правителям, для чего требовалось замирить недовольных и поощрить проявивших верность. Кроме того, внедряемая британцами модель социально-экономического и культурно-политического развития требовала от местного населения не только верно-подданнической преданности и усилий по поддержанию мира и порядка, но в той же мере и готовности к плодотворному сотрудничеству, модернизации и реформам.

Этого добивались разными способами, в том числе через механизм государственной и публичной похвалы. Обмен знаков одобрения со стороны власти предержащих на хорошее поведение местных жителей во второй половине XIX в. приобрёл характер ритуально-протокольного единообразия.

Существовал целый набор поощрительных практик и способов проявления благосклонности и благорасположения по отношению к подданным, как то: присвоение почётных званий и титулов, награждение орденами и медалями, дарение штандартов, цен-

ных подарков, салютование в честь наиболее важных персон и т.д.

Следует отметить, что для британской колониальной модели доминирования была характерна равномерная дисперсия власти по всей территории Индостана, демонстрация повсеместного присутствия, опутывание субконтинента мелкой сетью однотипных бюрократических структур, институтов, повторяющихся ритуалов, событий и т.д., не позволявших оставить без внимания и контроля ни пяди земли, ни одного из рядовых членов общества. Это напрямую относилось к практикам похвалы, которые осуществлялись на всех уровнях общества. Воспользовавшись опубликованными источниками, можно без труда восстановить, какими знаками отличия, с помощью каких церемоний поощрялись высшие должностные лица, известные и влиятельные члены общества. Однако информация о том, как это было устроено на низовых уровнях, довольно скудная, и чтобы её раздобыть, необходимо обратиться к архивам. Один такой архив находится в г. Нагпуре, втором по величине и важности после Мумбаи городе индийского штата Махараштра. В нем собраны документы, связанные с историей британского присутствия в относительно небольшой по площади области Берар². В колониальное время она формально входила в состав княжества Хайдарабад, но в 1853 г. британцы взяли её у низама³ за долги во временное управление, продлившееся до 1903 г., когда область окончательно вошла в состав британских Центральных провинций⁴.

В иерархии колониальных территорий Берар был низовым звеном. Он управлялся британским уполномоченным, который подчинялся британскому резиденту в Хайдарабаде, и только тот имел право переписки с центральными властями в Калькутте. Сама область была разделена на несколько рай-

онов, во главе которых стояли заместители уполномоченного по Берару. Эти чиновники были не более чем исполнителями выработанных выше решений, но именно на этом уровне можно в максимальном приближении рассмотреть, как эти решения применялись и реализовывались в местных условиях, в частности, как осуществлялся публичный обмен любезностями в пределах дистриктов.

Дарбары

Наиболее интенсивная демонстрация взаимного благорасположения и лояльности происходила во время *дарбаров* – торжественных собраний индийских князей, представителей местной знати и верхушки колониальных властей. Один из самых известных дарбаров состоялся в Дели в 1877 г. по случаю провозглашения королевы Виктории императрицей Индии.

Делийские события многократно описаны и хорошо известны. Но *дарбар* 1877 г. отличался территориальной масштабностью. Впервые перформанс был превращён в многоуровневое действо, когда параллельно с празднованием в Дели были организованы мероприятия на провинциальном⁵ и даже районном уровне. В один и тот же день – 1 января 1877 г. Прокламация о новом титуле королевы была зачитана в десятках городов Индии.

Решение о проведении *дарбара* в конце декабря 1876 – начале января 1877 г. было принято ещё в августе 1876 г., подготовка к делийскому событию началась тогда же и велась в строжайшей секретности. Вероятно, поэтому указания об организации соответствующих мероприятий на местах и, в частности, в дистриктах Берара поступили гораздо позже – только 28-29 декабря⁶, когда главное празднество уже было в разгаре. Такая задержка не дала возможности местным чиновникам развернуть торжества в полном объёме.

На нехватку времени жаловался лейтенант-полковник И. Аллардайс из офиса уполномоченного по Хайдарабадским при-

писанным дистриктам (т.е. по Берару) в письме от 12 января 1877 г. второму помощнику резидента Хайдарабада. В нём он докладывал о проведении 1 января *дарбара* в Амраоти – столице Восточного Берара. Соответствующая Прокламация была зачитана в одном из британских административных зданий, предназначенном для судебных заседаний и разных собраний – *качери* (cutcherry, क़ाचरि), – в присутствии местных джентльменов и представителей знати. Вечером в городе была иллюминация и фейерверки, бедным раздавали подаяния⁷. К письму прилагались гораздо более подробные отчёты заместителей уполномоченного по Берару об аналогичных празднованиях в дистриктах. Каждому дистрикту было позволено истратить 500 рупий, которые по большей части остались не израсходованными из-за дефицита времени. Поэтому буквально все отчёты содержали оправдания чиновников за недостаточную пышность и помпезность организованных мероприятий.

Заместитель уполномоченного по дистрикту Акола (Акола – столица Западного Берара) майор Хадлестон рапортовал о мерах, предпринятых с целью «придания максимальной огласки Прокламации»: 1 января «утренний поезд привез большую часть чиновников и представителей местной знати... и к вечеру в здании городского совета собралась внушительная толпа прибывших из всех частей дистрикта... Те, кому предназначались сидячие места, расположились в центре зала двумя рядами перед помостом в конце помещения, который был зарезервирован для магистратов и высокопоставленного чиновника. В 4 часа пополудни заместитель уполномоченного объяснил на хиндустани значение церемонии согласно меморандуму, распространённому в качестве руководства к действию среди ответственных за дарбар чиновников. Затем он зачитал Прокламацию...»⁸.

Майор Дж.И. Башби, заместитель уполномоченного по дистрикту Булдхана, сообщал, что за два дня, имевшихся в его распоряжении на подготовку грандиозного мероприятия, ни минуты не было потеряно: разо-

сланы приглашения именитым людям дистрикта, которые проживали в 20, 30 и даже 50 милях от районного центра; возведена триумфальная арка, развешаны флаги, сделаны запасы розовой воды и ароматических масел. К 12 утра 1 января гости прибыли, и всё было готово. Приглашённые стоя заслушали Прокламацию на английском языке, а также на маратхи и урду. По завершении чтения господин Райт, суперинтендант полиции, и его подчинённые, стоявшие в дверях зала, произвели три ружейных залпа. Затем всем были розданы бетель, гирлянды и букетики цветов, розовая вода. Во время церемонии «некий господин Салам Маулахан, сын *наваба* Бисмиллы-хана из местечка Деолгхат зачитал замечательное обращение на урду и, насколько я могу судить, был в полном согласии с этим памятным событием. Более того, его отец даже преподнёс назар⁹ в виде индийского меча среднего размера, а сын пять золотых ашрафи¹⁰ для передачи вице-королю»¹¹. К участию в торжестве были привлечены школьники: «Юных представителей подрастающего поколения Индии угощали леденцами в помещении, примыкавшем к залу дарбара». К двум часам церемония завершилась. Иллюминацию и фейерверки организовать не успели, однако сами жители «не позволили оставить город без освещения по случаю такого события, и вечером 1 января все магазины и дома зажглись огнями». Кроме того, Башби сообщал об амнистии и освобождении трёх заключённых, а также о составлении списка из 10 человек, заслуживающих почестей (certificate of honor).

В Элличпуре¹² оглашение Прокламации проходило на плацу перед выстроившимися подразделениями войск и в присутствии знатных людей города и окрестностей. Был произведён салют. Затем гости ещё раз собрались в *качери* и повторно заслушали документ на трёх языках. После раздали бетель. Один заключённый был освобождён, и девять человек представлены к получению почётных знаков.

В письме от 8 февраля 1877 г. резидент Хайдарабада свёл эти и другие отчёты (из

дистриктов Басим и Ван) в один и рапортовал о проведённых мероприятиях министру иностранных дел британского правительства в Индии¹³.

Растиражированный *дарбар* был рассчитан на огромную аудиторию зрителей. Единовременный публичный обмен любезностями в масштабах целого субконтинента создавал картину всеобщей гармонии и мира между правителями и подданными, рисовал модель идеальных отношений между ними и назидательно транслировал идею о том, что залогом всего этого благолепия является соблюдение представителями всех уровней иерархии условий неписаного договора о хорошем правлении в обмен на хорошее поведение.

Почётные звания

Локальные *дарбары* в упрощённом варианте повторяли сценографию и фабулу центрального события, повсеместно вовлекая широкие слои местных, провинциальных обществ в процесс ликования, демонстрации лояльности и расшаркивания. Соответственно, и компенсаторная система поощрений также пронизывала все слои населения. Ответное благорасположение британских властей распространялось и на подданных, творивших хорошие дела на узком, локальном уровне в пределах дистрикта, города, деревни.

Для похвалы, премирования и продвижения по лестнице почета уважаемых и влиятельных представителей общества британцы выбрали из множества индийских титулов несколько позиций и, расставив их по ранжиру, создали чёткую систему статусных маркёров. Индусские звания выстроились следующим образом: Махарадж Адхирадж; Махараджа (Махарани); Махарана; Махарадж Рана; Махарао Раджа; Джам; Раджа Бахадур; Раджа (Рани); Рана; Кунвар; Тхакур; Равал; Рават; Раи Бахадур; Рао Бахадур; Рао Сахиб; Раи; Рао.

Мусульманская «вертикаль» выглядела так: Шахзада; Наваб Бахадур; Наваб; Бегум/Бегам; Мир; Мирза; Сардар Бахадур; Хан Бахадур; Хан Сахиб; Сардар; Хан¹⁴.

Низшие две позиции присваивались чиновникам второстепенных должностей гражданской службы, по сути, они были должностными. Следующие – с добавлением *бахадур* – тоже могли быть должностными, но именно с них начинали отмечать личные заслуги человека. Эти титулы могли быть как персональными, так и наследственными.

Что касается парсов, то на нижних позициях им присваивали звания как мусульманам; начиная с уровня *бахадур*, они получали или военное звание, или британское рыцарство, или баронетство. Для панджабской знати (сикхов) использовали титулы *сардар* или *сардар бахадур*.

Инайет Хуссейн из Секундерабада

Один из первых зафиксированных случаев присуждения почётного звания жителю Берара относится к 1870 г. 9 июля магистрат военного городка в Секундерабаде сделал запрос на имя резидента Хайдарабада К.Б. Саундерса относительно присвоения Инайету Хуссейну, помощнику магистрата (*тахсилдару*¹⁵) и помощнику судьи, титула *хана бахадур* в связи с выходом на пенсию. В письме содержалась просьба о положительном решении вопроса, так как претендент «занимал достойное положение в обществе, обладал высокими моральными качествами и продолжительное время состоял на различных видах службы»¹⁶.

К посланию прилагались выписки из писем предыдущих лет, из которых можно было узнать, что начинал службу Инайет Хуссейн в качестве военного. 25 августа 1855 г. он получил звание *субедара*-майора¹⁷ 2-го пехотного полка нагпурских нерегулярных вооружённых сил. В 1858 г., в разгар сипайского восстания, в переписке британских чиновников он уже фигурировал в звании *риссалдара*¹⁸, аналогичном позиции *субедара*, но относящемуся к кавалерии британской армии в Индии. В этом чине он числился в 1-м подразделении нагпурской нерегулярной кавалерии и служил под началом капитана Э.И. Вуда в дистрикте Самбалпур. Как следует из письма от 16 июля 1861 г., «во

время атак на восставших... его действия неизменно заслуживали похвалы»¹⁹.

Запрос сопровождало письмо с просьбой о присвоении титула и от самого Хуссейна на имя магистрата Секундерабада. В нем Хуссейн описывал вехи своей жизни и рапортовал о безупречной службе сначала последнему радже Нагпура²⁰, а затем британскому правительству. Его военные заслуги были по достоинству оценены начальниками, о чем свидетельствовала полученная им медаль²¹. Оставив военную карьеру, он поступил на гражданскую службу в Центральные провинции. В городе Хингангхат он занимал должность *тахсилдара*. На этом посту Хуссейн, в частности, отвечал за постройку нового городского хлопкового рынка, что, по мнению резидента Хайдарабада К.Б. Саундерса, изрядно поспособствовало развитию хлопковой торговли в регионе²². Хуссейн не преминул отметить, что посетивший город вице-король выразил удовлетворённость этим рынком, и сокрушался, что в тот момент отсутствовал на месте и не смог быть представленным вице-королю лично. Хорошие успехи Хуссейна были отмечены главным уполномоченным Центральных провинций Ричардом Темплом²³, который назначил его помощником магистрата Секундерабада. В общей сложности он прослужил 36 лет, «большую часть из которых, включая ужасный 1857 год, британскому правительству». В заключение письма говорилось: «Я хотел бы добавить, что принадлежу к уважаемому роду, более старому, чем последняя правящая семья в Дели... Моё самое пылкое желание состоит в том, чтобы получить от правительства, которому я служил и чьему благополучию я отдал всего себя, знак признательности, чего удостоивались мои предки много веков назад».

Все эти документы с ещё одним сопроводительным письмом, полным хвалебных слов в адрес Хуссейна, за подписью резидента Хайдарабада К.Б. Саундерса были направлены в Калькутту в сентябре 1870 г. Наконец, 25 ноября 1870 г. из Форт-Уильяма²⁴ пришёл ответ о том, что Его превосходительство вице-король Индии²⁵ с огромным

удовольствием присваивает Инайету Хуссейну титул *хана бахадура* в качестве личной награды и в знак признания его долгой и ценной службы британскому правительству. Письмо сопровождалось официальным уведомлением²⁶.

Хаджа Бади уд-дин из Малкапура

24 сентября 1881 г. Дж.И. Башби, ставший уже к тому моменту лейтенант-полковником, сообщал из г. Аколы уполномоченному по Берару о том, что специальные магистраты, чьи кандидатуры выдвинуты на награждение за хорошую службу, вряд ли будут довольны денежными призами, и предлагал вместо этого присвоить им почётные титулы *рао, хана, рао бахадура, хана бахадура*²⁷. Касательно господина Хаджи Бадрудина (sic! Khaaja Budrudin) содержалась особая просьба о титуле *хана бахадура* за особо усердный труд.

К письму прилагалась его характеристика. Он был назначен специальным магистратом (это было почётное звание, реально обладал полномочиями магистрата 2-го класса) в Малкапуре в марте 1875 г. Его отец, Хаджа Махомед (Khaaja Mahomed), человек хорошей репутации и большого влияния в местном сообществе, занимал этот пост до него с 1867 по 1875 г., после чего освободил место в пользу сына. В 1877 г. сэр Ричард Мид в ознаменование нового титула королевы вручил последнему «почётную грамоту» (certificate of honour) от имени императрицы Индии за хорошую службу. Далее приводились краткие выдержки из отчётов судебного департамента за 1877 и 1880 гг., где упоминался Хаджа Бадрудин в качестве трудолюбивого работника. Количество решённых им судебных дел составляло в 1878 г. – 61, 1879 – 124, 1880 – 255.

В ответ 24 февраля 1882 г. был выслан *санад* за подписью вице-короля Рипона о присвоении Хавадже Бадруд-дину (sic! Khawaja Badrud-din) звания *хана бахадура* в качестве персонального знака отличия, а также уведомление, опубликованное в «Индийском бюллетене» (Gazette of India)²⁸. В

санаде, правда, была допущена ошибка в имени, о чём докладывал резидент Хайдарабада с просьбой исправить написание на Хаджа Бади уд-дин (Khawaja Badi-ud-Din), а также сделать соответствующее дополнительное объявление в «Индийском бюллетене». К середине апреля инцидент был улажен²⁹.

Риасат Али Джагвидар из Асадпура

12 августа 1892 г. в местечке Асадпур на территории дистрикта Элличпур в провинции Берар произошёл инцидент, счастливо закончившийся. Со слов очевидцев – Джанки-баи, вдовы Балвант-рава Патела, и Кишна-рава Шанкара, «примерно в пять часов пополудни вода в реке поднялась высоко. Два человека, Дхамия и Джейрам, при попытке пересечь поток начали тонуть. На берегу в тот момент было около 200 человек, и среди них Риасат Али Джагвидар. Невзирая на опасность для жизни, он прямо в одежде прыгнул в глубину речных вод, схватил тонувших и спас им жизни. Они бы наверняка погибли, если бы Риасат Али не оказался поблизости»³⁰. Отчёт о происшествии был записан главным констеблем Элличпура 15 августа 1892 г. Констебль отправился в деревню и, опросив свидетелей, убедился в правдивости произошедшего. В письме к вышестоящему начальству в Хайдарабаде от 22 сентября У. Хейстингс, заместитель уполномоченного по дистрикту Элличпур, выражал надежду, что британское правительство будет радо оценить храбрость Риасата Али по заслугам.

Из Хайдарабада в Калькутту отправился более конкретный запрос о возможности наградить храбреца медалью Королевского гуманитарного общества (Royal Humane Society). В ответ, однако, последовала просьба представить прошение по форме, установленной Обществом, а также подкрепить его заверенными свидетельствами очевидцев, которые подтвердили бы, что действительно существовал риск для жизни. Из шести пунктов заполненной формы следовало, что Риасат Али был крестьянином 27 лет, а спа-

сённые им люди – рабочими 26 и 30 лет. О месте происшествия было сказано, что уровень воды в реке в засушливое время обычно составлял 1 фут, а в период муссонов не меньше 3 футов. В момент инцидента вода держалась на отметке между 7 и 8 футами, и поток был очень быстрым. В доказательство реальной опасности указывалось, что даже те, кто зарабатывал на жизнь переправами в период наводнений, оставались на берегу. Там же находились ещё около 100 человек³¹, которые бездействовали. Дхамия и Джейрам думали успеть пересечь реку, но вода поднялась слишком быстро. В отдельной графе сообщалось о том, что потерпевшие находились под водой минуту или две и потеряли сознание. На берегу им оказали помощь, и, придя в себя, они отправились домой в сопровождении сочувствующих. Представленные документы устроили власти в Калькутте и в июле 1893 г. вице-король³² одобрил награждение Риясата Али бронзовой медалью и грамотой Королевского гуманитарного общества³³.

Жители Берара

13 января 1879 г. исполняющий обязанности заместителя уполномоченного по дистрикту Амраоти У.У. Сангтон рапортовал уполномоченному по Берару о проведении церемонии награждения призами, грамотами и почётными подарками местных жителей: «В 4 часа пополудни уполномоченный по Амраоти прибыл в школу (High School), украшенную флагами, транспарантами и другими декорациями... Все уважаемые местные джентльмены, а также члены муниципалитета были приглашены на мероприятие, поэтому здание было полно народа. Уполномоченный занял место на подиуме и произнёс речь перед теми, кто заслужил похвалы за проявленные таланты и хорошее поведение. После он раздал призы успешным ученикам... и вновь взял слово, сообщив о намерении сделать церемонию ежегодной... Затем уполномоченный вручил грамоты (certificates) с перечислением заслуг, за которые они вручались. Также были розданы

денежные награды, несколько *патил*³⁴ получили красивые тюрбаны... Заместитель инспектора по образованию выступил с ответной благодарственной речью от имени народа. Церемония завершилась раздачей бетеля... Вечером во дворе школы были фейерверки»³⁵.

К письму прилагался поимённый список получивших награды, среди которых, помимо упомянутых, также значились благодарственные письма от уполномоченного по Берару и даже от самого резидента Хайдарабада, а также денежные призы в размере от 10 до 50 рупий. Интерес представляет колонка с перечислением заслуг: спасение жизни пяти человек во время наводнения, строительство общественных колодцев стоимостью от 300 до 400 рупий, пожертвование для найма дополнительного учителя в школу на шесть месяцев, пожертвование на новое здание школы в размере 500 рупий, раскрытие крупных грабежей на большой дороге (highway robberies)³⁶.

16 мая 1879 г. уполномоченный по Берару выслал в Хайдарабад подобные списки по всем дистриктам Берара³⁷. В дальнейшем они составлялись ежегодно. Перечень хороших дел пополнился ремонтом водохранилищ, усилиями по улучшению санитарной обстановки в городе/деревне, поимкой сбежавших из тюрьмы арестантов, обнаружением краденого, предоставлением доказательств преступлений, жертвованиями на постройку фонтана перед зданием муниципалитета и библиотеки в Аколе, а также многочисленными примерами содействия вакцинации населения, распространения образования, блестящего несения службы и исполнения профессиональных обязанностей и т.д.

Некоторые из этих случаев описывались в письмах подробно. Например, в отчёте о награждённых за 1880 г. рассказывалось об инспекторе 2-го класса Баликсаме, которого рекомендовали к получению почётного титула (Honourary title – не указано какого) «за смелое поведение во время ареста преступников *нагия* (Nagia) в августе 1879 г., которые терроризировали южную часть дистрик-

та Будхана и северные районы территории Его высочества низама в течение 15 лет. В течение долгого периода он тратил значительные суммы на эти цели, но так как не вёл учёт, то не мог получить возмещения, однако его надежды были связаны с иным», т.е. с получением почётного титула. Тем более что денежных призов он уже получил достаточно, как следовало из того же отчета: в 1866 г. – 200 рупий за раскрытие нескольких важных дел; в 1870 г. – 40 рупий за раскрытие кражи; в 1872 г. – 100 рупий за поимку дакойтов³⁸ из племени гонд и за блестящие детективные способности (он попросил заменить деньги на подарок в виде меча); в 1877 г. – 25 рупий за раскрытие грабежа; в 1878 г. – 60 рупий за обнаружение убийцы, осуждённого ещё в 1864 г.³⁹

А в 1888 г. К. Маккинзи, заместитель уполномоченного Элличпура, докладывал уполномоченному Берара о господине Харичанде Тарачанде, который построил в своей деревне полностью за свой счёт «очень хорошую школу для девочек-индусок и передал её в ведение правительства 13 июля 1888 г. во время собрания, на котором присутствовали все уважаемые люди округа. Господин Тарачанд по этому поводу дополнительно подарил каждой девочке одежду и сладости. Для господина Тарачанда будет большой радостью узнать, что Вы и резидент [Хайдарабада. – *Авт.*] цените его щедрость и готовность служить обществу». Маккинзи предлагал назвать школу в честь благотворителя и установить по этому поводу памятную табличку на стене как вечное напоминание о его деянии⁴⁰.

Независимо от уровня и масштаба деятельности, от каждого жителя Британской империи требовалась демонстрация общественно полезной деятельности, нацеленной на сохранение спокойствия, мира, морального и физического благополучия людей, развитие общественных институтов. И каждый такой поступок не укрывался от зоркого ока верховных правителей и поощрялся в соответствии со шкалой оценок, делался предметом общественного достоинства и превращался в историю поучительного характера.

Примечания

¹ Выражение *paramount power* применительно к положению британцев в Индии впервые употребил в 1860 (1862) г. Чарлз Каннинг, вице-король Индии в 1856–1862 гг.

² Современное название области – Видарбха.

³ Низам – титул правителей княжества Хайдарабад.

⁴ Административная единица Британской Индии, созданная на месте присоединённого в 1853 г. Нагпурского княжества.

⁵ О том, как отмечалось восхождение Королевы на императорский трон в Хайдарабаде в отсутствие и *низама*, и резидента, см. *Cohen, Benjamin B. The Delhi Durbars: The View from Hyderabad // Power and Resistance: the Delhi Coronation Durbars / Ed. Julie F. Codell. – Mapin Publishing Gp Ltd., 2012.*

⁶ Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 39 of 1877. Subject: Reports as to manner in which effect was given to the Proclamation regarding assumption of the Imperial Title by the Queen. – Письмо № 17 от 10.01.1877.

⁷ Там же. Письмо № 119 от 12.01.1877.

⁸ Там же. Письмо № 2 от 06.01.1877.

⁹ *Назар* – подношение (обычно золото или золотые монеты) вассалом/подданным/нижестоящим сюзерену/патрону/правителю как залог верности и преданности в обмен на *кхилат* (одежда [иногда с плеча падишаха], оружие, лошади, слоны), символ обещанного покровительства. Широко распространённая церемония в Могольской Индии, особенно во время *дарбаров*, заимствованная британцами.

¹⁰ *Ашрафи* – слово использовалось для обозначения любых золотых монет. На протяжении следующих четырёх лет чиновники Будданы слали одно за другим письма в Хайдарабад с просьбой дать указания, как распорядиться подарками. За это время отец *наваба* Бисмилла-хан умер, а меч начал ржаветь. Так и не добившись ответа, уполномоченный по Берару распорядился вернуть монеты сыну *наваба*, а меч переслать в Хайдарабад [Письма: № 2 от 06.01.1877, 164 от 09.03.1877, 843 от 12.03.1877, 457 от 1877 (дата нечеткая), 2335 от 27.07.1877, 632 от 19.09.1879, 2051 от 04.10.1879, 3/3 от 11.08.1881 и др. // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department].

¹¹ Там же. Письмо № 17 от 10.01.1877.

¹² Там же. Письмо № 42 от 08.01.1877.

¹³ Там же. Письмо № 153 от 08.02.1877.

¹⁴ Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 73 of 1889. Subject: Annual Return of Title Holders in the Hyderabad Assigned Districts. – Appendix A to Circular № 2120 P (From the Offc. Secretary to the Government of India) dated 18.09.1876.

¹⁵ *Тахсилдар* – помощник сборщика налогов.

¹⁶ Письмо № 545 от 09.07.1870 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 44 of 1870. Subject: Title of Khan Bahadur conferred on Sheik Inayat Hussain assistant magistrate, Secunderabad.

¹⁷ *Субедар* – индийский офицер пехотных войск в армии Британской Индии, соответствовал чину капитана в британской армии.

¹⁸ *Риссалдар* – индийский офицер кавалерийских войск в армии Британской Индии, соответствовал чину капитана в британской армии.

¹⁹ Письмо № 545 от 09.07.1870 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 44 of 1870.

²⁰ Рагхуджи III (прав. 1818–1853). После смерти не оставил потомства, что стало поводом для британцев присоединить Нагпурское княжество к территории Британской Индии. Подробнее об этом: *Сидорова С.Е.* Индийский хлопок и британский интерес. М., СПб.: Нестор-История, 2016. С. 187–198.

²¹ Не указана, какая.

²² В первой половине 1860-х гг., на фоне Гражданской войны в США и прекращения поставок хлопка отсюда резко возрос спрос на индийский хлопок. Развитие хлопковой торговли в Центральной Индии было одной из первоочередных задач британских властей в колонии. Подробнее см.: *Сидорова С.Е.* Индийский хлопок и британский интерес.

²³ Сэр Ричард Темпл (1826–1902) – главный уполномоченный Центральных провинций с 1862 по 1867 г. Впоследствии был резидентом Хайдарабада (1867–1868), членом правительства Индии, лейтенант-губернатором Бенгалии (1874–1877), генерал-губернатором Бомбейского президентства (1877–1880).

²⁴ Форт в Калькутте, где размещались центральные колониальные власти.

²⁵ Граф Ричард Мэйо (1822–1872) – вице-король Индии в 1869–1872 гг.

²⁶ Письмо № 2024 от 25.11.1870 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department.

²⁷ Письмо № 2 от 24.09.1881 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 131 of 1881. Subject: Conferment of the title of Khan Bahadur от Khwaja Badi-ud-din, special magistrate of Mulkaipur.

²⁸ Там же. Письмо № 62 от 24.02.1882.

²⁹ Там же. Письмо № 117 от 14.04.1882.

³⁰ Письмо № 2239 от 13.12.1892 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 677 of 1892. Subject: Applications for the Grant of Medals and Certificates by the Royal Humane Society.

³¹ Ср. выше: по показаниям очевидцев, «на берегу в тот момент было около 200 человек».

³² Маркиз Генри Лэнсдаун (1845–1927) – вице-король Индии в 1888–1894 гг.

³³ Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 677 of 1892. Subject: Applications for the Grant of Medals and Certificates by the Royal Humane Society.

³⁴ *Патил* – деревенский староста.

³⁵ Письмо № 34 от 13.01.1879 // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 12 of 1879. Subject: Recognition of services of deserving persons in Berar.

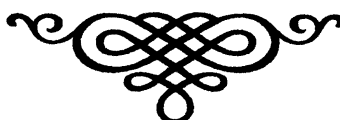
³⁶ Там же.

³⁷ Письмо № 2443 от 16.05.1879 // Там же.

³⁸ *Дакойт* – вор, бандит.

³⁹ Список людей, представленных к награде за заслуги на 1 января 1881 г. // Nagpur Archives. Hyderabad Residency – Berar Department. Political and Military Department. File No. 677 of 1892. Subject: Applications for the Grant of Medals and Certificates by the Royal Humane Society.

⁴⁰ Там же. Письмо № 579 от 29.02.1888.

Т.Н. Загородникова

ВОСТОЧНАЯ НАРОДНАЯ КАРТИНКА В РУССКИХ МУЗЕЯХ

Дмитрий Александрович Ровинский (1824–1895) родился в семье полицеймейстера и, сохраняя семейную традицию, окончил Петербургское училище правоведения (1844 г.). Переехав в Москву, начал работать стряпчим¹, быстро продвигаясь по служебной лестнице. В 1850–1853 гг. был товарищем председателя Московской уголовной палаты, затем получил должность московского губернского прокурора. Он был активным и одним из наиболее либеральных участников подготовки и проведения судебной реформы 1864 года. Его девизом было: «...быть прежде всего людьми, а не чиновниками, служить делу, а не лицам, опираться на закон, но объясняя его разумно, с целью сделать добро и принести пользу, и домогаться одной награды – доброго мнения общества...»² (из напутствия будущим следователям).

В 1868–1870 гг. служил председателем Уголовного департамента Московской судебной палаты. С 1870 г. и до своей кончины Д.А. Ровинский состоял в должности сенатора Уголовного Кассационного департамента, для чего ему пришлось переехать в Петербург, но он часто бывал в Москве.

С 1840-х гг. Дмитрий Александрович увлёкся коллекционированием русских народных картинок-лубков, а также гравюр, первоначально западноевропейских мастеров, потом и отечественных. Коллекция русских народных картинок-лубков Д.А. Ровинского, образцов так называемого наивного искусства, считалась одной из наиболее полных коллекций такого рода³. 1780 листов из этого собрания были опубликованы в его сочинении «Русские народные картинки»⁴.

При подготовке этого издания ему надо было проверить популярную в середине XIX века теорию, которая заключалась в том, что русская культура, русский язык, русская народная картинка-лубок имеют не-

кие восточные, в частности, древнеиндийские корни. Для того чтобы подтвердить или опровергнуть это утверждение, в середине 1870-х гг. он совершил кругосветное путешествие.

Удостоверившись в несостоятельности этой теории, он продолжил своё путешествие и везде, где побывал, покупал гравюры и рисунки. Известно, по крайней мере, о японской, китайской и индийской коллекциях Дмитрия Александровича.

К сожалению, он не вёл дневников, не делал каких-либо заметок для памяти. Правда, остались многочисленные письма, но и в них нет подробных описаний этого путешествия, только отрывочные упоминания. Неизвестно даже, когда именно он уехал и вернулся домой, когда находился в той или иной стране. В личном фонде Ровинского в Отделе рукописей Государственного Музея изобразительных искусств им А.С. Пушкина (ГМИИ) хранится паспорт с турецкой визой, открытой с 26 марта 1875 г., и японский паспорт, но без перевода, не установлен даже год его выпуска.

В предисловии к книге Д.А. Ровинского «Подробный словарь русских гравюров XVI–XIX вв.» его ближайший друг и издатель Николай Петрович Собко⁵ написал, что он семь месяцев работал над изданием этой книги в то время, пока Д.А. Ровинский был в путешествии, вплоть до его возвращения в 1876 г.⁶

В одном из писем Дмитрия Александровича тоже упоминаются семь месяцев странствий⁷. По-видимому, это был период 1875–1876 годов. Справедливости ради следует привести цитату из «Русских народных картинок», где дается другая дата: «В 1874 году я купил коллекцию таких картинок (листового размера) в Калькутте и Бомбее»⁸. Возможно, это простая опечатка. Г.В. Павлова, сотрудник отдела гравюры Русского музея,

пишет, что кругосветное путешествие было совершено в 1875 году⁹.

В письме Дмитрия Александровича без даты, адресованном его близкому другу Алексею Егоровичу Викторову¹⁰, есть упоминание о маршруте: «Вы спрашиваете [про] моё путешествие; вот мой маршрут: Берлин, Рим, Неаполь, Броджа (?), Бари, [НРБ]¹¹, Бриндизи, Александрия, Суэц, Аден, Бомбей. В Индии 2½ месяца: Аллахабад, Калькутта, Дарджилинг (в Гималаях у Бурмы), Бенарес, Каунпор, Люкнов, Агра, Дели, Лагор, Умбала¹², Симла (в Гималаях), Аллахабад, Бомбей, Карли, Гейдерабад, Мадрас, Тричинополи, Танджор, Мадур — и назад в Мадрас.

Цейлон — Pointe de Galle, Коломбо — Канди — кофейные плантации — Нуvara Элия и назад в Pointe de Galle.

Сингапур через Панька¹³ на Яву. Батавия, [НРБ], Бандунг, [НРБ] и назад в Сингапур. Гонконг — в Кантон и назад.

В Йокогаме в Жёлтом море вынес 4-дневный жесточайший тайфун, в который погибло множество кораблей, а наш пароход страшно поломало.

В Японии 18 дней. Хиого¹⁴, Осака, Киота и назад Йокогама, Йеддо¹⁵ и назад. Из Йокогама в Сан-Франциско.

Путешествие по Калифорнии в Неваду к допотопным деревьям в 4-5 сажен в диаметр!

Огден — к мормонам на Солёное озеро; [НРБ] каньон.

Чикаго — Ниагарский водопад, Нью-Йорк.

В Ливерпуль — Лондон — Париж — Берлин — Санкт-Петербург (7 мес. без 10 дней).

Точно сон какой мерещится: перед глазами столько нового, что вся жизнь моя будто надвое раздвоилась: с одной были семь месяцев путешествия, с другой всё остальное.

Только не советую в Индии летом ездить. 42° в тени (в Лагоре), пятимесячные парения и железное здоровье подкосить могут¹⁶.

Общее впечатление от этого путешествия он выразил в письме тому же адресату:

«Про моё путешествие скажу вам, что это сказочная Шехерезада, и я теперь ещё едва-едва опомнился. Пять месяцев пожил в сорокоградусной жаре, исхудал, поседел и теперь только стал приходить в прежнее состояние.

84 дня одного моря, пища по большей части в английском вкусе с перцем и чесноком, опасностей тоже немало. Но, несмотря на всё это, я бы с радостью повторил это путешествие (только не в летнее время), так много любопытных и сказочных видов я в нём насмотрелся; теперь всё тянет на Восток; Европа в роли Швейцарии немного потеряла прежний интерес»¹⁷.

В.Я. Адарюков¹⁸, составитель наиболее полной биографии Д.А. Ровинского, писал: «В целях разыскания первообразов наших картинок Ровинский побывал в Китае, Индии, Японии, Египте, Марокко, Алжире и на острове Ява, откуда привёз массу картинок. Не зная ранее английского языка, Ровинский перед путешествием на Восток предварительно целый год посвятил на его изучение»¹⁹.

Возможно, в арабских странах (Египет, Марокко, Алжир) Ровинский побывал в какое-то иное своё путешествие, но, с другой стороны, В.Я. Адарюков не упомянул Америку, может быть из-за того, что Дмитрий Александрович ничего не привёз оттуда. Можно с уверенностью сказать, что он посетил Иерусалим: в недатированном письме А.Е. Викторову он писал: «На пасхе буду в Иерусалиме, вас помяну»²⁰. В «Русских народных картинках» он описывает своё посещение храма Гроба Господня в 1873 году²¹. Здесь же есть упоминание о посещении Каирского музея²², о виденных им в Египте бродячих певицах²³.

Д.А. Ровинский скоропостижно скончался на 71-м году жизни, оставив незаконченными несколько книг об отечественной и европейской гравюре. К какой-либо систематизации, описанию своих восточных коллекций он и не приступал, да и вряд ли собирался: так много ещё оставалось планов по исследованию русских и европейских мастеров. Но в «Русских народных картин-

ках» есть несколько упоминаний о том, что он видел в это путешествие, например: «Во время путешествия моего по Индии в 1876 году я накупил множество таких картинок, сделанных от руки, в Бомбее, Бенаресе, Калькутте, Танджоре и Трихинаполи: в числе их две с эпизодами битвы мышей с кошками; в Каирском музее случилось мне видеть несравненно древнейший рисунок на остатке древнего египетского папируса, на котором изображена осада кошачьей крепости мышиными войсками»²⁴.

Путешествия Ровинского дали ему возможность сравнить русский лубок с народными картинками других стран: «По формату и стилю русские народные картинки, резанные на дереве, ближе всего подходят к старинным немецким картинкам... по мастерству и расцветке они имеют некоторое сходство с индийскими народными картинками, изображающими разных богов и продающимися до настоящего времени в Калькутте, Танджоре и Трихинаполи, а также со старинными картинками на дереве, китайскими и японскими»²⁵.

В примечании к этому сравнению Д.А. Ровинский даёт краткое описание того, что он увидел на Востоке: «В 1874 году я купил коллекцию таких картинок (листового размера) в Калькутте и Бомбее. В Танджоре и Трихинаполи я нашел такие же картинки, но гораздо большего формата и литографированные в одних контурах, для расцветки, а не резанные на дереве. В Китае и Японии я не мог отыскать новых картинок, резанных на дереве, кроме тех, которые печатались на чайных ящиках. Затем в Калькутте, так же как и на Яве и в Китае (в Кантоне), в настоящее время в большом ходу изображения богов, сделанные от руки, чрезвычайно яркими красками, с золотом и серебром; цена таких картинок листового размера: в Калькутте – по 6 руб. за сотню; в Китае же большие картины ценятся от 1 до 3 рублей за штуку. В Бенаресе англичане печатают красками обои, на которых изображаются все индийские боги; бедный человек может купить себе кусок этих обоев аршина в полтора длиною и получить за безделицу

целую коллекцию богов для своего обихода. В Японии новейшие народные картинки печатаются красками, одни посредством хромографии, а другие посредством деревянных дощечек, заменяющих хромографические камни, как в старинных итальянских гравюрах на дереве в две тени; это лучшие народные картинки в целом мире»²⁶.

По завещанию Д.А. Ровинского его уникальная коллекция гравюр и библиотека были переданы в дар Эрмитажу, Румянцевскому музею, Публичной библиотеке и Академии художеств. В настоящее время восточная часть коллекции Дмитрия Алексеевича хранится в ГМИИ имени А.С. Пушкина за исключением папки с индийскими народными картинками, которая была подарена самим коллекционером Императорской Публичной библиотеке (Российская национальная библиотека, Санкт-Петербург)²⁷.

Впервые восточная гравюра Дмитрия Александровича была представлена публике на выставке «Народная картинка России, Европы и Азии из коллекции Д.А. Ровинского», которую устраивал ГМИИ в 1997 г. Из пресс-релиза можно почерпнуть некоторую информацию по интересующей нас теме: «Самой неизвестной для зрителя частью восточного собрания народной картинки Д.А. Ровинского является китайский лубок XIX века – няньхуа. Это поздравительные новогодние открытки с благими пожеланиями, изображения богов народной мифологии и буддистского пантеона, декоративные картинки, “портреты” красавиц и детей. С середины XIX века в Китае распространяется театральный лубок и лубок-иллюстрация к литературным произведениям, преимущественно из истории Китая. Все они отмечены красотой рисунка и изысканностью цвета. Одним из редких экспонатов выставки, свидетельствующих о проникновении в Китай западных влияний, является изображение велосипедистов на улице в Тяньцзыне.

В коллекции Д.А. Ровинского свыше 150 японских гравюр. Однако, поскольку недавно в музее прошла выставка японской гравюры, на данной выставке мы ограничились показом всего нескольких гравюр на дереве

школы укие-э. Особой прелестью отличается изображение красавицы художника Ёситора, отпечатанное на тёмной ткани»²⁸.

Следует добавить, что японские гравюры из коллекции Д.А. Ровинского можно посмотреть на сайте «Японская гравюра VIII–XIX веков» (www.japaneseprints.ru).

Индийской части коллекции Д.А. Ровинского повезло больше, о ней есть достаточно подробная информация. Коллекция состоит из лубков, гравированных на дереве и раскрашенных акварелью, а также обоев (гуаши по трафарету)²⁹.

В архиве ГМИИ хранится список «Коллекции рисунков, вывезенной из Индустана Его Превосходительством Дмитрием Александровичем Ровинским, сенатором и проч., и проч., и проч., объяснения же написаны П.П. Шалашниковым, знаменитым лингвистом, изучившим 24 восточных языка менее чем [за] 2 года. Собрание рисунков местных живописцев, акварель на бумаге с золотом и серебром»³⁰.

Здесь перечислены 79 листов с кратким описанием того, что на них изображено, например: «74. Сражение. Кришна присутствует возницей огромной колесницы». Или «79. Вероятно, календарь, довольно дурно напечатан, заглавная виньетка Ганеса с 4 рук. и сиянием кругом головы, на обороте аватары: рыба, черепаха, вепрь, лев, карлик в аду (Вамана), Парасурама, Кришна с флейтой, Рамачандра или Кришна (сражение), Будда (проповедь), Кошки с лошастью. В середине между ними три фигуры солнца с № 60. Далее 12 фигур, вероятно, знаков Зодиака». Или «42. Женщина с отрубленной головой»³¹.

В целом большинство картинок посвящено изображениям богов, главным образом Кришны и Шивы, а также (в порядке убывания) Парвати, Раме, Сарасвати, Кали, Ганеше и Брахме; несколько изображений женщин («№19. Женщина с зеркалом», «№ 41. Женщина в костюме», «№ 13. Женщина с трубкой»). Наибольший интерес представляют №№ 43–59: «Костюмы, сцены бытовые. Лубочные картины, купленные на рынках Индии, с надписями» и № 77 «Отряд

европейцев подступает с музыкой и барабанным боем к дворцу, защищаемому индусами. Офицеры верхом, на знамени крест». Можно предположить, что последняя картинка иллюстрирует один из эпизодов Индийского народного восстания 1857–1859 гг. Что скрывается за №№ 43–59, остается только гадать.

Когда был составлен список и кто такой лингвист П.П. Шалашников, «изучивший 24 восточных языка менее чем [за] 2 года»? Можно утверждать, что перечень был составлен до 1917 г., поскольку написан он по старой орфографии, возможно, при передаче в Публичную библиотеку. П.П. Шалашников действительно знал санскрит, потому что некоторые имена индусских богов написаны шрифтом деванагари, только если он просто не перерисовывал символы, которые уже были нанесены на рисунки. Кто такой П.П. Шалашников, установить не удалось.

Индийской коллекцией рисунков заинтересовалась Вера Михайловна Невежина (1878–1959), искусствовед и музейный работник, в 1938–1941 и 1945–1957 годах руководившая Гравюрным кабинетом ГМИИ им. А.С. Пушкина. Она была специалистом по западноевропейской графике, но, по-видимому, заинтересовалась столь экзотической коллекцией и опубликовала статью «Индийские народные картинки»³². Она писала: «Рисунки эти вышли из мастерских, где безымянный, но зачастую талантливейший мастер выполнял оригинал, с которого ученики или подмастерья изготавливали копии, обычно внося разнообразие в расцветку, а также варьируя детали. Исполненные свежо и легко, без заметных усилий простейшими средствами, рисунки обнаруживают немалую долю вкуса и художественного такта.

Листы служили для украшения жилья. Техника исполнения этих картинок необычайна и трудно поддается воспроизведению. Акварельные краски, тушь и жидкое серебро наносятся на бумагу кистями различной толщины. Цвета даются в полную силу, как бы соперничая с блеском и жаром тропического солнца. Особенно полнозвучны тём-

но-синий, кораллово-красный, фиолетовый и янтарный цвета; изысканны малиновые оттенки; широкие розоватые поверхности вносят много света. Краски накладываются неровными плоскостями, они тонко моделируют форму. Народные мастера давали каждый цвет с учётом его взаимодействия с соседними цветами, избегали пестроты и достигали целостного живописного впечатления. Поверх акварели они накладывали тонкой кистью серебряные контуры, чётко характеризующие форму предметов. Предварительное наложение клеевой краски обуславливало прочное прикрепление жидкого серебра к бумаге. Художники щедро декорировали все изображения серебряным дождём украшений, и капельки этого дождя на белой бумаге вызывают неожиданный для глаза европейца эффект».

В. Неvejeина опиралась на тот же список П.П. Шалашникова, но главное – она своими глазами видела эти картинки и профессионально описывала их. Она пишет, что коллекция Ровинского распадается на две части: «сцены из жизни богов и героев» и «бытовые сцены». Она увидела в изображениях бытовых сцен влияние европейцев и поэтому сосредоточила своё внимание на изображениях богов и героев. Безусловно, это самобытное искусство, совершенно отличное от европейских образцов, но, с точки зрения автора этой статьи, с точки зрения историка XXI века, изображения бытовых сцен, особенно № 77 списка П.П. Шалашникова со сценой какого-то сражения, чрезвычайно любопытны.

Каждый, кто хоть раз побывал в Индии, мог видеть подобные картинки, но уже шаблонно напечатанные и растиражированные яркими, бьющими в глаза современными красками. Это украшение кабины водителя автобуса, общественного здания, небольшого алтаря, устроенного кем-то у забора... Коллекция Д.А. Ровинского даёт представление о корнях этой традиции, об эволюции этого вида изобразительного искусства.

Современное общество наравне с классическим, авангардным, абстрактным и многими другими направлениями изобразитель-

ного искусства, высоко оценивает и так называемое «наивное искусство». В Москве открыт небольшой, но безусловно достойный внимания Музей русского лубка и наивного искусства, который устраивает выставки в стенах своих залов, на площадках под открытым небом и в музеях других городов России и зарубежья. В начале 2017 г. прошёл пятый по счёту международный фестиваль «Фестнаив».

Коллекция индийских народных картинок, которым уже более 150 лет, уникальна и интересна не только для русского исследователя, зрителя, историка, но и для индийского. Вряд ли можно найти в Индии такого рода произведения народного искусства на бумажных носителях. Климат этой страны иссушает бумагу и превращает её сначала в нечто ломающееся и рассыпающееся в руках, а потом просто в пыль. Бумага – лакомый кусок для всякого рода термитов и жуков, проделывающих замысловатые ходы в книгах, газетах или просто сложенных вместе листах.

В климатических условиях России бумага хранится дольше. Пример тому – газеты и журналы Яснополянской библиотеки, прекрасно сохранённые бережными руками сотрудников Музея-усадьбы Л.Н. Толстого. Газеты этого периода в Индии можно читать только в микрофильмах. А если вам повезёт получить их, то вы поймёте, что вы последний на земле человек, кто к ним прикасается – они просто рассыпаются при прикосновении. Поэтому устройство выставки или издание альбома индийских народных картинок из коллекции Д.А. Ровинского было бы прекрасным подарком российским и индийским искусствоведам и простым зрителям или читателям, интересующимся искусством Индии.

Примечания

¹ В России в 1775–1864 гг. – название некоторых судебных чиновников, например, помощника прокурора по уголовным делам. Особой

компетенцией стряпчих была правовая защита казённых интересов (удельных имений и пр.), с начала XIX в. – надзор за местами заключения. С 1832 г. – присяжный стряпчий, ходатай по частным делам в коммерческих судах.

² Государственный Музей изобразительных искусств им А.С. Пушкина (ГМИИ). Отдел рукописей (ОР). Ф. 27. Оп. 1. Д. 181. Л. 3.

³ Подробную биографию Д.А. Ровинского с анализом его коллекционирования и творчества см.: Венок Ровинскому / Авторы проекта и составители А.Л. Кусакин, Н.В. Сиповская, О.Р. Хромов. М.: Пинакотекa, 2003.

⁴ Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1881–1893. Т. 1–5.

⁵ Собко Николай Петрович (1851–1906) – историк искусств и библиограф. Значительная часть архива Д.А. Ровинского находится в фонде Н.П. Собко в Российской национальной библиотеке (бывш. Публичная) в Петербурге.

⁶ Подробный словарь русских гравюров XVI–XIX веков. Т. 1–2. СПб., 1895–1899 / Предисловие Н. Собко.

Посмертное издание. Уникальное исследование и подробнейшее справочное пособие по гравировальному делу, приведены исчерпывающие сведения о жизненном и творческом пути гравюров, перечни их работ с характеристиками, датировкой и распределением по школам. Текст дополняют 720 фототипий и 210 цинкографий. Книга не подлежит вывозу за пределы РФ.

⁷ Научно-исследовательский отдел рукописей Российской государственной библиотеки (НИОР РГБ). Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 60б.

⁸ Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. СПб., 1893. Т. 5. С. 23.

⁹ Павлова Г.В. Д.А. Ровинский – коллекционер, иконограф, историк искусства // Венок Ровинскому. С. 216.

¹⁰ Виктор Алексей Егорович (1827–1883) – археограф и библиограф, работал архивариусом в Главном архиве МИД, помощником библиотекаря Московского университета. С 1862 г. до дня смерти состоял хранителем отделения рукописей и славянских старопечатных книг в Румянцевском и Московском публичном музеях, а также заведовал архивом и канцелярией Московской Оружейной палаты.

¹¹ НРБ – не разобрано.

¹² Современное название – Амбала.

¹³ Остров Банка.

¹⁴ Современное название – Хёго.

¹⁵ Еддо (Эдо) – прежнее название столицы Японии.

¹⁶ НИОР РГБ. Ф. 21. Оп. 1. Д. 7. Л. 5-60б.

¹⁷ Там же. Л. 23об.-24.

¹⁸ Владимир Яковлевич Адарюков (1863–1932) – российский историк искусства, библиограф и библиофил, музейный работник, работал в отделах гравюр и рисунков Эрмитажа (1909–1914) и Русского музея (1919–1920), с 1920 – заведующий отделом русской гравюры Румянцевского музея. Литературовед, архивист, исследователь книги и экслибриса. В 1910 г. в журнале «Старые годы» опубликовал 530 дополнений и исправлений к «Подробному словарю русских гравированных портретов» Д.А. Ровинского. В 1916 г. вместе с собирателем и исследователем русских иллюстрированных изданий, гравюр и литографий Н.А. Оболяниновым и искусствоведом и коллекционером С.П. Виноградовым выпустил 1-й том «Словаря русских литографированных портретов».

¹⁹ Адарюков В.Я. Дмитрий Александрович Ровинский. К 100-летию со дня рождения. Библиографический очерк // Венок Ровинскому. С. 64.

²⁰ НИОР. Ф. 51, карт. 21, № 7, л. 19.

²¹ Русские народные картинки / Собрал и описал Д. Ровинский. Т. 5. СПб., 1893. С. 309.

²² Там же. Т. 4. С. 258.

²³ Там же. Т. 5. С. 103.

²⁴ Там же. Т. 4. С. 258.

²⁵ Там же. Т. 5. С. 22-23.

²⁶ Там же. С. 23.

²⁷ Павлова Г.В. Указ. соч. С. 216.

²⁸ Из пресс-релиза выставки «Народная картинка России, Европы и Азии из коллекции Д.А. Ровинского», 3 февраля – 30 марта 1997 года // ОР ГМИИ. Ф. 27. Оп. 1. Д. 213. Л. 2.

²⁹ Там же.

³⁰ ОР ГМИИ. Ф. 26. Оп. 1. Д. 102. Л. 1.

³¹ Там же. Л. 2-2об.

³² Искусство. 1959, № 10. С. 65-69.

Б.В. Норик

ДНЕВНИК В.А. КОСАГОВСКОГО ЗА 1894–1895 ГОДЫ

Избранные отрывки. Часть 1

В Архиве востоковедов ИВР РАН хранится так называемый «Тегеранский дневник» В.А. Косаговского (1857–1918), начавшего свою службу в Тегеране в 1894 г. в чине полковника и закончившего её в 1903 г. в чине генерал-майора. Что касается названия «Тегеранский дневник», то оно наполовину атрибутивно. Дело в том, что сам автор не дал своим пространным дневниковым записям какого-либо названия, в отличие от его литературных трудов, обладающих всеми необходимыми атрибутами. Однако название «дневник» вполне обосновано, поскольку встречается на отдельных листах-вкладышах, появившихся во время первичного упорядочивания автором его масштабных по объёму записок. Аттестация же дневника как «тегеранского» носит атрибутивный характер, но при этом более чем оправдана, поскольку автор вёл дневник как в период службы на Кавказе, предшествовавшей длительной командировке в Персию, так и по завершении последней. Отметим, что объём дневниковых записей, относящихся к тегеранскому периоду, заметно превышает прочие (насколько можно судить по материалам АВ ИВР РАН и РГВИА).

Первой попыткой издать часть «Дневника» В.А. Косаговского следует считать работу Г.М. Петрова «Из тегеранского дневника полковника Косаговского», вышедшую в 1960 г., поскольку две публикации в журнале «Новый Восток» (№ 3 и 4 за 1923 г.) представляют собой сочетание дневниковых заметок, писем и «посттегеранских» отчётов автора. Г.М. Петров отдаёт предпочтение извлечениям из дневников за 1896–1898 гг., относящимся к социально-экономической жизни Ирана. При этом во введении он ограничивает весь дневник именно данными хронологическими рамками, правда, оговаривая возможность наличия дневниковых

записей и за другие годы. И действительно, в АВ ИВР РАН имеются дневниковые записи В.А. Косаговского, относящиеся ко всему периоду его службы в Персии. В этой связи особый интерес вызывают записи, относящиеся к 1894 и 1895 гг., так как дают представление о первых шагах полковника Косаговского на посту командира Персидской Е.В. Шаха казачьей бригады.

Текст дневника записан на крупноформатной бумаге русского производства (напр., «Каменская № 4, 6», «Адищевской фабрики № 4», «Татаровской Протасьева») размером 34,2×22 см. Лист поделён на две колонки. Основной текст дневника (как, впрочем, и подавляющего числа прочих документов автора) записан в левой колонке с обеих сторон листа. В правой колонке В.А. Косаговский помещал дополнительный текст (иногда текст в правой колонке служит продолжением основного) и примечания. Если примечание было одно, то автор обозначал его крестиком в кружке. Если же примечаний было несколько, то они обозначались арабской цифрой в кружке. В некоторых случаях текст примечаний помещался между колонками. Абзацы отмечаются с помощью тире.

Следует иметь в виду, что текст дневника далеко не всегда представляет собой связное повествование с плавным перетеканием событий из одного в другое. Здесь попадаются и черновики писем, и их чистовые варианты, и документы (в частности, составленные другими лицами). Иногда текст в начале одного листа не связан с текстом предыдущего, что создаёт впечатление перебивки или утраты листов. Скорее всего, эти несоответствия являются результатом технической обработки фонда, когда листы вкладывались друг в друга без проверки их логической последовательности: в настоя-

щий момент едва ли можно говорить об авторской компоновке содержимого архивных дел, поскольку неизвестно, каким образом и в каком виде архивные документы В.А. Косаговского были переданы в Архив востоковедов ИВР РАН. Дело в том, что обширное наследие нашего автора разделено между АВ ИВР РАН, РГВИА и Валдайским музеем. При этом как материалы АВ ИВР РАН, так и материалы РГВИА показывают, что нередко одни и те же события описывались В.А. Косаговым по несколько раз, один чистовой вариант мог иметь несколько черновых и даже один «условно» чистовой. Кроме того, автор не влагал тетради друг в друга: в них вкладывались письма, отчёты и прочие документы, что отразилось на пагинации при обработке архива, в результате чего продолжение текста одного листа может находиться на несколько листов далее.

Надо сказать, что своими дневниковыми записями В.А. Косаговский занимался довольно регулярно. При этом в публикуемом тексте имеются эпизоды, содержащие анахронизмы. Так, например, под 27 марта 1895 г. наш автор упоминает о событии, случившемся 6 декабря 1895 г. (см. л. 35–35об.). Судя по всему, в данном случае речь должна идти об описке и вместо 6 декабря 1895 г. автор вспоминал о 1894 г. Иначе нам придётся допустить, что о событиях 27 марта 1895 г. полковник Косаговский писал уже после 6 декабря 1895 г. Столь значительный временной разрыв не в характере автора «Дневника», и если всё же «1895 г.» не является опиской, то, скорее всего, мы здесь имеем дело с чистовой обработкой черновых дневниковых заметок (последние имеются и в публикуемом материале: см., например, л. 18об.). Другим случаем является упоминание 30 марта 1895 г. о займах, взятых 6 и 16 апреля 1895 г. (л. 41–41об.). Однако на сей раз временной разрыв не так уж велик.

Таким образом, можно говорить о следующей схеме работы нашего автора: сначала, как правило, писались черновые наброски (иногда третьими лицами), а затем, по мере наличия свободного времени, – чисто-

вые заметки. Последние также могли иметь «условно чистовой» вариант. Периодически встречающаяся запись событий «по нисходящей» также говорит в пользу существования некоторого временного разрыва между событием и его фиксацией: естественно, что автор начинал с того времени, которое ближе к нему.

Характеристика Дневника за 1894–1895 гг.

22 февраля 1894 г. В.А. Косаговский был назначен Заведующим обучением персидской кавалерии. Получению этой должности предшествовал период ожиданий и надежд честолюбивого офицера, мечтавшего о серьёзном и масштабном деле. Так, ещё в 1889 г., когда встал вопрос о замене полковника Кузьмина-Караваева¹, наш герой пытался получить это назначение. Во время одной из посиделок, в которой участвовал и генерал-майор Зеленой², Косаговский укоряет его в том, что он назначает командиром Персидской казачьей бригады полковника Шнеура³, при том, что последний вот-вот должен был получить полк. На это Зеленой возражает: «Да помилуйте – ведь Вы хотите в чине капитана занять место, принадлежащее старым полковникам». Однако наш капитан не успокаивается: «Позвольте, скажу откровенно, кто больше пригоден: мне 32 года, служил в гусарах, командовал эскадронном, человек, не задумывающийся ни перед чем, холостой, 2 аршина 12 вершков росту, здоровый и **чувствующий себя способным** выполнить с честью это трудное назначение. А что я капитан, так никто не мешает назначить меня с производством в подполковники, тем более что я уже 5 лет капитан»⁴. Претензии В.А. Косаговского поддерживал хирург Карпейщиков⁵, который обнял Зеленого и сказал: «Душа моя, а ведь капитан кругом прав – пошли ты его, голубчик». Однако Зеленой ушёл от продолжения этого разговора, да и сам Косаговский понял, что заметно превысил допустимые приличия, и умолк (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 21–21об.).

И всё же, наконец, в письме генерал-адъютанта С.А. Шереметева⁶ Н.Н. Обручеву⁷ наш герой получает необходимую характеристику: «...кроме того, как сейчас упомянуто мною, кандидаты на должность эту мною избираются заблаговременно и к ней подготовляются изучением языка, самой страны, её вооружённых сил. Из двух таких кандидатов на занятие этой должности, Генерального штаба полковник Рутковский и подполковник Косаговский, особенное внимание обращает на себя последний, владеющий хорошо иностранными языками и изучавший как персидский язык⁸, так и азербейджанское наречие языка татарского, основательно ознакомившийся со страной по имеющимся описаниям, а отчасти и во время неоднократных поездок своих в Персию⁹; как прекрасный строевой кавалерийский офицер, сделавший на коне последнюю Турецкую кампанию; он столь же по умственным и нравственным качествам, сколько и по своей внешней представительности и крепкому здоровью¹⁰, несомненно, не только поддержит, но и ещё более поднимет строевое обучение в бригаде» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 7–8).

В мае 1894 г. полковник В.А. Косаговский прибыл в Тегеран и принял Казачью бригаду.

Сразу необходимо заметить, что события 1894 г. в «Дневнике» представлены достаточно слабо. Имеющиеся в Архиве востоковедов ИВР РАН материалы находятся в деле, содержащем записки за 1895 г. На первый взгляд, это кажется достаточно странным: если принять во внимание «литературную активность» и педантичность В.А. Косаговского, то мы должны располагать довольно подробными записями, начиная примерно с середины 1894 г. Отсутствие же таковых заставляет предположить их наличие в числе материалов РГВИА и Валдайского музея. Подтверждением тому могут служить посвящённые 1894 г. отрывки из разрозненных дневниковых записей, хранящихся в РГВИА, где, например, события смотра 1 декабря 1894 г. описаны более подробно, нежели в «Дневнике» АВ ИВР РАН.

Итак, каковы же основные темы, затрагиваемые В.А. Косаговским в его дневниковых заметках за 1894–1895 гг.?

Здесь в первую очередь необходимо коснуться взаимоотношений нашего автора с ротмистром В.К. Бельгардом, которого наш автор нередко вспоминает, неизменно в отрицательном контексте.

Ротмистр Бельгард принял бригаду в мае 1893 г. после полковника Шнеура и начал активную деятельность по изменению существовавших в ней порядков. Помимо повышения уровня кавалерийской подготовки, он уделял особое внимание приведению в порядок хозяйственных дел Бригады, а также занялся изучением страны, собрав немало полезного материала. Так, в «Извещении временно заведующему Персидской казачьей бригадой ротмистру Бельгарду из Штаба Кавказского военного округа от 25 августа 1893 г. №287» генерал-лейтенант Зеленой сообщает, что все рапорты Бельгарда, в том числе и о приёме бригады, в штабе получены, а также пишет следующее: «Скорое представление отчётности, лестный отзыв нашего Посланника о Ваших целесообразных действиях по управлению бригадой, образование офицерского эскадрона, наконец, разумное и уместное требование дисциплины по поводу “беста” побуждают меня выразить Вам свою благодарность и надеяться, что это есть только начало к дальнейшему усовершенствованию порядков бригады и её отчётности...» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 2). В своём приказе №183 от 13 апреля 1894 г. Зеленой пишет Бельгарду: «Ввиду назначения на пост заведывающего обучением Персидской кавалерии Генерального Штаба подполковника Косаговского, который имеет принять от Вас в своё заведование вместе с Персидской казачьей бригадой и военную агентуру в Персии, а также и все дела по военной агентуре в Персии для дальнейшего их ведения и вообще направления действий военной агентуры, считаю приятным долгом выразить Вашему Высокоблагородию, по поручению временно-командующего войсками округа, благодарность как за личные труды Ваши по военной

агентуре за время заведывания ею, результатом которых были представленные Вами в Главный Штаб и в Отдел Генерального Штаба весьма обстоятельные и подробные сведения о Персидской армии и доставленные в Отдел Генерального штаба маршрутные описания некоторых направлений¹¹, так и за заботы Ваши по приобретению карт Персии у г-на Шталя, представляющих весьма ценный материал для Военно-топографического отдела Кавказского военного округа, и разработку Вами отчасти означенного материала в смысле составления маршрутных описаний по картам г-на Шталя» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 14).

Каковы же были претензии В.А. Косаговского к В.К. Бельгарду? Главным обвинением служило то, что последний взял в Ссудном банке частный заём на 1000 *туманов*, прибавив к ним 800 *туманов* из бригадной кассы. Однако, как оказалось впоследствии, ротмистр Бельгард имел возможность погасить указанный заём в случае продолжения службы в Тегеране, но полковник Косаговский начал свою «разоблачительную» кампанию до истечения срока погашения долга¹². Автор «Краткого очерка отношений полковника Косаговского к ротмистру Бельгарду»¹³ констатирует предвзятую враждебность Косаговского по отношению к Бельгарду: он поносил последнего даже перед незнакомыми людьми, а также вообще отрицательно отзывался о деятельности предыдущих офицеров. Приняв у Бельгарда бригаду 18 мая 1894 г., Косаговский отдал приказ с благодарностью ротмистру, а через несколько дней в присутствии поверенного в делах заявил о своём нежелании продолжать с ним службу. Было решено, что рапорт об отчислении от Бригады Бельгард подаст в марте 1895 г. После этого ротмистр успешно выполнил ряд поручений полковника Косаговского, выразившего одобрение его деятельности. При этом Косаговский настойчиво требовал в Миссии отчисления Бельгарда, утверждая, что имеет указания руководства Кавказского военного округа уволить его без объяснения причин (этому противоречат приведённые выше слова ге-

нерал-лейтенанта Зеленого). Более того, он не допустил ротмистра до военного смотра, сказав, что если смотр пройдёт удачно, то это будет неприятно Бельгарду, а если неудачно, то окажется неприятно ему, Косаговскому. Ротмистр находился едва ли не в изоляции: так, в период его болезни с 25 июля по 20 августа 1894 г. его посетили только несколько человек, да и то украдкой (Н.А. Орановский¹⁴ позже повинулся, признавшись, что боялся навлечь на себя гнев полковника). 20 августа 1894 г. Бельгард попросил Посланника отчислить его от Бригады. 31 августа того же года состоялся приём в Российской миссии, на который были приглашены русские офицеры. На этом приёме с Бельгардом довольно долго разговаривал Амин ас-Султан¹⁵, выражая сожаление по поводу отъезда ротмистра. Разговор шёл по-персидски. Всё это привело полковника Косаговского в ярость, и он отменил назначенный на следующий день обед в честь Бельгарда, даже не предупредив последнего. В итоге ротмистр отбыл из Тегерана, даже не попрощавшись с Бригадой. Автор «Краткого очерка» пишет: «Столь позорно не уезжал ещё, в течение 14-летнего существования бригады, ни один из русских офицеров-инструкторов. Прощание с бригадой и проводы по ... церемониалу русских офицеров там вошли в обычай». Автор упомянутого очерка характеризует деятельность В.К. Бельгарда весьма положительно: «Результатом годового командования ротмистра Бельгард явилось: 1) Заведение русской отчётности по хозяйству бригады; 2) Увеличение бригадного бюджета...; 3) Возвращение бригаде и русским инструкторам расположения Его Величества Шаха; 4) Ряд дел по военной агентуре явились результатом прилежной работы ротмистра Бельгард...».

Прибыв в Тифлис, ротмистр Бельгард узнал, что 19 августа 1894 г. полковник Косаговский отправил в Штаб Кавказского военного округа рапорт №26, в котором подвергал деятельность ротмистра резкой критике¹⁶ (при том, что 31 августа выдал ему аттестат на производство в штаб-офицеры). В итоге автор «Краткого очерка» задаётся

вопросом: если полковник Косаговский был так убеждён в вине ротмистра Бельгарда, как он изложил в своём рапорте, то почему не отчислил его немедленно, но разыгрывал «всю эту комедию»? (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 66–70).

На стороне ротмистра Бельгарда выступил российский посланник Е.К. Бюцов¹⁷. В результате началось расследование данного инцидента, о нём были информированы военный министр¹⁸ и даже сам император Александр III. Расследование выяснило, что на отчисление ротмистра Бельгарда повлияло желание полковника Косаговского назначить на его место есаула Сушкова. Кроме того, выдача аттестата на производство в штаб-офицеры всего через несколько дней после подачи «обличительного» рапорта №26 говорит о том, что у Косаговского не было достаточных оснований для отчисления Бельгарда. Не подтвердился факт отрицательного отношения к ротмистру руководства штаба Кавказского военного округа. Установлено, что хозяйственная деятельность ротмистра Бельгарда, принесшая положительные плоды, искажена Косаговским и подана как преступление. При этом в рапорте №2 от 15 января 1895 г. и письме Бельгарду полковник Косаговский в значительной степени противоречит своим прежним утверждениям и ходатайствует об освобождении ротмистра от ответственности (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 119–122).

В итоге военный министр вынес «соломоново» решение, сохранив *status quo*, но освободив ротмистра Бельгарда от дальнейшего преследования.

Другими действительно важными проблемами, с которыми пришлось столкнуться полковнику Косаговскому, были так называемый «мухаджирский» вопрос и общее плачевное финансовое положение бригады (об этом см. предыдущую публикацию¹⁹). Во всех этих вопросах Косаговскому удалось добиться положительных сдвигов.

Эти победы, одержанные в 1895 г., оказались только началом напряжённой борьбы полковника Косаговского за превращение

Персидской казачьей бригады в действенный инструмент русского влияния в Персии. Однако именно они заложили прочный фундамент для успешного выполнения им поставленной задачи.

Принципы публикации текста

Материал публикуется по: АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 1. Текст приведён в соответствии с современной орфографией и пунктуацией (поскольку в нём не так много архаизмов и он совершенно понятен нынешнему читателю). Наиболее очевидные ошибки и опiski исправляются. Перечёркнутый текст, как правило, помещается в текстуальных примечаниях, а иногда вносится в основной текст. Недописанные перечёркнутые слова в текстуальных примечаниях не отражаются. В некоторых случаях слишком длинные предложения разбиваются на две части, если это никак не нарушает смысла и интонации и точка воспринимается лишь как краткая цезура (как правило, это – точка вместо точки с запятой). Подчёркнутые слова выделяются жирным шрифтом. Двойное подчёркивание передаётся выделением и подчёркиванием.

Имена собственные приводятся в той форме, в которой они употребляются в оригинале (исключение составляет небольшое количество имён, к числу которых относится имя шаха Насер ад-Дина, которого наш автор называет Наср ад-Дином). Разнобой в именах собственных исправляется (в текстуальных примечаниях отражается нехарактерный для нашего автора вариант). Правда, следует заметить, что наш генерал отличался завидным постоянством в передаче имён. Иное написание имён и терминов в документах, «авторство» которых не принадлежит Косаговскому, будет сохраняться. Понятные издателю наиболее очевидные сокращения раскрываются без скобок, остальные – в скобках. Названия месяцев пишутся со строчной буквы (за некоторым исключением), их сокращённые варианты раскрываются без скобок. Восточные термины и слова выделяются курсивом. Некоторые назва-

ния приведены к принятым ныне формам (например, Астарабад = Астрабад), поскольку в тексте встречаются оба варианта.

Номер листа приводится по окончании его текста. Примечания автора (помещаемые им, как правило, в правой половине листа и обозначаемые либо крестиком, либо цифрами в кружочках) или дополнения к основному тексту (также помещённые на правой половине листа без каких-либо условных обозначений) даются в основном тексте в прямых косых скобках (если внутри дополнительного текста окажутся иные примечания, то этот текст заключается в двойные косые скобки, а примечания – в одинарные). В начале текста примечания будут помещены его авторское обозначение в верхнем регистре (например, /¹ или /^х). Комментарии исторического характера помечены арабскими цифрами и приведены в концевых сносках. В случае, если издатель сочтёт необходимым представить свой вариант перевода писем, рапортов и пр., это будет сделано в концевых сносках.

В самой своей основе текст приводится в соответствие с фактической нумерацией листов. В случае установления смысловой связи фрагментов, разделённых иным по тематике текстом, они будут объединяться. Случаи следования дат не по порядку, как правило, исправляются, но иногда оставляются без изменений (например, в случае отсутствия прямого указания на месяц).

Даты, как правило, приводятся по григорианскому летоисчислению (по старому стилю; в случае приведения дат по новому стилю это отмечается). В случае необходимости приведения дат лунной и солнечной хиджры они будут обозначаться соответственно – л.х и с.х.

В случае включения текста из РГВИА даётся полная ссылка, чтобы отличить отрезок от АВ ИВР РАН.

В случае значительного искажения мусульманских имён правильные варианты приводятся в текстуальных постраничных примечаниях.

<> – текст, добавленный по смыслу издателем.

В.А. Косаговский. Дневник. 1894–1895 гг.

Диспозиция манёвра на смотру Его Величества Шаха. 3-го сентября 1894 года. Лагерь Каср-э-Каджар.

Бригада заезжает повзводно налево-кругом и уходит к Тегерану. Позади от Низам-Абада показался неприятель. Тогда бригада снова заезжает повзводно налево-кругом и останавливается. Офицерский эскадрон карьером рассыпается лавой перед фронтом для наблюдения и противодействия противнику. Наша артиллерия опоздала поддержать бригаду своим огнём, поэтому казаки под прикрытием офицерского эскадрона спешиваются, образуя две линии – эскадроны в шахматном порядке. Офицерский эскадрон карьером очищает фронт и собирается на правом фланге для прикрытия стрелков. Первая линия эскадронно стреляет залпами, но неприятель держится упорно, поэтому вторая линия эскадронов бегом спешит вперёд на помощь первой, заполняет интервалы и все стреляют одновременно. Наконец, подспевает наша артиллерия, выносятся в карьер в интервалы между спешенными эскадронами и открывает огонь. Под прикрытием огня артиллерии коноводы карьером подают лошадей, бригада садится шашки наголо, эскадроны проскакивают между орудиями и несутся в атаку на неприятеля.

2. Опрокинув неприятеля, бригада возвращается к Тегерану, но она опасается нового нападения на свой правый фланг и потому отступает уступами поэскадронно с правого фланга.

Неприятель вторично показался против нашего правого фланга. Тогда артиллерия снова проскакивает в интервалы между эскадронами и опять открывает огонь. Бригада быстро заезжает повзводно налево-кругом, затем каждый эскадрон заходит левым плечом вперёд, и казаки снова несутся в атаку на неприятеля.

3. Вторично опрокинув неприятеля, вся бригада выстраивается в полковую эскадронную сомкнутую колонну справа и вытягивается вдоль шоссе для церемониального марша.

4. Церемониальный марш.

5. Джигитовка. Прыгание через препятствия. Стрельба с коня по воспламеняющимся чучелам.

Командир бригады» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Д. 170. Л. 1–2)

27 ноября <1894 г.> Воскресенье. Боровский. Адьютант-баши²⁰ объявил, что в четверг 1го декабря – смотр. Я наружно отнёсся к этому равнодушно, но сам немедленно послал за всеми командирами частей и в ту же ночь послал в Мазлаган²¹ телеграмму, а в Арабабад²², Бабасальман²³ и Иштаард²⁴ – гонцов для сбора отпускных²⁵.

28 ноября. Пользуясь тем, что плац свободен (понедельник), произвёл репетицию – довольно хорошо²⁶.

29 ноября. Выждав, когда *сарбазы* и артиллеристы ушли, я просил Наиба-эс-Сальтанэ²⁷ сделать предполагаемую мною репетицию. Наиб-эс-Сальтанэ встал на том самом месте, на котором предполагалась палатка Шаха²⁸, и я искусно показал ему бригаду. Наиб-эс-Сальтанэ остался в восхищении²⁹.

30 ноября. Пришли арабабадцы и бабасальманцы. Бригада отдыхает и готовится к смотру: но зато *сарбазов* и артиллерию гоняли с раннего утра до поздней ночи (л. 11а)³⁰.

Гаспару Николаевичу Блюмеру³¹

В С. Петербург

1го декабря 1894 года

Глубокоуважаемый Гаспар Николаевич, Николай Алоизович³² передал мне, будто Вы сердитесь на меня за долгое молчание, приписывая его какому-то неудовольствию с моей стороны.

Насколько мне помнится, скоро исполнится уже 14 лет с тех пор, как мы с Вами сидели на одной скамье (в самом буквальном смысле, так как Вы, Молчанов, Колюбакин³³, Дебеш, Гутор и я составляли даже одну партию в Академии³⁴), у нас существовали и, Иншалла³⁵, и будут существовать самые товарищеские отношения. Что я не писал Вам всё это время, то, посудите сами,

прав ли я был или нет: единственной темой всех наших писем, естественно, должна была быть Персидская казачья бригада или всё то, что имеет к ней более или менее близкое отношение. Сообщая же Вам сведения про бригаду, так ещё недавно мною принятую, мне, прежде всего, приходилось бы начинать с ротмистра (л. 225) Бельгарда³⁶, который благодаря своему девизу «Цель оправдывает средства» в соединении с необузданным самомнением и заносчивостью, возрастающим при малейшем успехе до размеров поистине колоссальных, создал и самому себе, и всем нам такое исключительное положение, при котором дальнейшее пребывание его в Персии сделалось невыносимым.

Зная (правда, с чужих слов), что Вы были в дружеских отношениях с ротмистром Бельгардом (хотя и был всегда глубоко убеждён, что **только наружно**), я боялся, как бы ради некоторой разности наших взглядов не утратить в Вашем лице своего доброго старинного товарища, однокашника и добροжелателя.

За это короткое время пришлось отбыть три Высочайших смотра, о счастливых результатах коих Николай Алоизович, вероятно, уже подробно сообщал Вам. Завтра предстоит новый смотр Шаха – в этом году уже 4ый (л. 225об.).

К несчастью, Николаю Алоизовичу вряд ли удастся на нём присутствовать, так как третьего дня лошадь его поскользнулась, упала и придавила ему ногу. Вчера Наиб-эс-Сальтанэ, делая предварительный смотр, сразу заметил, что батареей командует не капитан Орановский³⁷. Узнав, что он расшибся, выразил по этому поводу своё искреннее соболезнование.

Как видите, Вы можете успокоиться за судьбу Персидской казачьей батареи и гордиться тем, что преемник Ваш не без блеска и симпатий продолжает дело, у которого Вы стояли столько лет.

До свидания, глубокоуважаемый Гаспар Николаевич. Надеюсь, Вам более никогда не будут приходить в голову чёрные и несправедливые мысли о том, что, будто, я имею или имел что-либо против Вас, особенно,

если припомните, как я искренно и от всей души распинался, уговаривая Вас остаться в Персии и продолжать службу совместно со мною.

Всегда Ваш,
В. Косаговский (л. 226)

Павлу Людвиговичу Хелмицкому³⁸
в г. Тифлис
1го декабря 1894 года

Дорогой дружище Павел Людвигович, Маркс, которому передай мой сердечный привет, пишет, что Елена Алексеевна³⁹ появилась на свет Божий маленького Хелмицкого. От всей души радуюсь твоей радости и счастлив твоим счастьем. А то я начал было отчаиваться, что Вы пустоцветы и что благородный твой род безвременно угаснет. Труден только первый шаг. Теперь же я искренно убеждён, при помощи Божьей, Елены Алексеевны и твоей, у Вас, Иншаллах, как из рога изобилия посыпятся мальчишки⁴⁰ обоего пола.

Мне и самому надоело быть пустоцветом, особенно с тех пор, как я, вступив на персидскую почву, окончательно забыл и вино, и пупочек⁴¹.

Дела по имению приходят, наконец, в желаемый мною порядок. Но как подумаешь, что всё добро брошено на произвол судьбы, и всё моё наследие предков Бог весть кому достанется, так душа и не на шутку занает (л. 227).

Девушка Елена⁴² тоже радуется за тебя и просит супругу поздравить, а тебя расцеловать.

Прости, что пишу мало: так тяжело, что боюсь, как бы не расхныкаться. Эх, тяжело, брат, иметь тяжёлое начальство... Ну да никто как Бог! Слава Аллаху, что хоть с бригадой налаживается помаленьку: /^хпервым делом исключил из бригады более сорока человек хромых, кривых, слепых, почти всех курильщиков терьяка (опиума) и почти поголовно персов, заменив их курдами, шахсеванами, карапапахами (у мадам Шнеур⁴³ в доме было 14 человек пешей прислуги – все из бригадных же казаков. Теперь же⁴⁴ двое

конных: денщик-курд, подав самовар, и вестовой из Карадага⁴⁵, вычистив сапоги, летят на учение и там джигитуют вверх ногами. Елена, заперев всю квартиру на замок, идёт в казарму и, залезши с урядничихами на плоскую крышу артиллерийского сарая, критикует учение *сарбазов*, с гордостью заявляя: «Где им до наших казаков!»)/ Российских мошенников и червонных валетов тоже поразогнал – пока работаю почти что один. С Посланником и Посольством в ладах, Шах не нахвалится на «казак-баши»⁴⁶ (впрочем, неизвестно, кто ему больше нравится – мои лошади или я сам).

Не знаю, сподобит ли Господь убогтворить также и Кавказ, который, увы (далеко не весь, конечно), куда как капризнее не только персов, но даже и самого Тегеранского посольства, как бы его там ни ругали.

До свидания, дорогой Павел Людвигович. Передай Елене Алексеевне мой искренний привет и самые душевные пожелания.

Завтра, 2го декабря, Шах назначил смотр всем войскам Тегеранского гарнизона. Вчера был предварительный смотр военного министра Наиба-эс-Сальтанэ (2ой сын⁴⁷ Шаха). Я произвёл на Майдан-Машке (учебном плацу среди города)⁴⁸ учение, джигитовку и церемониал при огромном стечении народа. Наиб-эс-Сальтанэ и его свита пришли в такой восторг, что решено завтра в присутствии Шаха проделать всё точь в точь так, как было сегодня. Это мне, конечно, очень на руку, так как вчера были ошибки, которых не заметили персы, но которые, по всей вероятности, не ускользнули бы от европейских военных агентов, всегда присутствующих на шахских смотрах, и которых мы, конечно, завтра уже не повторим.

Написал бы тебе про завтрашний смотр, да почта отходит сегодня.

Ещё раз твой,
В. Косаговский

1го декабря 1894 г.

г. Тегеран (л. 228)

1 декабря⁴⁹. /^хСегодня, в самый день смотра, в ночь и рано утром пришло ещё 46 человек отпусных/ Войска встали на Май-

дане-Машке шпалерами⁵⁰ от ворот Топ-ханэ до Шахской палатки. Никак не могли расставить войска, и Наиб-эс-Сальтанэ, и Векиль-эд-Доулэ и прочие мешались не в своё дело, сбивали начальников с толку – никак не могли догадаться, что стоит поставить жалонёров⁵¹ – и дело в шляпе. Казаков я поставил в 2 минуты. Вдруг кричат, что Шах уже едет, а между пехотою и казаками оказался незанятый интервал. Наиб-эс-Сальтанэ прислал ко мне с отчаянным приказанием во что бы то ни стало занять прорыв. Я скомандовал: «1ый дивизион в карьер. Строй фронт», и казаки выстроились в тот самый момент, как карета Шаха остановилась в воротах и Шах начал вылезать. Наиб-эс-Сальтанэ просиял и успокоился (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 201). Шах прошёл пешком по фронту. Около него все пешком – я один верхом. Жеребец стал беситься, и Шах приказал мне слезть. Шах предоставил пехоте учиться, как ей взбредёт на ум – бардель невообразимая. Потом училась пешая артиллерия – целая линия без всякого толку палила без умолку и смыслу. Шаху это быстро надоело, и он весьма бесцеремонно велел прекратить бестолковщину и начать церемониал. Церемониал – одно орудие распряглось перед самым Шахом. Потом прошли церемониалом казаки – полки шагом, батарея таким бесшабашным карьером, что Шах вскочил с места и попятился несколько шагов назад. Потом Шах всех прогнал и велел казакам произвести учение. Лава из офицерского эскадрона. Спешивание: офицерский эскадрон карьером собрался на правый фланг. Огонь спешенных частей. Между эскадронами вынеслась казачья батарея карьером – чистые залпы. Общая атака – причём уставший и пока хуже других подготовленный офицерский эскадрон образовал висячий уступ за правым флангом. Общее отступление рысью. Перемена фронта конной батарее на 1/8 часть круга налево. Огонь батареи. Вторично наступление уступами в каждом дивизионе справа поэскадронно на (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 201об.) эскадронные дистанции – в 1^м дивизионе рысью, во 2^м – шагом. Каждый эс-

кадрон левое плечо вперёд, прямо – образовалась общая перемена фронта на 1/8 часть круга налево. Атака. Отступление рысью. Построение общей сомкнутой колонны. Джигитовка. Захождение колонны плечом. Развёртывание колонны в карьер.

Восторг Шаха и всех присутствующих. На упавших Шах прислал целую тарелку мелких золотых монет. Результат смотра блестящий: Шах сказал, что он очень и очень доволен казаками. Наиб-эс-Сальтанэ долго тряс мне руку и осыпал похвалами казаков. Европейцы наперерыв спешили заявить, что этот смотр доставил им истинное наслаждение: они сидели на крыше нашей казачьей казармы, откуда всё было видно лучше, чем самому Шаху, и где для них я приказал приготовить чай, вино, пиво, коньяк и проч. (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 202)

2 декабря⁵². Сегодня собрались в казарме бабасальманцы и верамианцы⁵³ и, получив, по обыкновению, за вызов на смотр двойные фуражные и двойные *джире*⁵⁴ за всё время, начиная с минуты выступления их с места жительства в Тегеран и вплоть до обратного возвращения на место отпуска и, кроме того, ещё по 2 и по 3 крана *анам*⁵⁵ за самый смотр, отправились к себе обратно восвояси. Но я совершенно случайно узнал сегодня, что Шах на этих днях снова затевает что-то вроде манёвров: мгновенно были разосланы во все концы гонцы – вернуть опять только что выступивших из города отпусковых: верамианцев нагнали в 5–6 верстах от города, бабасальманцев – за городской чертой, арабабдцы же замешкались в самой казарме и приказ мой снова остановить вызванных к смотру отпусковых застал их как раз в ту минуту, когда они выстраивались на Майдан-Машке, чтобы двинуться в обратный путь (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 202об.).

3 декабря. На плацу репетиция нападения на транспорт по диспозиции самого Шаха. После учения Шах потребовал меня во дворец: с час объяснял задачу. Я – начальник казаков и инанлу. Затем удалились: Шах, Садр-Азам⁵⁶ и Наиб-эс-Сальтанэ. Че-

рез 1½ часа вышел Наиб-эс-Сальтанэ и объявил, что Шах пожаловал мне орден и ленту Эмир-Тумани за то-то и то-то. Я попросил объявить Посланнику – видимо недоволен. Вечер у Тютрюмова⁵⁷ – за ужином Посланник объявил мне, что у него был Ихтимат-Низам⁵⁸ и передал ему от имени Наиба-эс-Сальтанэ о пожаловании мне Эмир-Тумани.

5 декабря. Уламывали Наиба-эс-Сальтанэ не давать инанлу ружей или, по крайней мере, хоть запретить им стрелять (л. 12об.).

9 декабря. Туркменский жеребец, купленный от Шн<еура>⁵⁹, бьёт и ест людей, искалечил Сергея Куделю – его отдал без моего ведома в казарму Рафалович, чтобы его чистили пешие люди, которые и смиренных-то лошадей не желают и чистить, и заставить которых это делать надо всю мою власть и твёрдость.

Но это ещё ничто в сравнении со свиньёю: Рафалович зарезал бригадную свинью и мясом этой свиньи накормил меня (прислал, подлец, переднюю лопатку). Впоследствии он всех уверял, будто купил эту свинью у Новака (л. 11 об.).

1го декабря⁶⁰ состоялся смотр Его Величества Шаха всем войскам Тегеранского гарнизона. 29го октября Его Высочество Наиб-эс-Сальтанэ лично предписал мне от имени Его Величества Шаха назначить из Казачьей бригады несколько офицеров, которые сделали бы расчёт и научили проходить церемониальным маршем иррегулярную шахсеванскую конницу родов инанлу и курт-беглю.

Племя шахсеван (шах-саван, т. е. шаха любящий⁶¹) состоит из нескольких родов, представляющих определённое количество всадников, в зависимости от числа дымов (кибиток), скота или верблюдов, считая приблизительно по одному всаднику с дыма или с 12-ти верблюдов⁶². Род инанлу составляет более 1000 всадников⁶³. Вооружены ружьями всевозможных систем, начиная с кремнёвых, кончая Пиабоди⁶⁴-Мартини (л. 12).

/Конница шахсеван, пришедшая теперь в Тегеран, состоит из 2^х родов: род инанлу –

18 тысяч дымов и род курт-беглю (курт = волк; беглю, т. е. княжество) (л. 12).

Шахсеваны обязаны являться по первому призыву Правительства, но не всегда это исполняют, представляя, обыкновенно, целую кучу оправданий и отговорок, более или менее пустых. За свою службу они получают от 7 до 14-ти туманов в год, если находятся по домам, и фуражные и суточные (*джире*) – во время призыва. Тогда фуражных полагается в сутки на лошадь около 1 батмана ячменя (7 фунтов), ½ батмана юнджи⁶⁵ (3½ фунта) и 2 батмана саману (14 фунтов). Суточные (*джире*) в размере стоимости полубатмана хлеба на человека, что составляет обыкновенно 7-8 шай (1 туман = 10 кран = 200 шай). На этот раз, хотя и были сделаны все распоряжения для приёма конницы инанлу, они явиться не пожелали и явились в Тегеран лишь 5го декабря (л. 12об.).

Примечания

¹ Александр Николаевич Кузьмин-Караваев (1862–1923) – командир Персидской казачьей бригады в период с 1886 по 1890 г. (о нём см.: *Басханов М.К.* Русские военные востоковеды до 1917 года: Биобиблиографический словарь. М., 2005. С. 134).

² Александр Семёнович Зеленой (1839 – после 1908) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба 1863 г., участник русско-турецкой войны 1877–1878 гг., принимал участие в целом ряде комиссий по разграничению (в том числе в российско-афганском 1884 г.), генерал-лейтенант (1890 г.). На тот момент заведовал Азиатским отделением Отдела Генерального штаба при Кавказском военном округе (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 53об.; *Басханов М.К.* Указ. соч. С. 91–92).

³ О нём см. ниже.

⁴ Ранее наш герой пишет: «Открывается ещё другое место – командира Персидской бригады в Тегеране. Там был полковник Кузьмин-Короваев, но он сошёл с ума. Впрочем, это место полковничье и туда, кажется, уже назначили полковника Шнеура. Почти убеждён, что это место не выгорит – ведь я ещё только капитан – но всё-таки попытаю счастья» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 53об.).

⁵ В другом месте он назван «Карпеченко».

⁶ Сергей Алексеевич Шереметев (1836–1896) – на тот момент командующий Кавказским военным округом (1890–1896) (<http://regiment.ru/bio/SH/53.htm> [дата обращения: 13.04.2018]).

⁷ Николай Николаевич Обручев (1830–1904) – начальник Главного штаба (1881–1897 гг.), на тот момент генерал от инфантерии (http://encyclopedia.mil.ru/encyclopedia/history_department/more.htm?id=11588126@SD_Employee [дата обращения: 13.04.2018]).

⁸ О степени владения В.А. Косаговским персидским языком см. записки от 28 ноября 1895 г. (л. 214).

⁹ В частности, в качестве офицера, сопровождающего полковника Шнеура в Тегеран.

¹⁰ При этом наш автор был склонен к частым простудам.

¹¹ За 1,5 года своего пребывания в Персии ротмистр Бельгард собрал значительные материалы о персидской армии, военно-топографические сведения, совершил ряд личных рекогносцировок, к числу которых относятся: 1) описание пути Решт – Ленгеруд – Казвин, составленное 31 августа 1894 г. (см.: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 173. Краткое и малоинформативное); 2) ранее отсутствовавшее в штабе Кавказского военного округа маршрутное и общее описание участка шоссейной дороги Казвин – Тегеран. Бельгард также уделял серьёзное внимание текущей военной агентуре: «Итого ротмистром Бельгард в течение 1½ годового пребывания в Персии, не считая подлежащих к представлению работ, представлено по различным отраслям военных сведений 37 работ и 16 листов 5-вёрстной карты господина Шталя. А по текущей военной агентуре, кроме того, представлено 20 работ, из которых 18 рапортов и две подробных записки» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 64).

¹² Ввиду преждевременного и неожиданного отчисления от бригады ротмистр Бельгард не мог перед отъездом рассчитаться с долгами. При этом полковник Косаговский знал, что значительная их часть будет покрыта из причитающихся Бельгарду денег, для выплаты которых требовалось разрешение посланника. По завешенному в Бригаде обычаю, при отъезде из Тегерана офицеров им всегда отпускалось 300 *туманов* на путевые расходы и выдавалось содержание за 4 и даже за 6 месяцев, поскольку заместители, как правило, прибывали не скоро. Российский посланник Е.К. Бюцов разрешил выдать

ротмистру Бельгарду 6-месячное содержание. Таким образом, общая сумма единовременной выплаты составила 1620 *туманов* и свела цифру долга к 180 *туманам* (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 138).

¹³ Документ подписи не имеет.

¹⁴ О нём см. ниже.

¹⁵ См. примеч. к 3 декабря.

¹⁶ Копию с рапорта № 26, копию с рапорта № 27 (адресованного начальнику Отдела Генерального штаба при Штабе Кавказского военного округа), а также объяснительную записку Бельгарда по поводу рапорта № 26 см.: РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 40–44, 108–114.

¹⁷ Сам шах был крайне доволен деятельностью ротмистра Бельгарда и ходатайствовал об оставлении его на посту командира. Посланник Бюцов информировал об этом командование Кавказского военного округа, предложив присвоить Бельгарду чин подполковника (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 27–32). О Е.К. Бюцове и его отношениях с В.А. Косаговским см.: *Норик Б.В.* Рапорт полковника В.А. Косаговского о положении в Персидской казачьей бригаде. 1895 год // Восточный архив. 2018, № 1 (37). С. 31, примеч. 13.

¹⁸ Который поначалу приказал вызвать Бельгарда в Тифлис, а по прибытии «представить к увольнению от службы дисциплинарным порядком №2513» (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 48).

¹⁹ *Норик Б.В.* Указ. соч. С. 20–32. См. также: Очерк развития персидской казачьей бригады // Новый Восток 4 (1923). С. 390–402.

²⁰ Начальник Главного штаба.

²¹ Деревушка Мазлакан (مزلقان) располагается в *шахрестане* Савэ Центрального *остана* (Деххудо, 'Али Акбар. Лугат-наме / Ревайат-е севвом. Энтешарат-е Данешгах-е Техран, 2006 (CD version), далее – Деххудо).

²² Деревушка 'Арабабад располагается примерно в 30 км от Тегерана. В настоящий момент находится в составе *остана* Альборз (Деххудо).

²³ В настоящее время деревушка находится в составе *шахрестана* Шахрийар *остана* Тегеран. Недалеко от неё располагается одноимённая историческая местность, внесённая в число памятников национального достояния Ирана (Деххудо).

²⁴ Имеется в виду топоним Эштехард (اشتهارد). Город располагается примерно в 100 км от Тегерана и в настоящее время является центром одноимённого *шахрестана* в составе *остана* Альборз (Деххудо).

²⁵ В правой колонке л. 12а: 27 – *Воскр^есение* – *Боровск^ий* и *Абд^{...}-баши*, от которого узнал, что 1²⁰ декабря внезапный смотр всех войск Тегеранского гарнизона.

²⁶ В правой колонке л. 12а: 28 – *Учение бригады по поводу предстоящего смотра бригады 1²⁰ декабря*.

²⁷ Наиб ас-Салтане – почётное прозвание (*лакаб*) государственных деятелей высокого ранга, изначально означавшее опекуна, ведущего дела государства от имени несовершеннолетнего правителя (Наиб ас-Салтане // Деххудо). Позднее титул стали прилагать по отношению к принцам, стоявшим близко к шаху. Носил его и третий сын Насер ад-Дин-шаха Камран-мирза, который, по словам Мисль-Рустема, «ничего не смыслит в военном деле, хотя и военный министр» (Персия при Наср-Эдин-Шахе с 1882 по 1888 г. Очерки в рассказах Мисль-Рустема. СПб., 1897. С. 67).

²⁸ События, изложенные в этой части «Дневника», относятся к концу правления четвёртого шаха династии Каджаров Насер ад-Дин-шаха (1848–1896) (о нём см., например: *Бамдад М. Шарх-е хол-е реджал-е Иран дар карн-е 12 ва 13 ва 14-е хеджри*. Т. 4. С. 246–329. Всепопданнейший отчёт Генерал-Лейтенанта Куропаткина о поездке в Тегеран в 1895 году для выполнения ВЫСОЧАЙШЕ возложенного на него чрезвычайного поручения // *Добавления к Сборнику материалов по Азии*. № 6. СПб., 1902. С. 19–20. Отчёт; *Мисль-Рустем*, с. 54–63, 65–66).

²⁹ В правой колонке л. 12а: 29 – *Репетиция, смотр Н^аиба-эс-С^альтанэ, п^оручник* Орановский упал, повредил прав^{ую} ногу.

³⁰ См. также текст в правой колонке л. 12об: 30 – *Сарбазы и арт^иллеристы* целый день на Майдане. Казаки отдыхали. С Григоров^{ичем} у Садр-Азама.

³¹ Г.Н. Блюмер на 1894 г. имел чин штабс-капитана гвардейской конной артиллерии. Вплоть до весны 1894 г. он состоял на должности заведующего обучением персидской кавалерии. Владел несколькими европейскими языками, был единственным из инструкторов (за исключением командира Бригады), занимающимся изучением Персии и персидского языка. Так, руководством штаба Кавказского военного округа отмечается маршрут и описание пути из Табриза в Зенджан, составленные Блюмером в 1893 г. Эта работа была представлена военному министру. Кроме того, ранее в Сборнике материалов по Азии уже вышли в свет три работы Блюмера о путях: от Тегерана через Исфахан в

Бендер-Бушир (в 1887 г.), от Тегерана через Амоль к Каспийскому морю (в 1889 г.) и из Казвина через Решт, Астару и Ардебиль в Зенджан и оттуда в Казвин (в 1890 г.). Военный министр счёл необходимым поощрить Блюмера за такую активность, которую прежде не выказывал никто из офицеров, служивших в Тегеране (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 165. Л. 4–5; Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 37, 139).

³² Орановский.

³³ С полковником Колюбакиным В.А. Косаговский пересекался в дальнейшем во время службы в Кавказском военном округе.

³⁴ Выпуска 1885 г.

³⁵ Бог даст! (араб., букв. «если будет угодно Аллаху, если захочет Аллах»).

³⁶ Ротмистр 33 Драгунского Изюмского Его Королевского Высочества Принца Генриха Прусского полка, командир 3-го эскадрона, кавалер ордена Св. Станислава 3 ст. (25 дек. 1891 г.), Владимир Карлович Бельгард, предшественник В.А. Косаговского на посту командира Персидской казачьей бригады, которого можно считать подлинным зачинателем преобразований, позволивших вывести Бригаду из кризиса, родился 1 июля 1863 года. Происходил из дворян Великого Княжества Финляндского, православный. Окончил Пажеский корпус по первому разряду и Николаевскую Академию Генерального Штаба по второму разряду (1889 г.). Поступил в Пажеский корпус 25 августа 1868 г., 10 января 1883 г. переведён в камер-пажи, 12 августа 1883 г. произведён в корнеты, 14 марта 1885 г. переведён в 33 Драгунский Изюмский полк поручиком, 26 февраля 1887 г. произведён в штаб-ротмистры. По окончании НАГШ отправлен в распоряжение Штаба Киевского военного округа, 22 августа 1890 г. назначен ординарцем к Его Императорскому Высочеству Великому Князю Николаю Николаевичу, старшему на всё время манёвров. 18 сентября 1891 г. командирован в переменный состав офицерской кавалерийской школы для прохождения курса эскадронных командиров, 2 февраля 1891 г. произведён в ротмистры, 20 августа 1891 г. успешно окончил школу по отделу эскадронных командиров, 15 сентября 1891 г. назначен командовать 3 эскадроном (утверждён 22 августа 1892 г.). На 26 сентября 1892 г. был холост, недвижимого имущества не имел, под судом не был, наказаниям не подвергался, в делах против неприятеля не участвовал, особых поручений не имел (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 50–55).

³⁷ Николай Алоизьевич Орановский родился 21 ноября 1867 г. в семье дворян Орловской губернии. Православный. Воспитывался в Пажеском Его Императорского Величества Корпусе, который окончил по 1 разряду, 23 февраля 1876 г. зачислен в пажи к Высочайшему Двору, 8 октября 1881 г. определён в Пажеский Его Величества корпус, 3 февраля 1886 г. произведён в камер-пажи, 11 августа 1886 г. по экзамену произведён в подпоручики в 19 Конно-артиллерийскую батарею с прикомандированием к Гвардейской Конно-артиллерийской бригаде, 26 августа 1886 г. прикомандирован ко 2-й батарее, 17 октября 1889 г. назначен делопроизводителем батареи, 30 августа 1890 г. произведён в поручики. Орановский был назначен заведующим обучением персидской артиллерии в 1894 г. (в феврале началась переписка по этому поводу; 23 февраля военный министр дал согласие) (РГВИА. Ф. 446. Оп. 1. Ед. хр. 47. Л. 17–20, 37). Брат генерала от кавалерии Владимира Алоизьевича Орановского (1866–1917). *Басханов М.К.*, с. 176–177.

³⁸ Вместе с ним В.А. Косаговский служил на Кавказе и занимался полевыми исследованиями в 1890–1891 гг. (так, согласно «Распределению задач между офицерами Генерального Штаба, назначенными в полевые поездки в 1890 г.», подполковник Косаговский должен был заниматься «рекогносцировкой пути от железнодорожной ст. Аджи-Кабул на Сальян – Ленкорань – Астара», а также «рекогносцировкой Ленкорани как опорного пункта и базы в случае наступления», а подполковник Хелмицкий – «рекогносцировкой дороги от г. Телави на г. Сигнах – Царские Колодцы – Муганло – Нуха» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 150. Л. 6–7), а в 1891 г. Косаговский и Хелмицкий совместно занимались рекогносцировкой Мокрых гор и ведущих через них проходов (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 158. Л. Зоб.)). В конечном итоге, Хелмицкий дослужился до чина генерал-майора (см.: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 50–51, 321).

³⁹ Елена Алексеевна Хелмицкая впоследствии принимала живое участие в «борьбе» В.А. Косаговского за получение Георгиевского креста IV степени (см., например: РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 334об., 378об.).

⁴⁰ Sic!

⁴¹ При этом в 1890 г. автор «Дневника» говорил: «... сожалею женатых и считаю их далеко не безусловно способными ко всякого рода трудам и лишениям нашей всесторонней службы.

Про себя я прямо высказался, что при страсти к путешествиям и приключениям я, женившись, сделал бы несчастною и себя, и жену» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 96). В одном же из своих писем из Персии, написанных около 1900 г., наш герой замечает: «Лично я остаюсь до сих пор холостяком: не то, чтобы я был против женитьбы, но просто не находил женщины настолько по душе, чтобы счёл возможным связать с нею всю свою жизнь – /¹да и жизнь-то приходилось вести кочевую и вдобавок, выражаясь по книжному, преисполненную всяких треволнений и сильных ощущений – обстановка не для домашнего очага/. Женитьбы же по расчёту я никогда не искал» (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 217. Л. 208). См. также л. 191 настоящего «Дневника».

⁴² Имеется в виду няня В.А. Косаговского, которая долго жила у него в Погостихе и Петербурге, а в 1890 г. приехала к нему в Тифлис (РГВИА. Ф. 76. Оп. 1. Ед. хр. 591. Л. 107).

⁴³ Супруга полковника Шнеура (см. ниже).

⁴⁴ Зачёркнуто *У меня же*.

⁴⁵ То есть из Караджадагской области в Иранском Азербайджане, граничащей с Закавказьем и расположенной между р. Аракс и Карадагским хребтом (букв. «чёрная гора»). Центральный город – Ахар. Жители этой области отличались воинственностью, промышленяли грабежом и обладали навыками ведения партизанской борьбы в горах (Караджадаг // Деххудо; *Корсун Н.Г.* Персия: Курс лекций по военной географии, читанных на втором курсе восточного отдела Военной академии Р.К.К.А. М., 1923. С. 37).

⁴⁶ Букв.: «глава, предводитель казаков» (турк.).

⁴⁷ Камран-мирза Наиб ас-Салтане (1855–1928) был третьим сыном Насер ад-Дин-шаха. Он занимал должности «военного министра и главнокомандующего победоносной армией» (с 1880 по 1896 г.), а также губернатора Тегерана (с 1861 г.). Кроме того, в его ведении находился ряд других губернаторств (подробнее см.: Бамдад 3, с. 149–161; Куропаткин. Отчёт, с. 21–22; Мисль Рустем, с. 84–86).

⁴⁸ Майдан Машк (Мейдан-е машк; букв. «площадь для занятий, учебный плац») находилась на севере тегеранского Арка (Арк-е Салтанати). Впоследствии здесь были возведены здания Министерства иностранных дел, Почтового управления, Главного управления полиции, Генерального Штаба и др. Площадь имела длину

216 м (*Шахиди-Мазандарани* Х. Саргозашт-е Техран. Тегеран, 1383/2004. С. 111, 141).

⁴⁹ В правой колонке л. 12об «Дневника» АВ ИВР РАН записано кратко: 1 – *Смотр*.

⁵⁰ То есть рядами по обе стороны пути.

⁵¹ Солдат-пехотинец, носящий на штыке ружья отличительную ленту, с помощью которой он указывает линию построения войск.

⁵² В «Дневнике» АВ ИВР РАН события 1 и 2 декабря резюмируются тремя предложениями соответственно: «Блестящий смотр. В ночь пришли иштаардцы» и «Полный отдых после блестящего смотра» (л. 11). Даты в правой колонке л. 11 идут в обратном порядке, записи сделаны простым карандашом. Над ними синим карандашом проставлена дата – 1894 (она дважды переправлена, так что на последнюю цифру 4 наложилась дробь 5/4). Кроме того, в правой колонке л. 12об имеется текст: 2 – у п<оручика> Орановского с Раф<аловичем>, Март<ирс-ханом> и М. К. Хан<ом>, известие о нов<ом> смотре, письмо Н<аиба>-эс-С<альтан>.

⁵³ Верамин (ورامين) – небольшой городок примерно в 43 км к юго-востоку от Тегерана. Главными достопримечательностями служат Пятничная Мечеть, сооружённая в период между 1304 и 1316 гг. султанами Олджайту Худабанде и Абу Са'ида, и усыпальница 'Ала ад-Дина, возведённая в 1289 г. (Верамин // Деххудо).

⁵⁴ «Суточные». В то время *джире* составляло 8 *шай* (6^{2/3} копейки), а во время летнего лагерного сбора – до 11 *шай* (9,2 копейки). В одном из своих рапортов на имя военного министра Наиба ас-Салтане наш автор констатирует, что данная сумма была установлена ещё в 1879 г. полковником Домановичем и за 16 лет заметно девальвировалась. В результате казаки оказались вынуждены увеличивать *джире* за счёт своего же, весьма скудного жалования. Всё это, по мнению В.А. Косаговского, не способствовало привлечению в Бригаду достойных и надёжных людей («идут только те, которым уже совсем некуда деваться и которых ни на какую службу не берут»), поэтому он просит увеличить суточные хотя бы на 2 *шай* (АВ ИВР РАН. Ф. 30. Оп. 1. Ед. хр. 10. Л. 251–254).

⁵⁵ Подарок, вознаграждение.

⁵⁶ Мирза Али-Асгар-хан, последовательно обладавший почётными титулами Сахеб-е джам, Амин ал-Мульк, Амин ас-Султан и Атабек-е азам, был вторым сыном Ибрахима Амин ас-Султана. Занимал должность премьер-министра (*садр-е а'зам*) при Насер ад-Дин-шахе, Музаф-

фар ад-Дин-шахе и Мухаммад-Али-шахе. Родился в 1858 г., убит 30 августа 1907 г. жителем провинции Азербайджан Аббас-аккой (подробнее см.: Бамдад 2, с. 387–425). Генерал Куропаткин отмечает ум, развитое чувство собственного достоинства и довольно высокие нравственные качества Садр-Азама (Куропаткин. Отчёт, с. 22–23). В своём «Дневнике» Куропаткин пишет: «Простились мы с Садр-Азамом очень тепло. Поцеловались трижды. Садр-Азам просил передать Государю, что пока он, Садр-Азам, жив, он будет отстаивать мир со всеми державами, но в особенности будет работать для поддержания дружеских сношений с Россией. Он прибавил, что однажды эти отношения нарушили (нагнул Долгоруков), но даже этот временный разлад принёс пользу, ибо послужил уроком, после которого стала ещё очевиднее необходимость поддерживать дружеские отношения с Россией» (РГВИА. Ф. 165. Оп. 1. Ед. хр. 1850. Л. 94об.–95. См. также: Куропаткин. Отчёт, с. 18). Надо сказать, что как сторонник России Садр-Азам оказал немалую поддержку В.А. Косаговскому, чем заслужил защиту последнего в дни опалы.

⁵⁷ Директор русского Ссудного банка в Тегеране.

⁵⁸ И'тимад-Низам / Э'темад-Незам (اعتماد نظام).

⁵⁹ Полковник Николай Яковлевич Шнеур (1848–1894) – выпускник Николаевской академии Генерального штаба, бывший военный агент в Китае (1883–1886 гг.), командовал Персидской казачьей бригадой с января 1890 г. по май 1893 г.

⁶⁰ Весь текст в левой и правой колонках л. 12 перечёркнут вертикальной чертой. Напротив первой строки в правой колонке карандашом написано *Инан-лу*.

⁶¹ Фраза в скобках вынесена в правую колонку стрелкой.

⁶² Окончание фразы, начиная со слова *считая*, вынесено в правую колонку стрелкой.

⁶³ Далее зачёркнуто по одному с каждых 12-ти верблюдов.

⁶³ В тексте именно так. Подобная форма написания фамилии Пибоди характерна для нашего автора.

⁶³ *Юнджа, юндже, йундже* (يوندجه) – люцерна, клевер.

Г.И. Куликов

КУРДЫ ХАЛЕБСКОГО ВИЛАЙЕТА ОСМАНСКОЙ ИМПЕРИИ ПО ДОНЕСЕНИЯМ РОССИЙСКОГО КОНСУЛА. 1913 ГОД

Быстро развивающиеся события на Ближнем Востоке с новой силой актуализируют курдский вопрос и заставляют исследователей обращаться к истории этого народа. Прошедший в сентябре 2017 г. референдум о независимости Иракского Курдистана, попытки создания автономии Рожавы и прямые боестолкновения турецкой армии с курдскими формированиями на территории Сирии (например, в марте-апреле 2018 г.) обуславливают повышенный интерес к сведениям вековой давности о сирийских и южнотурецких курдах.

Публикуемый документ представляет собой донесение консула в Алеппо (Халебе) Владимира Владимировича фон Циммермана¹ в I Департамент МИДа от 29 июня 1913 г.² (доставлено в МИД 6 августа), которое повторяет его же донесение в посольство в Константинополе от 30 апреля 1913 г. Трудно объяснить такой временной разрыв, обычно донесения дублировались в I Департамент почти сразу. Скорее всего, за этим стояла какая-то административная накладка.

В донесении содержится подробнейшая справка о курдском населении Халебского вилайета Османской империи и бывшего санджака этого вилайета Урфа. Она выполнена в соответствии с предписанием, которое В.В. фон Циммерман получил от нашего посла в Константинополе 17 декабря 1912 г., причем к предписанию была приложена книга Лерха «Исследование об иранских курдах»³, некоторые сведения которой надлежало проверить. Нелишне заметить при этом, что «заказанное» исследование охватывало территории с далеко не самой высокой плотностью курдского населения: в частности, судя по британским данным, она составляла там лишь 20–40%⁴.

Что же могло вызвать повышенный интерес российского правительства к этим курдским районам? Непосредственно та часть Восточной Анатолии и Сирии, где проживали курды, в общем, не входила в область интересов Российской империи. Разве что поблизости располагались районы компактного проживания анатолийских армян, а также ассирийцев, на которых впоследствии Россия опиралась в своих стратегических планах⁵. Пока же в курдских районах для царского правительства главным было соперничество с Германией, приступившей к сооружению участка Багдадской железной дороги.

Так, в апреле 1910 г. консул В.В. фон Циммерман сообщал, что немцы проводят геодезическую подготовку для прокладки ветки Багдадской железной дороги на Алеппо⁶. Уже через год им отмечалась «в деле постройки дороги усиленная деятельность», а кроме того, что «германским Консульством нанято недавно в Алеппо помещение под немецкую школу, предназначающуюся якобы для детей имеющих прибыть сюда рабочих и инженеров немцев»⁷.

Непосредственное германское влияние и, главное, германские деньги могли быстро настроить местное население в пользу этой соперницы России. Поэтому российские дипломатические работники пристально следили за настроениями в курдских районах, в частности, с удовольствием отмечая в 1910 г. в связи с волнениями против младотурок следующее: «...уверяли меня, что среди курдов царствует ныне такое недовольство турецким правительством, что они начинают сильно тяготеть к России»⁸.

Барон Макс фон Оппенгейм (или Оппенхайм), известный знаток Востока и археолог (работал в арабских странах с начала 1890-х годов), в 1899 г., ещё до своего назначения атташе в германское консульство в Каире, в течение более полугода работал на севере Сирии с целью изучения будущего маршрута немецкой Багдадской железной дороги. В 1910 г. он уже

прибыл в те курдские районы как открыватель «тель-халафской» культуры и глава крупной археологической экспедиции в районе реки Хабур. Наш консул писал в марте 1912 г.: «Барон Оппенгейм поселился в Расуль-эине (Рас-аль-Айн. – Г. К.), в 18-ти часах пути от Орфы <...> где он купил землю и построил себе дом. Отсюда он разъезжает по разным направлениям, посещая то Вейран Шехир, то Мардин, то Диарбекир и проч. Он вступил уже в дружеские сношения с одним из главных в этих местностях курдских родоначальников, Мухаммед-Хуссейном. Осуществлению намерений барона Оппенгейма может содействовать царящая там, особенно среди курдов, страшная бедность»⁹.

При этом даже турецкий комиссар по раскопкам неоднократно жаловался в Стамбул, что «барон Оппенгейм преследует совсем другие цели, чем раскопки, и что наука для него вопрос, если не совершенно чуждый, то очень второстепенный»¹⁰. Пример этого знаменитого археолога был далеко не редким. Немцы действительно пытались взаимодействовать с местным курдским населением в надежде повысить значение и имидж своей страны в их глазах.

Итак, потребность российского правительства в достоверной информации о состоянии местного курдского населения ряда восточных районов Османской империи отражала стратегические интересы и входила в задачи противостояния там германскому влиянию (насколько понимало тогда эти задачи царское правительство). Работа В.В. фон Циммермана над рапортом заняла более четырёх месяцев.

При подготовке материала консул в основном опирался на сообщения своего информанта, некоего шейха Кямиля Гуззи, который якобы специально собирал эти сведения и надеялся каким-то образом закрепить своё авторство, о чём, как это следует из текста, неоднократно предупреждал консула. Едва ли этот шейх всерьёз собирался публиковать свой материал: можно предположить, с одной стороны, честолюбивые замыслы информанта прослыть в глазах европейцев учёным мужем, подготовившим книгу, а в глазах соотечественников – иметь репутацию человека, вхожего в российское диппредставительство и пользовавшегося уважением консула России. С другой же стороны, он вполне мог намереваться в будущем продолжить получать доход от дополненных своих материалов и поэтому так настаивал на авторском праве.

Консул фон Циммерман очень ответственно подошёл к своей задаче. В первую очередь, он нашёл все донесения прошлых лет, где поднималась тема курдов, исследовал эти документы и кратко охарактеризовал в своём донесении. Он использовал также официальную османскую статистику – «Сальнамэ Халебского вилайета за 1324 г. х.», впрочем, признавая недостаточным характер содержащейся в нём информации. Кроме того, для полноты сведений консул обращался также к книгам о курдах и словарям, которые имелись в его распоряжении.

К донесению была приложена составленная автором таблица на нескольких листах формата А3, причем названия деревень приводились также и по-турецки в арабской графике. Кроме того, по всей видимости, в качестве приложения имела и карта с нанесёнными автором курдскими поселениями, о которых идет речь в материале.

Сравнивая работу фон Циммермана, например, с подготовленной для британских властей в 1911 г. работой о курдах Рабино¹¹, можно отметить более высокое качество труда нашего консула. При всей разнице подходов и специфики информации в ней содержатся более свежие и в практическом отношении более полезные сведения, тогда как британский автор в таблицах по курдским племенам использовал сведения 1892 и 1902 гг.¹²

Неизвестно, в какой степени это подробное донесение о курдах Халебского вилайета и санджака Урфа оказалось полезным российскому МИДу, но в небольшом обобщающем труде о курдах В.Ф. Минорского (1915 г.) сведения называются новейшими и используются как достоверные, например: «В Алеппском вилайете курды уступают место арабам, но, по но-

вейшим сведениям (консул Циммерман), в числе 125 000 душ занимают около 1 000 деревень»¹³.

(Л. 95) М.И.Д. Российское ИМПЕРАТОРСКОЕ Консульство в Алеппо

29 Июня 1913 г. № 92.

В Первый Департамент Министерства Иностранных Дел

(штемпель получения: 1Д 6 авг. 1913 № 1805)¹⁴

Имею честь уведомить Первый Департамент, что от 30 апреля за № 48 мною сообщается Господину Российскому Императорскому Чрезвычайному и Полномочному Послу в Константинополе нижеследующее:

В исполнение предписания Вашего Высокопревосходительства от 17 декабря минувшего года, за № 316, имею честь почтительнейше представить ниже сего сведения, которые мне удалось собрать по вопросу расселения курдов в пределах Алеппского вилаята (включая в него санджак Орфу, недавно выделенный из него в самостоятельную административную единицу), их численности, занятия, языках, на которых они говорят, и проч.

Если сообщение этих сведений задержалось до сих пор, то это от того, что в Турции вообще весьма трудно приобретать сколько-нибудь серьёзные или заслуживающие (Л. 95об.) доверия данные такого рода. Данные, какие требуются, могут быть получены из вилайетов, официальные сведения которых, помимо того, что они не всегда отличаются желаемой точностью, могут быть добыты в исключительных и редких случаях.

Остается личный объезд могущих представлять тот или другой интерес местностей, что занимает много времени и весьма редко возможно для консула, особенно при нынешнем строгом отношении к его отлучкам. В частности же, в вопросе сбора сведений о курдах, такие сведения из центрального места управления вилайетом вовсе нельзя получить, потому что такие сведения здесь не сосредоточены, а рассеяны по отдельным уездам.

Альманах (*сальнамэ*) Алеппского вилаята (я пользовался в настоящей работе для проверки достоверности полученных мною здесь сведений ежегодником Алеппского вилаята за 1324 год *гиджры*) даёт только самые общие сведения, и в нём никогда здесь не помещается деление населения по народностям, а указано лишь деление его по религиям.

При этом и учёная литература, как западная, так и восточная, весьма небогата, насколько (Л. 96) мне известно, по этому вопросу.

Что же касается архива ИМП Консульства, то и мои предшественники по Консульству в Алеппо очень мало интересовались им, и единственные указания, которые имеются в их рапортах относительно курдов, это – о их грабежах. Другие же сведения, весьма скудные, сообщаются лишь настолько, насколько это необходимо для большей ясности их рапортов. В архиве Консульства были мною отысканы следующие рапорты такого содержания в ИМП Посольство: от 25 августа 1888 года, за № 90, от 10 сентября и 8 октября того же года, за № 103 и 112, от 25 июня, 3 июля, 20 августа и 8 октября 1899 года, за № 62, 71, 81 и 94, от 8 и 16 мая, 3 июня, 3 августа, 20 октября и 13 ноября 1901 года, за № 43, 46, 64, 76, 91 и 105, от 22 января и 1 октября 1902 года, за № 8 и 105, и 4 февраля 1908 года, за № 14. Мною посланы следующие рапорты об Ибрагим-паше: от 24 июня, 17 июля и 25 сентября 1908 года, за № 115, 127 и 160.

К довершению всего здесь почти никто до сих пор курдами не интересовался и не мог мне сообщить хотя бы самые общие, но заслуживающие некоторого доверия данные по разбираемому вопросу.

Вообще я был бы крайне затруднён делом (Л. 96об.) приобретения требуемых сведений, если бы мне не указали на местного жителя, Шейха Кямиля Гуззи, который, объехав весь Алеппский вилайет и собрав о нём самые разнообразные данные, составил его описание, к со-

жалению, ещё не изданное. К нему-то я и обратился, и, благодаря любезно сообщённым им мне из его труда сведениям, мне удалось составить таблицу расселения оседлых и полуоседлых курдов по Алеппскому вилаету, которую имею честь ныне почтительнейше повергнуть на благосклонное воззрение Вашего Высокопревосходительства¹⁵. Эти сведения мне были даны Шейхом Кямилем под условием, что при пользовании этим материалом не будут нарушены его права как автора труда, из которого он заимствован, и что эти сведения не будут опубликованы для ознакомления широких слоёв публики до издания им своей работы.

К сему считаю долгом присовокупить, что и эти данные не могут отличаться полною точностью. При сличении, например, названий деревень, помещённых в таблице (*вставка карандашом*: и на словах) с данными турецкого сальнамэ, оказались варианты, неизбежные в тех случаях, когда работа производится самостоятельно и независимо от других источников. Варианты эти (**Л. 97**) были мною в графе примечаний все отмечены, как и места, где оба источника сходятся; но какие бы это сведения ни были, они всё же гораздо полнее всего того, что имелось по Алеппскому вилаету до сей поры, что и дало мне смелость представлять на благосклонное воззрение Вашего Высокопревосходительства, тем более, что при этом в настоящее время они единственные, которые было возможно здесь получить.

Некоторые¹⁶ из представляемых мною для большей полноты рапорта общих сведений были почерпнуты мною из нижеследующих трудов, оказавшихся в моей собственной библиотеке: грамматика курдского языка аманийского наречия Гарцони (*Grammatica et Vocabularie* (правильно: *e vocabulario*. – Г. К.) della lingua Kurda composti dal P. Maurizio Garzoni, Roma 1787), грамматика Сулейманийского наречия курдского языка Хадзко (*Chadzko. Etudes philologiques de la langue Kurde – dialecte de Souleïmanié. Journal Asiatique – extrait No. 4, 1857*)¹⁷, курдско-французский словарь бывшего консула нашего в Эрзеруме Жабы, опубликованный французом Юсти (*Dictionnaire Kurde-Français par Mr. Auguste Jaba, publié par ordre de l'Académie Impériale de Sciences par Mr. Ferdinand Justi, St. Pétersbourg, 1879* [463 p.]) и курдские рассказы его же (*Recueil de notices et de récits Kourdes par Mr. Alexandre (?) Jaba, (Л. 9706.) St. Pétersbourg, 1879*).

Приступая к представлению сведений, составляющих предмет настоящего рапорта, имею честь почтительнейше донести Вашему Высокопревосходительству, что, по свидетельству отца Гарцони, проживавшего в Месопотамии долее восемнадцати лет, как он заявляет в своём упомянутом выше труде, в восемнадцатом веке существовали ещё целые курдские княжества. Он утверждает, что Курдистан занимал тогда пространство в двадцать пять дней пути в длину и десять дней пути в ширину. По его словам, существовали тогда пять известных ему княжеств (Имаретов – امارت), а именно Битлисское, Джуламерк, Джезире, называемое также княжеством Ботанским, княжество Амадия и княжество Карачиолан¹⁸, или, по более верной транскрипции, Кара-чувар-лан¹⁹, что означает на курдском четыре чёрных крепости. Вероятно, однако, существовали и другие княжества и ханства, не упомянутые у отца Гарцони, ибо от Алеппо – одной из западных окраин местностей, населённых курдами, долее двадцати пяти дней пути. С другой стороны существовало ещё в минувшем столетии Алампертское ханство (**Л. 98**) с главным городом Баязидом, которое у Гарцони не упомянуто, и самостоятельность которого была уничтожена турками лишь во второй четверти девятнадцатого века с падением Беялула-паши. Курды каждого из указываемых отцом Гарцони княжеств носили отдельные названия – смотря по княжеству, к которому они принадлежали. Так, курды Кара-чувар-лана, говорившие по-курдски, назывались Соран, а говорившие по-турецки – Бабан; аманийские курды назывались Бадинан; курды Джуламерка именовались Шамбо, курды Джезире – Ботан, а Битлиские курды – Битлиси. Некоторые из таких курдских князей считали себя потомками Багдадских халифов. Эту претензию заявляли, по свидетельству отца Гарцони, как Аманийские князья, так и до некоторой степени князь Джуламерка.

Все эти имена существуют и на современных картах. Так, по стенной карте Киперта, Джуламерк находится в Хаккяри несколько к югу от Кочоннеса²⁰ и сиро-халдейского монастыря Мар-Шимона. Город Амадия находится к северу от Мосула немного восточнее 41° долготы и немного севернее 37° широты. Немного южнее обозначено крупными **(Л. 98об.)** буквами Бадинан. Амадия – родина знаменитого Саладина (Силях-эд-дин-Эюби), внука Эмира Амадии Имад-эддина-Зенги. Курды Кара-чувар-лана – это нынешние Сулейманийские курды и курды смежных с Сулеймания местностей в Багдадском вилаете. Другие названия, как Джезире и Битлис – достаточно известны и не требуют особых указаний.

Очень может быть, что приведённые сведения ныне не всем курдам известны. Они в настоящее время делятся на мелкие племена и колена и не всегда даже знают, к какому главному имени они принадлежат.

Все курды, живущие в пределах Алеппского вилаета, принадлежат к курдам Месопотамии и говорят на том же главном диалекте, как и последние. Во всяком случае, те и другие понимают друг друга. Кроме полусоседных племен Барази, почти все остальные племена, поселившиеся в Алеппском вилаете, ведут оседлую жизнь. Селясь в Алеппском вилаете, многие племена дали свои имена занимаемым ими нахиям.

В представляемой мною таблице, в графе примечаний, мною обозначены как общее число деревень, домов и душ населения обоего пола, по каждой нахии, так и главные занятия курдов, вера и проч. **(Л. 99)** Всех курдских деревень в Алеппском вилаете 1 046, имеющих около 123 959 человек населения обоего пола. Если принять за основание цифру всего населения вилаета, показанную в турецком сальнамэ – 903 269 душ обоего пола, то они представляют 13,5% всего населения последнего, а, принимая в расчёт цифру всех мусульман, живущих в пределах вилаета, равняющейся 759 040 душам обоего пола, по тому же турецкому сальнамэ, они составляют 16,05% всего магометанского населения вилаета. На самом деле эти данные ниже действительности, так как сосчитать вполне точно такой подвижный элемент, как курды, даже оседлые, нет никакой фактической возможности. Они, как уверяет Шейх Кямил, на 50% ниже действительных и, следовательно, должны быть увеличены на половину.

Обращаясь к присланной во вверенное мне Консульство при предписании Императорского Посольства от 17 декабря минувшего года, за № 361, выписке из книги Лерхе «Исследование об иранских курдах», имею честь почтительнейше представить ниже сего Вашему Высокопревосходительству сведения о том, **(Л. 99об.)** какие из указанных в ней племён были мною разысканы, а равно, какие оказались в пределах вилаета племена, которые не указаны в упомянутой выписке.

Курды Шерканли²¹, Селифанли и Охианли не были разысканы. Их, вероятно, надо отнести к Диарбекирскому вилаету, которому принадлежит Мардин. Племя же Шейханли, по полученным здесь сведениям, представляет собою подразделение племени Барази. Часть его живёт вместе с другими курдами Барази в санджаке Орфы, а некоторая часть их занимает нахию Шейлер Киллисского каза²² (уезда) Алеппского санджака.

Племя Торун (это название присваивается по-курдски начальнику племени) и Муриси не разысканы.

Племя Бараза делится здесь на восемь второстепенных племён: Шедади, Зерванли, Кеткянли, Даннейи, Алаеддинли, Биджанли, Шейханли и Хальтанли. Они населяют, главным образом, весь каза Сурудж санджака Орфа, нахии центрального каза того же санджака Эвим – Агач, Текюрлю и Каба-Хайдар и нахию Шейхлер Киллисского уезда Алеппского санджака. Не включая этой последней нахии, они расселены в 376 деревнях и насчитывают около 27 674 душ обоего пола (*сноска*: Если присоединить нахию Шейхлер, то почти все Барази Алеппского вилаета составляют 426 деревень и 31 592 души населения обоего пола). Курды, живущие в каза Сурудж, **(Л. 100)** входили в состав войск Хамидие и были за производив-

шиеся ими грабежи предметом жалоб местных консулов. Некоторое число оседлых Баразии живут среди племен Базики в нахии Реши уезда Румкале санджака Орфы.

Племя Шекаки существует, но хотя оно показано, как у Лерхе, так и у Жабы (Recueil de notices et de récits Kourdes), принадлежащим к курдской народности (вероятно, потому что, кроме турецкого, люди этого племени говорили по-курдски), они, по словам Шейха Кямиля, туркмены, а не курды. Часть этого племени, живущая в пределах Алеппского вилаята, занимает, судя по данным сальнамэ, нахию того же имени (шекак нахиси – *исправления*) Киллисского уезда Алеппского санджака, состоящую из тридцати четырёх деревень.

Племена Хасананли, Чемкянли, Бамерианли, Кюменекеш и Джемаледдинли показаны живущими к северу от Харрана, который лежит по карте к югу от Орфы.

Кроме вышеуказанных пяти племён в выписке показаны живущими к югу от Орфы два племени Шейханли и Торун. О племени Шейханли я уже упоминал выше. Остальные племена не могли быть разысканы, да и вообще трудно понять, как могут уместиться столько племён (**Л. 100об.**) на таком сравнительно небольшом пространстве, если принять в расчёт, что расстояние от главного центра Харрана Агджекале (اغج قلعه) до Орфы не представляет более двенадцати часов пути, судя по сведениям самого Алеппского вилаята. По сведениям Шейха Кямиля, Харран, состоящий всего из трех нахий: собственно Харран (200 деревень), Кара-Мук (40 деревень) и Тюркмен-Джелади (8 деревень), заселён преимущественно арабами, хотя в нём действительно некоторую часть населения употребляется и курдская речь.

Люди племени Кылыджлы, судя по данным сальнамэ, живут вперемешку с племенами Атмали и Синиминли, которые занимают нахии, носящие те же названия, в каза Базарджик Маррашского санджака. В таблице и сальнамэ обе эти нахии названы различно. В таблице первая названа Агерджалар Отур-ага Атмали, а вторая Беиче Асманли, а по сальнамэ первая именуется Бор-ага Атмалос, а вторая по имени племени Синиминли. Курды племени Атма-ни²³ живут также в нахии Чораджикли того же уезда, а Синиминли занимает ещё нахии Этраф Базарджик и Гиенсун, последние в уезде того же имени Маррашского санджака (*сноска*: Синиминли всего 45 деревень и 9 244 человек обоего пола, а Аттали 29 деревень и 5 884 человек обоего пола).

Племя Барак – не курды, а туркмены, говорящие, (**Л. 101**) кроме турецкого, по-курдски. Кроме них и Шекаки здесь имеется ещё племя Кара-Хусейни, которые тоже туркмены, говорящие по-курдски. Барак и Кара-Хусейни живут в Джебель-Шейх.

Племя Кара-Безики, подразделяющееся на племена Сулейманли и Тусьянли, занимает нахию Базики, или Безики, и нахию Реши в уезде Рум-кале санджака Орфы. Их всего 91 деревня и около 12 082 душ обоего пола, включая в эту цифру и немногих живущих здесь Баразии.

Племя Кызык занимает смежные с Базики нахии Кызык и Хезек в уезде Айнтабе. Если считать обе нахии вместе, их всего 43 деревни и около 8 245 душ обоего пола.

Племя Муса-декли занимает нахию того же имени в уезде Киллис. Их 67 деревень с 5 571 душою населения обоего пола.

Племя Окджа-изеддин (настоящее его название Окджа-изеддин) и его подразделение Пенджане занимают, первое – нахию Окджа-изеддин уезда Киллис, а второе – центральную нахию этого же уезда. Их всего вместе с Пенджане 40 деревень и 6 371 душа обоего пола.

Племя Чум, или Джум (جوم или جوم), занимает нахию того же имени в уезде Киллис. Курды племени Чум – магометане; среди них езидов, по здешним сведениям, нет. Их всего 50 деревень (**Л. 101об.**) с 3 918 душами населения обоего пола.

Племя Биризли не разыскано.

Латтакия (Ладикия) не принадлежит к Алеппскому вилаету. В городе Джебель-эль-экрад (جبل الاكراد) действительно живут курды.

В Алеппо не один «курдский квартал», а целых два, один среди христианских кварталов, а другой – среди магометанских, но только в последнем живут несколько отуречившихся курдских семейств. Из постоянных коренных жителей Алеппо настоящих курдов всего только один – некто Мама. Он очень богат, занимается ростовщичеством²⁴.

Племена Ураджик и Синамерли, перемешанные между собою, живут действительно в Маррашском санджаке, в нахиях²⁵ Надырлу, Харталеб, Джамустил, Енидже кале и Шекер. Оба Маррашского каза, в нахии Коч-Абад – каза Эльдистан, в центральной нахии каза Зейтун и в нахии Мерджеман каза Рум-кале. Всего курдов обоих этих племен (с присоединением к ним и курдов нахии Коч-Абад) 144 деревни с 22 414 жителями обоего пола.

Кроме же указанных в выписке, здесь оказались ещё следующие курдские племена.

(Л. 102) Племя Ширави (شيراوي) в каза Джебель Самане Алеппского санджака. Они – езиды. Их немного, всего восемь деревень и триста пятнадцать душ обоего пола.

В нахии Ильбекли уезда Баб живут курды племени того же имени. Их всего пятьдесят семь деревень с 2154 жителями обоего пола, судя по представляемой таблице, но на самом деле их должно быть больше.

В каза Бейлан имеется 17 деревень курдов племени Саманли. Курды того же племени живут и в нахии Кара-мурт Антиохийского уезда. Их всего в общем итоге тридцать две деревни и 3778 человек обоего пола.

Племя Али-шар живет в нахиях Кара-тут, Алишар, Байтимурли, Фернис и Чигильян-джериди Зейтунского уезда и Кушарджи-джериди Оймадж – оба уезда Базарджика Маррашского санджака. Их всего 31 деревня с 9512 душами населения обоего пола.

Что касается курдских племён, неотысканных в Алеппском вилаете, то вероятно, по заселении прежних здесь кочевий, они теперь живут дальше на восток и входят в состав, может быть, более крупных племенных единиц в соседних вилайетах. Из последних (Л. 102об.) более близкими к Алеппскому вилаету являются всегда враждующие между собою племена Милли и Кара-кыч, живущие за Евфратом. Главным центром курдов Милли является Вераншехир в Диарбекирском вилаете. Ими ныне управляет сын знаменитого Ибрагима паши Исмаил-бек. Начальник же племени Кара-кыч называется Халиль-бек-оглу..., полное его имя мне неизвестно. Из других ближайших к Алеппскому вилаету курдов можно указать на курдов, живущих в каза Агдже-даг (другое название Арка) Малатийского санджака Харпутского вилайета. Горы этого уезда окаймляют с востока уезд Эльбистан Маррашского санджака. Курды Агдже-дага – кызыл-баши (под этим названием я понимаю настоящих кызыл-башей, а не аливитов (алевитов. – Г. К.), которые, однако, здесь тоже имеются). К какому племени они принадлежат, мне здесь не удалось выяснить.

Осмелюсь здесь сделать маленькое отступление от предмета настоящего рапорта, дабы обратить просвещённое внимание Вашего Высокопревосходительства на только что названную местность Алеппского вилайета. Каза Эльбистан лежит на кратчайшем пути между Сивасом и Александреттским заливом.

(Л. 103) Маршрут следующий: Агдже-даг, Нархан, Эльбистан, Базарджик, Оваси, Ислахия Оваси, Марраш, а от Марраша на Гяур-даг и Александретту или Чомурталики, или же на Зейтун, Хаджин и Сис, находящийся в двух днях пути от Дорт-юла. Насколько может для нас при случае представить интерес как Александреттский залив, так и кратчайший путь к нему через Сивас²⁶, можно усмотреть из представляемой при сём брошюры на английском языке, напечатанной в 1912 году под заглавием “Some aspects of the Italian-Turkish situation by Sam”. Этот псевдоним представляет собою инициалы имени богатого англо-американца Чарльса Артура Мура (Charles Arthur Moore), очень расположенного к нам и посетившего Алеппо, Мосул и Багдад вместе с комиссией из своих соотечественников, прибывшую семь или восемь лет тому назад для закупки арабских лошадей с целью устроить Соединённым

Штатам конный завод для разведения кровных арабских лошадей и вообще улучшения там лошадиной породы.

Возвращаясь к предмету моего рапорта, курдам, имею честь почтительнейше донести Вашему Высокопревосходительству (**Л. 103об.**) по поводу происхождения курдов и их языка, что мне неизвестно, решён ли был до сих пор научно вопрос, откуда именно они происходят, а вместе с ними их язык – древнейшие ли это аборигены местности, в которой они ныне живут, как например, предполагает Ходзко, или позднейшие переселенцы.<...>

(Л. 104об.) Хотя курды, по отзыву учёных, говорят на большом числе наречий, но в Малой Азии местные жители различают два главных наречия, к которым, вероятно, могут быть более или менее отнесены, соответственно их строю, и все остальные. Это только что упомянутые мною Сулейманийское наречие и обыкновенное, или Курманджи. (сноска: Курды имеют небольшую литературу. В курдских рассказах Жабы пересчитывается восемь поэтов, писавших на наречии Курманджи, в том числе указанный также Ходзко поэт Шейх Ахмеди (Дабин), автор многих стихотворений и эротической поэмы «Мем-узин», соответствующей по характеру эротическим рассказам «Лейля-иле-Маджнун», «Ферхафад-Ширин», «Амин Гариб», «Ашик Керем», «Шах Исмаил» и проч.) Оба эти наречия настолько несхожи между собою, что курды, говорящие по Курманджи, не понимают сулейманийских, и наоборот. Курды Алеппского вилаета, по общему отзыву и судя по произведённому мною самим опыту, говорят на обыкновенном курдском языке. Для проверки, насколько это заявление основательно, мною были приглашены несколько курдов племени Джум, из которых один был грамотен и, по моей просьбе, прочёл другим вслух несколько отрывков из текстов рассказов Жабы, которые всеми были прекрасно поняты. Они заявили, однако, что этот язык не вполне схож с их речью, и, когда я спросил, в чём разница, они ответили мне, что в курдских рассказах Жабы заметно влияние персидского языка. Это вполне справедливо, если принять в расчёт, что сотрудником Жабы был курд (**Л. 105**) Махмуд эфенди Баязидли, родившийся в Баязиде, отстоящем не более трех четвертей часа от персидской границы, и получивший образование в Тавризе. Дальнейшие расспросы подтвердили вышеприведённые заявления. Судя по сообщённым мне этим сведениям, по крайней мере насколько я мог понять из не всегда ясных объяснений лиц, которых я расспрашивал, здешние курды, как я уже докладывал выше, разговаривают на обыкновенном Курманджи. Если и существует здесь разница между отдельными говорами, то она не настолько велика, чтобы мешать курдам объясняться между собою и понимать друг друга. По сообщённым мне сведениям, на Курманджи говорят Алашкертские, Эрзерумские, Битлисские, Ванские (Хаккяри), Харпутские и отчасти Диарбекские и Мосульские курды. В числе курдов последних двух вилаетов, курды «заза» отличаются в значительной степени от остальных в оборотах речи, выражениях и отдельных словах. Но в общем, хотя и с трудом, указанные мною выше курды могут объясняться и с ними. Наиболее непонятное для других наречий этой группы – это амадийское, на котором говорят, кроме курдов Бадинан, ещё будто бы часть Сулейманийских курдов. По общему отзыву, книга Жабы не написана достаточно живым языком, и в ней примешано слишком много персидского.

(Л. 105об.) Что касается до отношений курдов к другим, особенно христианским народностям, то здесь, мне кажется, следует принимать в расчёт следующие условия. Общие с другими полудикими народностями их характерные свойства, как сильная склонность к наживе путем грабежа и воровства, невысокая цена в их глазах человеческой жизни, злопамятность и мстительность – влияние на их умственный и нравственный уклад магометанства, и равно влияние на них арабской и турецкой среды (турки весьма часто пытаются толкать другие магометанские народности на избиение, например, христиан, чтобы самим поживиться добром последних и свалить вину на чужие плечи). Но курды имеют неоспоримое преимущество: они безусловно арийской расы и потому вполне способны к восприятию европейской

культуры, что далеко нельзя с такою определённою сказать о турках. Отношения их к христианам, хотя были нередко предметом вполне основательных жалоб, тем не менее, ввиду вышесказанного, имеют сравнительно с турками менее острый характер. Нападая на христианские деревни, они имеют главною целью грабёж. Они одинаково охотно, когда могут рассчитывать на безнаказанность, нападают и на (Л. 106) мусульман. Религиозный фанатизм, хотя и существует в довольно сильной степени (были у курдов случаи возмутительно-го издевательства над христианством), всё же не представляет такую острую форму, как у турок, которые в этом отношении превосходили, пожалуй, все другие мусульманские народности²⁷. Они и не так жестоки, как турки. Правда, что проливать кровь для курдов – вещь столь же лёгкая, как для всякого другого полудикого народа; но курд убивает ради грабежа или мести. Турок же придумывает при этом самые утончённые и возмутительные мучения, истязания и увечья, находя в этом особое наслаждение. Я нисколько не желаю защищать здесь курдов; но, во-первых, всё на свете относительно, а во-вторых, в действиях курдов – и влияние мусульманства, и среды, тогда как у турок всё, что говорится мною про последних, является основною чертою характера, отличительною особенностью монгольской крови. Как только курд становится оседлым, он уже значительно изменяется к лучшему. Равным образом он сильно меняется в своих взглядах и отношениях к среде, в которой ему (Л. 106об.) приходится жить, лишь только он перестаёт быть магометанином. Езиды, например, были всегда предметом большой похвалы со стороны кавказских наших пограничных властей. Все кызыл-баши любят христиан и ненавидят мусульман, которых, когда они могут сделать это безнаказанно, они беспощадно убивают, считая это добрым делом. Если же кызыл-баш не может убить мусульманина, то он, по крайней мере, самым гнусным образом осквернит ему пищу и питье. Есть курдские племена, которые хорошо относятся к христианам в силу сохранённых ими следов христианской веры, как например, курдами Агдже-дага. Перед тем, например, чтобы приготовить хлеб, они делают на тесте крест. При обрезании «кирва́», играющий у курдов ту же роль, что у христиан крёстный отец, и на колени которого, по существующему обычаю, кладется ребенок, должен быть у этих курдов непременно христианин, а личность «кирвы» настолько священна для всего племени, с которым «кирва́» таким путем сроднился, через одного из его членов, что всё племя за него готово собою пожертвовать.

(Л. 107) Что же касается карты с пометою на ней местности, занимаемой курдами, то так как в представляемой мною таблице курды, живущие в Алеппском вилаете, распределены по нахиям, то самым лучшим средством для наглядного указания их расселения по вилаету было бы, конечно, окрасить в особый цвет те нахии, в которых они живут. К сожалению, здесь не оказалось карты, на которой были указаны границы нахий. Такой карты ещё не существуют. Поэтому мне пришлось удовольствоваться на добытой мною для настоящего рапорта и представляемой при сём на благосклонное воззрение Вашего Высокопревосходительства карте обозначением лишь главных центров каз и нахий Алеппского вилаета, в которых живут курдские племена. Те пункты, которые уже были на карте, только подчёркнуты красною краскою, а что касается названий, прибавленных мною, то они красной краской и прописаны. Город Алеппо подчёркнут для уезда Джебель Самана, который находится к северу от Алеппо. По сведениям турецкого ежегодника Алеппского вилаета, протекающая через Алеппо речка Куэк, обозначенная на карте, находится почти вся в пределах этого уезда. Центры нахий отысканы по двум турецким картам, снимки с которых представляются мною при отдельном донесении, а принадлежность их к той или иной нахии проверена путём сличения их с турецким сальнамэ.

Ниже сего имею честь представить все названия этих центров и каз или нахий, к которым они принадлежат:

Алеппо (каза Джебель-Саман); Чобан-бей (нахия Ильбекли); Киллис (центральная нахия Киллис); Кантара (Л. 107об.) (нахия Окджа-Иззеддин); Мамли (нахия Шейхлер); Бурдж (на-

хия Джум); Лохан (нахия Хезек); Уч-Килисе (нахия Кызык); Бейлан (каза Бейлан); Кара-Мурт (нахия Кара-Мурт); Уч килисе (нахия Эвим-агач); Хаджи Али (нахия Текюрлю); Када-Хайдар (нахия Када-Хайдар); Сурудж (каза Сурудж); Арам (нахия Базики); Чардаг (нахия Реши); Кара-кую (нахия Мерземан); Кулагузлу (нахия Надырлу); Уксек (нахия Джамустил); Ени-беян (нахия Харталеб); Ени беян (нахия Енидже-кале); Чёллю (нахия Шекер-Оба); Кочабад (нахия Коч-Абад); Зейтун (центральная нахия Зейтун); Кара-тут (нахия Кара-тут); Алишар (нахия Алишар); Бай-Тимурли (нахия Бай-Тимурли); Фернис (нахия Фернис); Чигильгян (нахия Чигильгян); Ори (нахия Кушджи-джериди); Агджалар (нахия Атмали); Али-бейушагы (нахия Баче-Асманли-Синиминли); Багдин кебир (нахия Этраф-базардик); Йоксюн (нахия Йоксюн); Сельманли (нахия Уфаджикли) и Кара-Исмаил (нахия Муса-бекли). <...>

Консул: *Фон Циммерман*.

(Л. 108–117) ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Таблица оседлых и полuosедлых курдов Алеппского вилаета и санджака Орфа. Эта таблица составлена по данным неизданного ещё труда по Алеппскому вилаету алеппского жителя Шейха Кямиля Гуззи, любезно предоставленным последним Императорскому Консульству в пользование под условием, чтобы, пользуясь этим материалом, не были бы нарушены его права как автора труда, из которого он заимствован, и чтобы эти сведения не печатались для ознакомления широкой публики. Это может быть сделано лишь для ограниченного круга специальных читателей.

(Л. 109) (Первая колонка таблицы «Названия местности в турецкой транскрипции» опущена. Последняя, правая – «Примечания» – приведена ниже. В качестве примера здесь дается только один лист таблицы. – *Авт.*)

Русская транскрипция [названия местности]	Домов	Мужчин	Женщин	Всего
Каза Джебель Саман в Алеппском вилаете				
Башемра	9	17	20	37
Аз-зук-эль-кебир	20	25	47	72
Бурдж-уль-казз	4	8	16	24
Басуфан	17	38	46	84
Бурдж Хайдар	6	9	6	15
Кефер Набо	3	7	5	12
Соганэ	8	16	22	38
Берад	7	13	20	33
Нахия Ильбекли Бабского каза				
Санди	33	69	90	159
Курджи Хуюк	11	22	22	44
Зилиф	10	28	28	56
Казилар	14	34	32	66
Араб гезы	32	40	49	89
Караджа-верен	1	5	11	16
Кара-коз	7	15	9	24
Оджа-кую	8	15	16	31

Русская транскрипция [названия местности]	Домов	Мужчин	Женщин	Всего
Инкилаб	18	33	28	61
Чанакли	5	10	10	20
Бейлербеки	34	61	63	124
Эяша	15	28	40	68
Куз-яши	4	3	12	15
Зогра	2	2	5	7
Хельман	9	13	17	30
Тель-эш-шаир	4	4	7	11
Булдук	2	4	8	12
Кара-Ягуб	3	5	5	10
Кадраили	5	5	11	16
Мукбиле	8	9	17	26
Шубейб	3	6	7	13
Сильсиле	1	2	2	4
Кая-Тюркмен	3	4	5	9
Киллисе	2	2	2	4
Юсуф-бек	2	2	3	5
Люле	1	1	1	2
Баб-Леймун	20	46	51	97
Таш-Кую	23	63	58	121
Мамли	6	18	18	36
Экюз-Эльдюрэн	4	10	4	14
Чортан-Хуюк	26	48	64	112
Испахилар	32	59	48	107
Араб-Чордек	5	10	14	24
Шави	26	47	49	96
Тель-Айше	26	41	54	95
Каб-Верен	1	18	13	31
Калкум	26	61	68	129
Кырк-Мегара	3	5	6	11
Эшекджи	4	5	4	9
Куз-Яшик	4	2	5	7
Боз-Хуюк	2	2	5	7
Зогра	2	2	5	7
Бель-Верен	4	4	7	11
Кара-Кую	5	4	10	14
Эйн-эль-Бейда	2	5	3	8

Русская транскрипция [названия местности]	Домов	Мужчин	Женщин	Всего
Чукур-верен	1	2	2	4
Кара-Ташли	5	5	14	19
Кечели	1	2	4	6
Деве-Хуюк	7	7	11	18
Балтаджик	4	5	3	8
Хаджи-Факли	2	4	2	6
Кендерие	2	2	22	4
Декнек	1	1	5	3
Хуллу-Оглу	3	3	20	8
Эз-зияре	6	23	47	43
Коджарлы	19	48	48	95

<...>

Примечания к таблице

(Л. 109) Каза Джебель Саман (другое название Джебель Леймун). Этот каза не разделён на нахии в турецком сальнамэ. Центральным местом управления служит временно город Алеппо. В этом уезде, по правительственному сальнамэ (альманаху) за 1324 год хиджры, имеется 113 деревень, насчитывающих до 25 060 душ населения обоего пола. Из них всего восемь деревень, имеющих 74 дома и 315 душ жителей обоего пола – курды езиды племени Ширави (شيراوي), говорящие по-курдски и по-арабски (турецкого не знают), занимаются хлебопашеством. Всё остальное население этой каза – магометане.

Каза Баб – нахия Ильбекли. По сведениям Шейха Кямиля, эта нахия сплошь населена курдами того же имени. По таблице в ней 57 деревень с 528 домами и 2152 душами населения обоего пола. По турецкому же сальнамэ в этой нахии насчитывается 87 деревень, т.е. на тридцать деревень более, что, если принять за основание расчёта выведенную мною по данным настоящей таблицы среднюю цифру домов и населения – 24 дома и 119 человек обоего пола на деревню, то это составит разницу в 720 домов и 3570 душ населения обоего пола. Все эти курды – магометане, оседлые, занимаются хлебопашеством. Точно установить, к какой главной группе эти курды принадлежат, не удалось.

Центральная нахия каза Киллис. Эта нахия имеет смешанное население. Курды занимают горные местности, в низменностях живут турки и арабы. Сколько последних, мне не удалось выяснить с точностью. В сальнамэ, которым я пользовался для сличения данных, число их не указано. Курдских же деревень по настоящей таблице восемь, насчитывающих в общем итоге 200 домов и 1100 душ населения обоего пола. Они магометане и (Л. 109об.) принадлежат к племени Иседжанэ (подразделение племени Окджа-Иззеддин). Они оседлые, занимаются хлебопашеством и плодоводством, говорят по-курдски и по-арабски.

Нахия Окджа-Иззеддин того же каза. Эта нахия сплошмя населена курдами племени того же имени, от которых нахия и получила своё название. Число деревень этой нахии, а равно и почти все их названия сходятся к указанным в сальнамэ Алеппского вилаята. Всего в этой нахии 32 деревни, насчитывающих 862 дома и 5176 душ населения обоего пола (по данным настоящей таблицы). Все они оседлые, занимаются хлебопашеством и отчасти овцеводством и плодоводством, по вероисповеданию – магометане, говорят по-курдски и по-арабски.

Нахия Муса-бекли того же уезда помещена в конце таблицы.

Нахия Шейхлер того же каза населена курдами племени Шейханли, или Шейхлер, давшими ей своё название. Она сплошь населена курдами и заключает в себе, по данным таблицы, 50 деревень с 1286 домами и 860 душами населения обоего пола. Все, по заявлению Шейха Кямиля, магометане, занимаются земледелием и плодоводством. В этой нахии по таблице на шесть деревень больше, чем по сальнамэ. Имена деревень схожи с опубликованными в сальнамэ. Говорят они по-курдски и по-арабски.

(Л. 110) Нахия Чум (Джум) того же уезда. По заявлению Шейха Кямиля, она сплошь населена курдами того же имени. В ней по настоящей таблице насчитывается 50 деревень с 934 домами и 9317 душами населения обоего пола. Занимаются, как и курды указанных выше местностей, земледелием и отчасти плодоводством. Говорят по-курдски и по-арабски. Они не ези́ды, а магометане. По сравнению с турецким сальнамэ Алеппского вилаята, в последнем оказывается на 32 деревни больше. Если принять за основание указанные уже выше средние цифры домов и населения на каждую деревню (т.е. 24 дома и 119 человек обоего пола), то это составит разницу на 768 домов и 3806 душ населения обоего пола. Названия, указанные в таблице деревень, совпадают с именами деревень по сальнамэ.

(Л. 110об.) Нахия Хезек каза Айнтаба. Эта нахия сплошь населена курдами того же племени, как и смежная с нею Кызык, получившая своё название по населяющим её курдам. Нахия Хезек состоит из 30 деревень с 1103 домами и населением в 6855 душ обоего пола. Вероисповедания они магометанского, занимаются земледелием и особенно плодоводством (главным образом разведением и сбытом фисташек). Говорят по-курдски и по-арабски. По сальнамэ как число указанных в этой таблице деревень, так и их названия схожи.

Нахия Кызык того же уезда помещена в конце таблицы.

Каза Бейлан Алеппского санджака. Этот каза не разделен на нахии.

Примечания

¹ В.В. фон Циммерман (1854–?) происходил из небогатой дворянской семьи. Отец его, статский советник Владимир Андреевич фон Циммерман, лютеранин по вероисповеданию, был инженером и служил воспитателем в Александровском (Царскосельском) лицее. Семья не владела имениями, приносящими доход. О скромном достатке свидетельствуют также сведения, что В.В. фон Циммерман «ради увеличения дохода стремился совместить службу консула с должностями агента РОПиТ и Добровольческого флота», а также то, что мать его (в девичестве Войцехова-Гусевич, православная), «вдова, жившая на пенсию, ходатайствовала об определении сына в седьмой класс Императорского училища правоведения на казённое содержание». См.: *Смилянская И.М., Горбунова Н.М., Якушев М.М.* Сирия накануне и в период Младотурецкой революции. По материалам консульских донесений. М., 2015. С. 77. После получения среднего образования в Николаевском инженерном училище окончил 3-летний курс Учебного отделения восточных языков Лазаревского института. (Там же. С. 79). В.В. фон Циммерман 15 лет был секретарем-драгоманом в Трабзоне и Эрзеруме, потом два года был вице-консулом в Самсуне, в 1898 г. был назначен консулом в Джидду, а затем в 1907 г. – консулом в Алеппо, где и работал до 1916 г.

² АВПРИ. Ф. 151 Политархив. Оп. 482. Д. 241. Донесение консульства в Алеппо в I Департамент МИД №92 от 29 июня 1913 г. Все приводимые ниже архивные документы взяты из того же дела.

³ Видимо, это книга: *Лерх П.И.* Исследования об иранских курдах и их предках северных халдеях. Кн. 1–3. СПб., 1856–1858. Особенно книга 1-я: Введение и подробное исчисление курдских племен (1856. 121 с.), в которой кратко характеризуются курдские племенные объединения, в том числе «эя-лета Галерб, состоящего из лива Галерб, Орфа, Рукмаллеси, Биреджик, Айнтаб и Киллис»: *шерканлу, шекаки, килиджли и карабейзикли*. С. 83–85.

⁴ См., например, по данным на 1946 г.: М.325.22. “Map showing distribution of Kurds”. Foreign Office Research Department [F.O.R.D.], June 1946. Appears with “The Kurdish Problem”, a paper by

F.O.R.D., 3 August 1946. [FO406/84] // Cambridge Archive Editions. Records of the Kurds. Territory, Revolt and Nationalism 1831-1979 / Ed. by A.L.P. Burdett. Vol. 13: Maps. CAE, 2015.

⁵ См. также: *Аверьянов П.И.* Курды в войнах России с Персией и Турцией в течение XIX столетия. Современное политическое положение турецких, персидских и русских курдов: Исторический очерк. Тифлис, 1900. 515 с.

⁶ АВПРИ. Донесение №52 от 11 апреля 1910 г. (Л. 1–5об.) Л. 4об.

⁷ АВПРИ. Донесение №39 от 24 апреля 1911 г. (Л. 34–45). Л. 45.

⁸ АВПРИ. Донесение №130 от 17 сентября 1910 г. (Л. 14–29). Л. 29.

⁹ АВПРИ. Донесение №59 от 15 марта 1912 г. (Л. 75–88об.) Л. 88.

¹⁰ Там же.

¹¹ См.: *Rabino H.L.* Report of Kurdistan / Confidential. No.13K/Con. Simla: Government Monotype Press, 1911.

¹² *Rabino H.L.* Report of Kurdistan // CAE. Records of the Kurds... Vol. 4: 1900–1914. CAE, 2015. P. 438, 439.

¹³ *Минорский В.Ф.* Курды: Заметки и впечатления (с приложением карты) // Отдельный оттиск из «Известия Министерства Иностранных дел» (Петроград). 1915, № 3. С. 5.

¹⁴ Донесение рукописное; почерк довольно крупный, небрежный, с легким обратным наклоном. Содержит поздние карандашные пометки – видимо, часть материала собирались использовать для практической работы. В начале надписано синим карандашом: «Приготовлялось для “Матер. по Востоку”, но необходимо исключить устарелые теории. (Подпись) Приложить пакет с переписи деревень».

¹⁵ Вставка карандашом: «прил[ожение] лит[ера] А».

¹⁶ Возле абзаца надписано синим карандашом: «см. В. Минорский. Курды. Изв. Мин. Ин. Дел, 1915».

¹⁷ Правильнее: *Chodzko, Aleksander.* Études philologiques sur la langue kurde (dialecte de Soléimanié) // *Journal asiatique*, série V, t. IX, 1857. (572 p.) P. 297–356. Или отдельный оттиск того же года издания (60 с.).

¹⁸ Карандашом: «Это к с[еверу] от Сулеймание, см. рис.»

¹⁹ Карандашом: «Карачоалан».

²⁰ В названии – чьи-то исправления.

²¹ Здесь и ниже – некоторые имена собственные подчеркнуты в документе.

²² Слово *каза* (قضاء) – мужского рода и в документе не склоняется; иногда употребляется синоним – уезд.

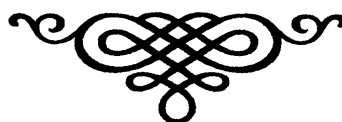
²³ Здесь и ниже – зачеркнуто карандашом в документе.

²⁴ Иммигрантский характер курдской общины г. Алеппо подтверждают и другие учёные: «Начиная с XIX в. в Алеппо также был курдский квартал, население которого поддерживалось постоянным прибытием иммигрантов из Курд-Дага и Джазиры или торговыми обменах между Алеппо и сельскими районами к северо-востоку». См.: *Tejel, Jordi.* Syria's Kurds: History, Politics and Society (Routledge Advances in Middle East and Islamic Studies). London, New York: Routledge, 2009. (189 p.) P. 11.

²⁵ В этом абзаце слова «нахия» зачеркнуты и заменены на «волость», а «каза» – на «уезд».

²⁶ На полях документа тут карандашом стоит скобка, и отсюда идет лёгкое вертикальное зачёркивание карандашом на протяжении нескольких листов.

²⁷ В документе сноски: «При этом они часто пользуются случаями показать свой фанатизм не столько из религиозного убеждения, сколько с целью заслужить похвалу и милость каких-либо влиятельных турок».

Т.А. Филиппова

ОБРАЗ ТУРЦИИ В РУССКОЙ ЖУРНАЛЬНОЙ САТИРЕ 1917–1918 ГОДОВ

Русская сатирическая журналистика эпохи Великой российской революции как историко-документальный источник – явление уникальное для отечественной культуры и общественной мысли. В лице своих наиболее профессиональных, стабильно выходивших изданий («Стрекоза», «Новый Сатирикон», «Шут», «Будильник», «Бич», «Бомба», «Пугач», «Забияка», «Кривое зеркало», «Пулемёт» и др.) она прочитывается как своеобразная «летопись» революционных событий, ироничная до сарказма «автобиография» российского общества эпохи небывалых перемен.

По сравнению с другими документальными свидетельствами того времени этот сегмент историко-культурного наследия всё ещё ждёт своего комплексного изучения. В особенности визуальные источники – карикатура и сатирический рисунок, воссоздающие для современного читателя наиболее яркую, гротескно заострённую версию революционных событий 1917–1918 годов. Подступы к исследованию образов тех или иных «врагов» и «политических соперников», унаследованные российской сатирой из эпохи Первой мировой войны, были намечены автором в ряде недавних работ¹; в данной публикации прослеживается их развитие в ходе «красной смуты»².

Фронтальный источниковый анализ комплектов отечественных сатирических журналов за 1917–1918 годы, отложившихся в российских и зарубежных хранилищах, свидетельствует: события Великой российской революции имели в глазах сатириков – журналистов, писателей, художников-карикатуристов и поэтов – своё «восточное измерение». При этом «векторы» этого «измерения» имели два направления – «внешнее» и «внутреннее». И если образы «внешнего» Востока центрировались, главным образом, темой «турка» и Турции как открытого про-

тивника военного времени (и в гораздо меньшей степени – образами Японии и Китая), то обобщённый «Восток» – в негативно-метафорической трактовке представал как символ «азиатчины», окрасившей своей архаикой политическую культуру общества, переживавшего революционный кризис.

Важно подчеркнуть, *чего не было* в тогдашней русской журнальной сатире и что выгодно отличало её от многочисленных образцов иностранной сатиры военного времени. В абсолютном большинстве своих работ отечественным авторам был чужд расовый подход в продвижении образа Врага. Как правило, противник («турок») представал в работах сатириков враждебным не по «крови» и «происхождению», а по недостойному воина поведению в бою, из-за жестокого отношения к пленным, раненым, мирным жителям. Столь же чуждым для сатириков этого круга изданий было глумление над верой неприятеля. Религиозная тема, священные символы чужой религии никогда не становились объектом критики и насмешки.

Впрочем, революционные события 1917–1918 годов в России существенно изменили основной ракурс взгляда российских сатириков на Турцию и «турка» как объект интереса и критики³. Общим фоном здесь отныне становятся события внутри собственной страны, где военное ожесточение и экономический кризис всё активнее провоцировали политические раздоры, социальную вражду и настроения экстремизма. Образ «турка» лишь на время (зима 1917 года) отойдёт на второй план в общем репертуаре объектов сатирического интереса, чтобы на короткое, но эпохальное время (весна 1917 – лето 1918 года) вновь появиться на страницах сатирических изданий старой России, с трудом сумевших уцелеть в неблагоприятных (мягко говоря) обстоятельствах «красной смуты». Актуальным контекстом для

временного возрождения этого исчезающего образа вражды/сочувствия станет крах старых имперских режимов Европы и Азии в ходе Великой войны, часто трактуемой как «война наций и империй».

Меж тем на фоне революционных событий начала 1917 г. позиционное затишье на Кавказском фронте сменилось Месопотамским наступлением генерала Юденича. Прекращение наступления и отстранение генерала от командования войсками Кавказского фронта (из-за конфликта с Временным правительством) существенно изменили здесь всю картину военных действий. А заодно – и расклад политических сил, спутывая карты и противникам, и союзникам России. Новый главнокомандующий М.А. Пржевальский переходит к тактике обороны. Одновременно изменяются и тематические приоритеты отечественной сатиры. Главным мотивом становится предостережение общности судеб отживших свой век империй, близящийся и, как показала история, схожий финал старых режимов.

В одном из весенних номеров журнала «Бич» 1917 г., когда судьба Дома Романовых была уже предопределена временем, находим примечательный рисунок. На символическом корабле, готовом уйти в историческое небытие, собралась толпа «бывших» – монархов, среди которых, наряду с Николаем II, выделяется своей феской с полумесяцем дряхлый турок – бледная тень правителей некогда грозного Дома Османов. Все они только и ждут, когда по трапу на корабль поднимется сам Вильгельм Гогенцоллерн⁴...

Не менее знаковой воспринимается и карикатура под названием «Четвёртый партнёр» в одном из мартовских номеров «Нового Сатирикона». В ней средствами сатиры подводится драматический итог эпохе старых режимов, сгоревших (или догорающих) в пламени Первой мировой. Троица «бывших» – персидский шах, турецкий султан и португальский король – со злорадными усмешками встречают появление «нового партнёра», Николая Романова. В одной руке он жестом попрошайки держит корону, а в

другой у него жалкий чемоданчик да поводок, на котором отставной российский самодержец ведёт горько рыдающего ошипанного двуглавого орла без крыльев⁵...

Рис. 1. Новый Сатирикон, 1917. № 11. С. 4.

Тогда же, весной и летом 1917 г., на фоне дискуссий в российской печати о возможности заключения мира сатирики обращаются к теме предполагаемой реакции противников России на перспективу переговоров о перемирии. В этом смысле Турция видится главным кандидатом на первоочередной выход из войны. Понятно, что препятствием к этому виделась позиция «заклятого друга» турок – Германии. В «Новом Сатириконе» находим примечательную карикатуру: трое турок за кальяном (лишь один из них – военный) уныло обсуждают актуальную политическую ситуацию:

«Магомет: – Противно читать о русских... Столько времени говорят о сепаратном мире, спорят, волнуются... Противно прямо...

– Ещё бы не противно...

– Конечно. Предложи нам – да разве бы мы разговаривать стали? В три дня подписали бы...»⁶.

Как отклик на волнения в Стамбуле по причине углубления внутреннего кризиса в стране журнал публикует сатирический рисунок с изображением экзекуции – порки с «законодательным» подтекстом, что возвращает нас на новом витке развития темы к сюжетам о «правопорядке», установленном репрессивным младотурецким режимом в своей стране⁷. На карикатуре под названием «Единственное утешение» видим, как палач увещевает свою орущую жертву:

«— Молчи, негодяй, я секу тебя по приговору многолюднейшего собрания правоверных Стамбула...

– Бей. Но у меня всё-таки есть единственное утешение, что резолюция прошла незначительным большинством голосов...»⁸.

Концентрация сатирических символов и многозначительных метафор в трагикомическом восприятии войны и мира достигала тогда особой «густоты», как это, впрочем, и типично для эпохи революций, когда уже ничто не слишком. На обложке одного из последних номеров «Нового Сатирикона» (июнь 1918 г.), когда Брест-Литовское перемирие уже вывело Россию из войны империалистической и ввергло её в войну гражданскую, находим последний рисунок, в котором присутствует образ «турка» в сатирической журналистике той эпохи. Огромный «германец» запихивает в свой мешок народы мира – жертвы его агрессивных устремлений. Рядом с ним тощий турок, поглядывая на союзника снизу вверх, тоже пытается костлявыми ручками запихнуть народы своей расползающейся державы обратно в свой мешок. А где-то внизу, у их ног, бравый красноармеец отстреливает несчастных «мешочников», борясь с «контрреволюцией и саботажем». Подпись под карикатурой язвительна, поясняя, что новая российская власть воюет с собственным народом, отказавшись от борьбы с настоящим злом – внешним противником: «Маленькие мешочники, с которыми власть воюет, и БОЛЬШИЕ МЕШОЧНИКИ, с которыми власть не воюет»⁹.

В целом же образ Турции к концу войны становится всё менее значимым как образ

актуального врага, часто становясь лишь поводом для внутренней рефлексии на российские темы. Черты старости, дряхлости, изнурения, нагнетающиеся в образе турка в ту пору, конечно же, отражают не только (и не столько) «изношенность» османского могущества, окончательно разрушенного в боях Великой войны. За этими символами видится, на наш взгляд, возраст вражды, связавшей когда-то судьбы двух государств и народов, но вражды дряхлеющей, изживающей себя на фоне понимания общности внутренних проблем.

Военно-политические обстоятельства этой журнальной рефлексии на тему Турции и «турка» были трагичны для обоих участников кровавых событий на Кавказском фронте. «В марте 1918 года остатки русской и её наследницы армянской армии окончательно покинули турецкую землю, – писал в своих воспоминаниях полковник русской армии А.К. Шнеур. – Все усилия и победы в тяжёлой войне были сразу сведены к нулю. Обессиленная, разбитая русскими Турция сама протягивала руку мира, поднялась, как больная после тяжёлой болезни, и, спотыкаясь, еле переставляя ноги, поплелась к границе...»¹⁰.

Нагнетание и преодоление «языка вражды» в отношении «турка» и Турции, волнообразно происходившие в русской журнальной сатире начала XX века, в ходе революционных событий 1917–1918 гг. перейдут в стадию размытия этого образа как культурного факта и как воплощения традиционных символов «Врага с Востока». Советский этап «переиздания» соответствующих образов, подогретый бурными послереволюционными событиями в Закавказье, будет иметь свои особенности и векторы развития. Но в своём эмигрантском «зазеркалье» российская культурная традиция восприятия реального турка переживёт примечательную эволюцию – от ненависти к взаимности, переходящей в симпатию¹¹.

Этот феномен можно объяснить общими для двух народов проблемами срыва модернизации, общими бедами из-за расцвета «агрессивных национализмов», губительными

социальными катастрофами военного времени, политическим эгоизмом союзников и т.д.¹² А можно обратиться и к очень личному восприятию современником этого русско-турецкого парадокса – своего рода посттравматической взаимной симпатии русских и турок, случившейся в послевоенном Стамбуле, так и не ставшем Константинополем. На какое-то время в совместной истории соседей-соперников остались лишь «два больных человека», как описывал их Василий Шульгин: «Турция, давно заболевшая, и Россия, недавно тяжело занемогшая...»¹³. Сами же «реальные» турки, проигравшие войну, стали своего рода друзьями по несчастью.

Исследованные материалы убедительно свидетельствуют: сатира как способ освоения и усвоения опыта Мировой войны и Революции 1917 года даёт ключ к постижению жестокой реальности эпохи, приоткрывая загадки внутреннего мира творческой личности перед лицом небывалых испытаний. Созданные сатириками образы «Востока» проясняют истоки стереотипов и мифов, подчас бытующих в общественной мысли и массовых представлениях. В этом смысле творчество отечественных сатириков восстанавливает для нас часть автобиографии России в период величайшего кризиса в её истории, демонстрируя яркие образцы жанрового творчества и ценный опыт внутри- и внешнеполитической аналитики в «восточном» направлении.

Приложение

ИСТОРИЯ ОЛЕГОВА ЩИТА

Публикация сатирического рассказа-фельетона «История Олегова щита» (автор – ведущий сотрудник издания, писатель Аркадий Бухов) в одном из последних номеров журнала «Новый Сатирикон» (1918, № 6. С. 2–3) символическим образом подводит итог вековым грёзам российских властей о завоевании Константинополя и «водружении креста на Святую Софию». «Финалистские» настроения этого сатирического тек-

ста имели двойной смысл. Они констатировали, во-первых, исчезновение, по сути, к концу Первой мировой войны и началу Великой революции в России образа «турка» в роли многовекового геополитического противника России на мировой арене, и, во-вторых, полный провал стремления прежних режимов (будь то российского самодержавия или Временного правительства) эффективно вести свой внешнеполитический курс. «Либеральное имперство» кадетов в «восточном ракурсе» их недолгой государственной политики с горечью трактовалось новосатириконовцами как один из признаков роковой неспособности решать как внешние, так и внутренние проблемы страны, переживавшей острейший революционный кризис.

Пока у Олега не было щита, не было и заботы о том, куда бы его прибить. Но судьба играет человеком, и в одно несчастное древнеславянское утро Олег, сам того не замечая, к глубокому унынию ближайших родственников, очутился со щитом.

– Братцы, – виновато сказал он, разведя руками, – что же это? Что же это? Что я теперь с ним делать буду?

А щит лежал одиноко и сурово, как вещественное доказательство славянской силы и могущества, и требовал, чтобы его прибили к подходящему месту.

– Прибей, – настаивали родственники.

– И прибью, – согласился Олег.

На семейном совете стали совместно придумывать место. Олег долго упрямился, чтобы его отпустили недели на две прибивать щит в одну соседнюю деревушку на сваях, где жила одна интересная славянка с большими национальными скифскими задатками.

– Прибью и приеду, – уговаривал Олег. – Ещё римляне говорили: без щита или совсем не надо. И никому от него, проклятого, покоя не будет. Щит – не собака, с гвоздя не сорвётся.

Быть может, родственники и согласились бы на это, тем более что щитишко был обыкновенный, облупленный и никто на него не зарился, но среди них оказался один

пьяный богатырь, который решительно потребовал, чтобы щит был прибит к воротам Царьграда.

До прибытия варягов славяне природным умом не отличались, и спорить с пьяным человеком было некому.

– Город как город, и ворота хорошие, – согласились родственники, – всякому щиту лестно.

Хорошо ещё, что в то время не было Парижа, иначе Олегу пришлось бы со щитом и с загранчным паспортом ехать туда прибавать щит к воротам, а Пушкин волей-неволей должен был бы написать:

– Вот едет в экспрессе Олег наш в Париж,

С ним щит в небольшом чемодане...

Но народ тогда был нетребовательный, и на Царьграде все помирились.

– Нашли дело... – проворчал Олег. – Пристроили мальчика... Езди теперь со щитом, прибавай его...

С этого момента задачей, и при том неотложной, каждого славянина сделалось прибавление к царьградским воротам Олегова щита.

Турки быстро примирились с этим решением и, перестраивая и украшая царьградские ворота, всегда оставляли одно место пустым. Иностранцы очень удивлялись.

– Что это у вас, кирпича либо извёстки не хватило, что ли?

– Не полагается сюда ничего. Здесь русские прибавать щит будут.

– Когда ещё?

– Их дело когда, а прибить – прибьют. Настойчивый народ. О них даже в учебниках сказано: глаза у них голубые, волосы русые и характер – упрямый. Решили прибить – и кончено.

И действительно, не было ни одной власти в России, которая бы не стояла с гвоздём в зубах, с молотком в одной руке и со щитом в другой, готовая сразу начать забивать его. Для тех славян, которые не могли непосредственно принимать в этом участие, во всех увеселительных местах были выставлены турки, сохранившиеся ещё до сих пор: за три копейки можно было

бить турка по голове, а стрелка показывает, сколько пудов весит удар. Это был один из самых простейших видов русского устремления на Ближний Восток.

Поняв, наконец, что славянское желание насчёт щита и ворот непреодолимо, как флюс, европейские дипломаты решили прийти России на помощь. Русского посла в Царьграде поселили около самых ворот, чтобы он по утрам мог непосредственно на месте вымерять большим аришном необходимое место на воротах, а сами, покорно вздохнув, занялись организацией торговли, проведением дорог и вооружением Турции.

– Ну как со щитом-то? – изредка спрашивали они у русского дипломата. – Меряете?

– Через две недели всему конец, – радостно отзывался тот, – только пыль с него стряхнуть осталось... Не извольте беспокоиться, если молотком стучать будем.

– Будьте любезны. Может, помочь прикажете?

И помогли приколачивать Олегов щит европейцы образцово. Едва только прямые наследники Олега пошевеливали весёлым щитом, как европейские дипломаты всячески старались успокоить турок, чтобы они не волновались. Им дарили броненосцы, инструкторов, оружие, устраивали займы. И странно – чем больше их успокаивали такими подарками, тем труднее становилось прибить щит.

Славянская пресса, у которой от прадедов не осталось ни голубых глаз, ни русых волос, а одно только упрямство, уже начала подумывать о том, не лучше ли будет, если турки сами принесут свои ворота и у нас, на месте, прибьют их к щиту.

Турки упорно не несли ворот.

– Восточная лень, – определяла славянская пресса. – Персы – те бойчее. Им дай семь рублей и Станислава, они тебе все свои плоскогорья и возвышенности в Тамбовскую губернию принесут.

Наконец, в самое последнее время заботу о щите взял на себя Милюков. Это был самый упрямый славянин последнего столетия, и ежегодно он уезжал по делам в

Царьград, чтобы привыкнуть к тамошним воротам.

Турки пели незамысловатую песенку – «Как у наших у ворот...» – и молчали. Милуков же пил и спал на щите, пока, наконец, в один прекрасный день, проснувшись, не почувствовал себя вне закона.

– Все законы писать, если их не исполнять, – правильно понял Милуков и уехал на юг. Эта поездка даже самыми нетактичными газетами не была названа увеселительной.

А по улицам уже бежали газетчики и радостно делились со славянами очередной новостью.

– Последние известия... Телеграмма Карахана – уступлен туркам Кардахан...

Славяне принимали это известие двояко. Одни уверяли, что по отчёту Карахана уступлен Кардахан, другие, наоборот, утверждали, что известие прислал Кардахан, а уступлен Карахан. Никто по этому поводу не выражал ни горя, ни радости.

Щит остался не прибитым.

Аркадий Бухов

Примечания

¹ Филиппова Т.А. «Враг с Востока». Образы и риторика вражды в русской сатирической журналистике начала XX века. М.: АИРО-XXI, 2012; Баратов П.Н., Филиппова Т.А. «Враги России». Образы и риторика вражды в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. М.: АИРО-XXI, 2014; Филиппова Т.А. «Больной человек» в эпоху войн и революций. Образ Турции в русской журнальной сатире. 1914–1918. М. – СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2016.

² Месяцы между февралём и октябрём 1917-го – по контрасту с прежней эпохой – дают настоящий взрыв свободы журналистского самовыражения. С принятием 27 апреля 1917 г.

Закона о печати издания любых политических направлений могли в России издаваться беспрепятственно. Появляются (увы, ненадолго) и новые, яркие сатирические журналы, среди которых своей остротой и задором особо выделялся «Пугач». С лета 1918 г. жёсткий курс новой власти приводит к исчезновению и самого предмета данного исследования – сатирической журналистики старой России.

³ См. начало данной темы в статье: Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. По материалам журнала «Новый Сатирик» // Восточный архив. 2014, № 1 (29). С. 40–46.

⁴ Бич. 1917, № 23. С. 11.

⁵ Новый Сатирик. 1917, № 11. С. 4.

⁶ Новый Сатирик. 1917, № 23. С. 9.

⁷ См: Филиппова Т.А. Кавказский фронт в русской журнальной сатире эпохи Первой мировой войны. С. 41.

⁸ Новый Сатирик. 1917, № 24. С. 12.

⁹ Новый Сатирик. 1918, № 12. Обложка.

¹⁰ Цит. по: Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида // Родина. 1993, № 8–9. С. 96.

¹¹ Одно из объяснений этого феномена давал итальянский наблюдатель П. Пагануцци, отмечавший тот факт, что русская армия препятствовала «эксцессам» ответной мести – расправе армян с турками, а сами «русские гуманно и справедливо относились к пленным, раненым и местному турецкому населению» (Пагануцци П. Император Николай II – спаситель сотен тысяч армян от турецкого геноцида. С. 96).

¹² На эту тему см.: Петросян Ю.А. Османская империя: могущество и гибель. М., 1990; Петросян И.Е., Петросян Ю.А. Османская империя. Реформы и реформаторы (конец XVIII – начало XX века). М., 1993; Россия, Запад и мусульманский Восток в новое время. СПб., 1994; Шеремет В.И. Война и бизнес. М., 1996. Иванов С.М. Россия и Турция (общее и особенное в историческом развитии в эпоху средневековья и новое время). 2000. <http://window.edu.ru/resource/480/38480>

¹² Цит. по: Из дневника Василия Шульгина // Родина. 1998, № 5–6. С. 128.

А.Д. Васильев

М.В. ФРУНЗЕ О ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИТУАЦИИ ВОКРУГ ЭКСПОРТА РЕВОЛЮЦИИ В БУХАРУ

Советско-бухарские отношения 1917–1920 гг. неоднократно освещались в публикациях российских и советских авторов¹, однако, противоречивая и многогранная политика РСФСР на Востоке продолжает привлекать внимание исследователей. Можно сказать, что сложились и основные подходы к описанию событий столетней давности, определяющие трактовку используемых в исследованиях источников и их подборку. Несомненно, что большевики считали Бухарский эмират и Хивинское ханство теми государственными образованиями, которые препятствовали успешному проведению политики РСФСР как в центральноазиатском регионе, так и на всём «мусульманском Востоке».

В этой связи подготовка военных действий против Бухары была лишь вопросом времени. Военная операция по захвату эмирата была задумана М.В. Фрунзе и, вероятно, спланирована под его руководством «военспецом» П.В. Благовещенским, с апреля по сентябрь 1920 г. исполнявшим должность начштаба Туркестанского фронта, а в сентябре–ноябре – зам. командующего фронтом². В Российском государственном военном архиве хранится ряд записок М.В. Фрунзе, адресованных советскому руководству (прежде всего – В.И. Ленину и С.С. Каменеву), которые освещают его взгляды на подготовку боевых действий против Бухары³.

Некоторые материалы привлекали внимание и цитировались⁴. По мнению В.Л. Гениса, посвятившего ряд своих работ истории экспорта революции в Персию и Бухару, именно М.В. Фрунзе был выразителем общей точки зрения членов Турккомиссии о допустимости и желательности насильственной советизации Бухары⁵. Вместе с тем необходимо отметить, что у советских дипломатических кругов в Москве и «видней-

ших» работников на местах существовало серьёзное расхождение во взглядах на внешнюю политику РСФСР на Востоке. Практическая реализация установки на распространение мировой революции, особенно в регионах, где имелись британские интересы, зачастую шла параллельно с дипломатическим торгом Москвы и Лондона.

В этой связи приводимые документы интересны, кроме уже упомянутых выше сведений, тем, что М.В. Фрунзе оценивает положение в Бухаре ещё и с точки зрения военно-политической ситуации в мусульманском мире, увязывая исход бухарской операции с успешным развитием советской политики в Персии, Турции, Афганистане и с положением в Синьцзяне.

Накануне советизации Бухары в указанных регионах разворачивались чрезвычайно важные события с точки зрения советских руководителей Туркестана. 18 мая 1920 г. в персидском порту Энзели был высажен советский десант под предлогом возвращения судов бывшей деникинской Каспийской флотилии. Командовавший десантом Ф.Ф. Раскольников переименовал десант в Экспедиционный корпус и с разрешения Москвы попытался, объединившись с лидером дженгелийцев Мирзой Кучек-ханом, развернуть революцию в Персии и изгнать оттуда англичан⁶. Первоначально действия Экспедиционного корпуса шли весьма успешно, и это давало надежду на противодействие Англии и советизацию Персии.

В это же время летом 1920 г. в Москве шли активные переговоры с турецкой делегацией о заключении советско-турецкого договора, а также о предоставлении военно-технической и финансовой помощи Анкаре. Активные выступления части распропагандированных турецких аскеров из числа военнопленных, деятельность турецких ком-

мунистов в России, стихийные выступления турецких крестьян против иностранной интервенции и ободряющие рапорты первого советского представителя в Анкаре Я.Я. Упмал-Ангарского⁷ могли создать видимость того, что в Анатолии также есть кое-какие предпосылки для установления советской власти или сочувствия к её идеям.

Из документов видно, что значение Турции учитывалось, однако М.В. Фрунзе был склонен несколько переоценивать его. Из текста не совсем ясно, кого М.В. Фрунзе подразумевал под собирательным названием «Турция» – созданное в апреле 1920 г. правительство Мустафы Кемаля или же султанское правительство в Стамбуле. Можно, однако, предположить, что Джемаль-паша, по крайней мере, в общих чертах ознакомил М.В. Фрунзе с военно-политической ситуацией в стране. Видимо, учитывая экономическую разруху и двоевластие в Турции, ни одна из турецких политических сил серьёзно повлиять на советские планы в отношении Бухары не могла.

Идея переноса мировой революции на территорию Индии ради борьбы с Англией вынуждала советское правительство более внимательно отнестись к установлению отношений с Афганистаном. Эта идея сближала большевиков с младотурками, которые в 1914–1915 гг. под руководством германских офицеров пытались втянуть Афганистан в Первую мировую войну и поднять антибританское восстание в Индии⁸. Джемаль-паша, прибывший весной 1920 г. в Советскую Россию и предложивший советскому правительству возобновить уже знакомый младотуркам план⁹, оказался очень кстати. Как видно из приводимых документов, ему отводилась важная политико-дипломатическая роль в сценарии советизации Бухары, учитывая тесные бухарско-афганские связи и планы афганского эмира Амануллы объединить Бухарский эмират и Афганистан. Фрунзе полагал, что миссия Джемалья в Кабул будет своего рода дипломатической заветосой, которая помешала бы Аманулле оказать действенную помощь бухарскому эмиру Сеиду Алим-хану и сместила бы вектор

афганской экспансии на юг, в направлении Индии. Джемаль-паша, вольно или невольно, должен был способствовать обеспечению невмешательства Афганистана в момент советского вторжения.

Упоминание в документах деятельности «белогвардейского центра в Кульдже» интересно тем, что советские руководители рассматривали ситуацию в Бухарском эмирате в контексте исторически сложившихся культурных и политических связей с другими регионами Центральной Азии. Население Синьцзяна вело активную торговлю с городами на территории Бухары и Туркестанского края. Кроме того, в конце XIX – начале XX века в Синьцзяне существовало и активно действовало российское диппредставительство. Весной 1920 г. на территорию Синьцзяна перешли крупные отряды разбитой армии Колчака под командованием А.И. Дутова, Б.В. Анненкова, А.С. Бакича. Уже к зиме 1920/1921 гг. они сумели восстановить боеспособность и перешли к активным действиям в приграничной полосе¹⁰. Кульджа, в которой сосредоточилось, по всей видимости, большинство русских Синьцзяна, стала белогвардейской базой для будущих антисоветских действий.

Интересна и та часть документов, в которой упоминается советский партийный деятель Т. Рыскулов и его соратники. Т. Рыскулов являлся активным участником государственного строительства в Туркестане, будучи, к тому же, одним из немногих образованных и владевших русским языком местных кадров. Однако его радикальная революционность, призывы отозвать из Туркестана всех коммунистов, «заражённых колонизаторством», и опираться исключительно на местные кадры не нашли поддержки у членов Турккомиссии. Более того, выполнение его призывов оказалось невозможным, так как привело бы к полному коллапсу советской политики в регионе¹¹.

Последний документ – записка М.В. Фрунзе главному вооружённым силам РСФСР С.С. Каменеву, которая в обобщённом виде передает основные тезисы его док-

лада В.И. Ленину. По-видимому, дружеские отношения Каменева и Фрунзе позволяли последнему писать достаточно откровенно и неформально. Записка является, видимо, завуалированной попыткой с помощью авторитета С.С. Каменева повлиять на решение Реввоенсовета Республики.

Однако можно утверждать, что оценки перспектив сопротивления местного населения новой власти, политическая лояльность и работоспособность «карманного» правительства бухарских коммунистов не соответствовали ожиданиям советского руководства. Басмаческое движение, которое после захвата Бухары развернулось особенно активно, отчётливо высветило эти стратегические просчеты.

Приведённые ниже документы ранее не публиковались и представляют безусловный интерес для изучения советской политики на Востоке. В них отражена идея экспорта революции в Бухару с учетом внешне- и внутривосточных факторов. «Между строк» документов читатель может увидеть борьбу идей и стратегий проведения новой внешней политики на Востоке, которые существовали среди различных «групп влияния» в советском руководстве, участвовавших в планировании и осуществлении революционных преобразований на Востоке.

I.

Шифром. Москва.

**Реввоенсовет Республики,
копия по месту нахождения,
копия Наркоминотдел, копия т. Ленину.
О времени передачи доложить**

Настоящим докладываю о положении дел в Бухаре. За последние месяцы выявилось определённо враждебное отношение к нам Бухарского правительства. Не прекращающиеся военные приготовления, интрига в наших областях, военное соглашение с Афганистаном, ярая агитация Бухарского духовенства, стеснение наших закупок и, наконец, нападения и убийства отдельных представителей советской власти определённо свидетельствуют об этом. Атмосфера,

особенно ставшая напряжённой неделю тому назад в связи с убийством бухарскими чиновниками военлётчика Шпака¹², ныне внешне несколько разрядилась. По существу же ничто не изменилось и на днях издано воззвание, призывающее правоверных готовиться к войне с нами. Дальнейшее существование эмирата связывает нас по рукам и ногам и в нашей внешней политике, делая не обеспеченным ближайший тыл, и в нашем внутреннем строительстве в Туркестане, окрыляя контрреволюционными надеждами националистические и улемистские элементы края. Ревсовет фронта¹³ в согласии с Турккомиссией¹⁴ и краевыми органами стоит на точке зрения необходимости разрешения означенного вопроса в самом ближайшем будущем. Существующая ныне в Туркестане военная и политическая обстановка позволяет поставить его в порядок ближайшего дня. Все соответствующие политические мероприятия проведены: первое – заканчивается формирование отряда Красной Армии в тысячу двести человек трёх родов оружия; второе – сделано всё возможное в направлении усиления революционной деятельности на местах; третье – тщательно разработана общая программа деятельности будущего бухарского Советского правительства и программа его ближайших мероприятий; четвертое – намечен состав правительства¹⁵ и начато конструирование ряда наиболее важных органов; пятое – выработаны проекты воззваний и ближайших декретов правительства и прочее. Ликвидация эмирата должна произойти под флагом внутреннего революционного взрыва, но, конечно, решающим фактором явится участие наших войск. Соответствующий военный план разработан и рассчитан на участие главным образом мусчастей¹⁶. В случае положительного указания центра примерно около 20 августа могли бы разыгаться решающие события¹⁷. В смысле международных осложнений на Востоке настоящий момент вполне благоприятен. Из беседы с Джемаль-пашой видно, что ликвидация эмирата со стороны Турции не встретит никаких возражений¹⁸; что же касается Афгани-

стана, то в данный момент, как это явствует из перехваченного нами личного письма Амануллы-хана к Бухарскому эмиру, Бухара на военную помощь Афганистана рассчитывать не может, ибо он занят внутренними и внешними осложнениями у себя¹⁹. Недовольство у афганских руководящих сфер будет, но оно компенсируется, с одной стороны, сознанием несомненности нашей силы, а с другой – крушением всяких надежд на расширение в северном направлении и обращением взоров на юг. Неминуемое развёртывание событий огромного политического значения в Персии и Турции²⁰ требует особенной обеспеченности ближайшего тыла Туркфронта. Во внимание изложенному представляется целесообразным немедленное разрешение бухарской проблемы. Так как вопрос вытекает далеко за рамки чисто местных интересов и имеет большое принципиальное значение, Ревсовет фронта ожидает соответствующего руководящего указания центра. № 264.

КОМАНТФРОНТОМ – Фрунзе,
ЧЛЕН РЕВВОЕНСОВЕТА ТУРКФРОН
ТА – Куйбышев, Ибрагимов.

По прямому проводу

Российский государственный военный архив (далее РГВА). Ф. 32392. Оп. 1. Д. 145. Л. 42–43.

II.

Шифром. О времени передачи доложить.
Москва. Предсовобороны тов. Ленину

В дополнение моей телеграммы за № 264 сообщаю: в отношении Бухары мыслимы две линии поведения. Первое: надежда на развитие внутреннего революционного процесса в стране и ожидание этого момента. Второе: организация революции за счёт сил извне. На основании довольно основательного знакомства с работой бухарских революционеров, как коммунистов, так и демократов²¹, утверждаю определённо, что процесс внутреннего революционного движения совершается крайне медленно и может дать, если только вообще даст, результаты лишь в отдалённом будущем. Сти-

хийное недовольство эмиром в широких народных низах существует несомненно, но организованности нет никакой, и в связи с общей рабской психологией низов в открытое движение самостоятельно вылиться не может. Если считать необходимой скорейшую ликвидацию эмирата (в этом, я полагаю, разных взглядов быть не может), то остаётся второй путь, то есть организация революции путём непосредственного участия наших сил. Ревсовет фронта и Турккомиссия в общем и целом стояли на второй точке зрения, делая в то же время всё возможное по части развития внутреннего процесса. С политической стороны как будто бы настоящий момент благоприятен, ибо определяющая политическое настроение Востока страна – Турция – устами Джемаль-паши определённо заявляет, что иного выхода из положения нет²². Афганистану будет, конечно, неприятно, но я уверен, что в конечном итоге превращение Бухары в независимую Советскую Республику благотворительно отразится на выпрямлении линии поведения Афганистана в сторону актуальности не в северном, а в южном направлении, о чём особенно позаботится Турецкая делегация²³. С военной точки зрения момент, несомненно, благоприятен, ибо я располагаю возможностью за счёт ослабления других участков фронта нанести быстрый и решительный удар. А в ближайшем будущем обстановка в связи с усиленной работой белогвардейцев в Кульдже²⁴, организующих мусульманский повстанческий центр, и осложнениями в Персии²⁵ может измениться в худшую сторону. Если Персидско-турецкое направление должно стать решающим, а мне лично это кажется так, то с Бухарой надо кончать. Оставление её в тылу всегда будет связываться с необходимостью раздвоения нашего внимания и ослабления сил. Опасности завязнуть в Бухаре, мне кажется, особой нет. Во всяком случае, для поддержания Советской Бухары нам не понадобится более сил, чем приходится тратить ныне. В случае вашего положительного отношения к поставленному вопросу очень прошу сделать распоряжение о срочной организации специ-

ального маршрута для Бухары с мануфактурой, посудой и прочее – это будет иметь колоссальное значение для закрепления положения новой власти, и для этого следует, хотя бы в ущерб себе, пойти Бухаре навстречу. В дальнейшем, полагаю, необходимо включение Бухары в наш снабженческий план. Дела Советского Туркестана после реорганизации нами Крайкома и отвода Рыскулова²⁶ обнаруживают несомненную тенденцию к улучшению. Вопрос становится на чисто деловой почве без примеси прежнего политиканства. Отвод Рыскулова не вызвал решительно никакого отклика, чем наглядно подтвердилась полная оторванность его и группы его единомышленников от масс. В составе реорганизованного Крайкома есть довольно солидные работники из местных мусульман. Теперь необходимо лишь продолжение твердой определённой линии и реальная помощь Туркестану, особенно присылкой свежих работников.

Ташкент. 30 июля 1920 г.

Фрунзе. № 265.

По прямому проводу.

РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 145. Л. 39–40.

III.

Шифром. О времени передачи доложить.

Москва, Главкому

Здравствуй, Сергей Сергеевич²⁷. Мной сегодня посылается телеграмма в Ревсовет Республики, испрашивающая директив в отношении Бухары. Ревсовет фронта и Турккомиссия стоят на точке зрения необходимости скорейшей ликвидации эмирата, ибо, как показал опыт, его существование связывает нас в нашей внешней политике, заставляя озиаться на необеспеченный тыл, и в нашем внутреннем строительстве в Туркестане. Считаясь же с фактом определённой враждебности Бухары к нам и её непрекращающимся вооружением, вопрос с ликвидацией её является в высшей степени актуальным. Обстановка у нас в данный момент такова, что есть все основания рассчитывать на возможность успешного выполнения означенной задачи под видом революционно-го взрыва внутри Бухары. Понятно, что ре-

шающая роль должна быть сыграна нашими войсками, главным образом – мусчастями. Соответствующий план мною разработан, все подготовительные мероприятия сделаны, намечен состав будущего Советского Бухправительства, выработана программа его деятельности и прочее. Остановка лишь за указаниями Центра, ибо данный вопрос далеко переходит через местные рамки и не может быть решён на месте. В случае получения соответствующего указания центра примерно около двадцатого августа могли бы развернуться решающие события. Ввиду изложенного прошу Вас настоять в Ревсовете Республики на немедленной постановке означенного вопроса и даче мне определённых указаний. Вас лично прошу немедленно отправить в моё распоряжение неоднократно просившиеся мной катера для Аму-Дарьи. Прошу также не отказать сообщением запиской о намеченном Вами использовании меня в связи с постановлением ЦК об отзыве меня из Туркестана на Запфронт²⁸. Неизвестность в этом отношении не даёт должной уверенности при выработке и проведении всего того, что сейчас намечается и разрабатывается мной в отношении местных дел. Всего наилучшего. Уважающий Вас М. Фрунзе.

№ 263. Ташкент, 30/VII. По прямому проводу.

РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 145. Л. 45–46.

Примечания

¹ См., например: *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...» К истории бутафорских революций. Документальная хроника. М., 2001; *Тухтаметов Т.Г.* Русско-бухарские отношения в конце XIX – начале XX века. Победа бухарской народной революции. Ташкент, 1966. *Персиц М.А.* Застенчивая интервенция. О советском вторжении в Иран и Бухару в 1920–1921 гг. М., 1999 и др.

² Гражданская война и военная интервенция в СССР. М., 1983. С. 68.

³ РГВА. Ф. 32392. Оп. 1. Д. 145.

⁴ См. *Генис В.Л.* «С Бухарой надо кончать...». С. 27–28.

⁵ Там же. С. 17–18.

⁶ *Генис В.Л.* Красная Персия. Большевики в Гиляне. 1920–1921. М., 2000. С. 64–75.

⁷ См. *Хейфец А.Н.* Советская Россия и сопредельные страны Востока в годы Гражданской войны (1918–1920). М., 1964. С. 105–117.

⁸ См. *Тихонов Ю.Н.* Афганская война Сталина. М., 2008. С. 19–26.

⁹ См. *Тихонов Ю.Н.* «Революционная миссия» Джемаль-паши в Афганистане (1920–1922). С. 290–291 // *Vitaleus*. Сб. статей, посвященный 70-летию В.И. Шеремета. М., 2010. С. 288–302.

¹⁰ *Бармин В.А.* Участие сибирских частей Красной Армии в разгроме белогвардейских войск в Синьцзяне (май–сентябрь 1921 г.) // Вторые научные чтения памяти профессора А.П. Бородавкина. 6–7 октября 1999 года: Материалы конференции. Барнаул, 2000. С. 405–406.

¹¹ Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века. Сб. документов и материалов / Отв. ред. Д.А. Аманжолова. М., 2017. С. 386–397.

¹² По-видимому, имеется в виду исчезновение на территории Бухары советского летчика Быстрова в середине июля.

¹³ В момент написания документа в Ревсовет фронта входили, помимо М.В. Фрунзе, Ш.З. Элиава и В.В. Куйбышев.

¹⁴ В состав Турккомиссии входили: Г.И. Боккий, Ф.И. Голощёкин, В.В. Куйбышев, Я.Э. Рудзутак, М.В. Фрунзе, Ш.З. Элиава.

¹⁵ По всей видимости, речь идет о председателе ЦИК Бухарской Народной Советской Республики Абдукадыре Мухитдинове, председателе Совета народных назиров БНСР Файзулле Ходжаеве и др.

¹⁶ В советской литературе разработка плана приписывалась М.В. Фрунзе, однако фактическим автором был начальник Штаба Туркестанского фронта П.В. Благовещенский. Недавно была опубликована редкая фотография 1920-х гг., на которой запечатлен М.В. Фрунзе среди мусульманских частей Средней Азии. <https://lenta.ru/photo/2018/03/31/red/#11>

¹⁷ Бухарская операция проводилась с 29 августа по 9 сентября 1920 года.

¹⁸ К моменту подготовки операции по советизации Бухары регулярная турецкая армия была развалена, греки весьма успешно наступали на Анкару, а Мустафа Кемаль через своих представителей в Москве просил РСФСР о финансовой и военной помощи. В такой ситуации Турция,

естественно, никак повлиять на положение в Центральной Азии не могла.

¹⁹ Имеются в виду сложные переговоры с Великобританией о мирном договоре и неспокойная ситуация в зоне пуштунских племен.

²⁰ Имеется в виду развитие персидской революции и начало национально-освободительного движения в Турции.

²¹ Здесь имеются в виду младобухарцы.

²² Джемаль-паша, вероятно, весьма симпатизировал Мустафе Кемалю, о чем свидетельствует их оживлённая переписка. Однако из этой переписки, частично сохранившейся в турецких архивах, не совсем ясно, насколько он был самостоятелен. Вероятно, Мустафа Кемаль имел основания не доверять ему из-за контактов последнего с Энвер-пашой. По-видимому, Джемаль-паше удалось убедить советское руководство, что он выступает заодно с Мустафой Кемалем, хотя это, судя по всему, не соответствовало действительности.

²³ Джемаль-паша был известен в мусульманском мире как последовательный враг Англии и османский военачальник. Присылка Джемалья должна была укрепить позиции советского посла в Кабуле Я.З. Сурица, а также продемонстрировать реальную помощь Советской России мусульманскому миру.

²⁴ Имеется в виду реорганизация генералами Бакичем и Дутовым отступивших в Синьцзян остатков армии Колчака.

²⁵ К июлю 1920 г. выявилась несостоятельность плана Ф.Ф. Раскольников по советизации Персии с опорой на дженгелийцев и Мирзу Кучек-хана. «Приостановка движения» персидской революции вызвала серьёзную обеспокоенность Л.Д. Троцкого. См. *Генис В.Л.* Красная Персия. С. 135.

²⁶ Более подробно см.: Россия и Центральная Азия. Конец XIX – начало XX века.

²⁷ Имеется в виду Сергей Сергеевич Каменев. С 8 июля 1919 г. по апрель 1924 г. – главнокомандующий вооружёнными силами РСФСР.

²⁷ Вероятно, планировалось задействовать Фрунзе в планировании и проведении дальнейшего наступления советских войск на Варшаву после успешной Июльской операции РККА.

Ю.Н. Тихонов

НЕИЗВЕСТНЫЙ ДИПЛОМАТИЧЕСКИЙ ДОКУМЕНТ О СОВЕТСКО-АФГАНСКИХ ПЕРЕГОВОРАХ В КАБУЛЕ В 1919–1920 ГОДАХ

В истории советско-афганских отношений имеется много «белых пятен», которые необходимо ликвидировать российским и афганским исследователям. Как это ни странно, но события почти столетней давности, связанные с первыми шагами советской дипломатии на Среднем Востоке, до сих пор недостаточно изучены даже по главным направлениям.

«Революционный порыв» большевистской внешней политики периода Гражданской войны на территории бывшей Российской империи ярко воплотился в важнейших документах того времени, многие из которых и сейчас недоступны отечественным востоковедам. Из-за этого нет возможности шаг за шагом восстановить важнейшие факты из истории подписания советско-афганского договора 1921 года.

Начальная фаза дипломатических переговоров в Кабуле о заключении этого договора является одной из «многострадальных» тем российской афганистики. Констатация того факта, что первоначально речь шла о заключении военного союза против Великобритании, не может компенсировать отсутствия источников о самих внешнеполитических акциях РСФСР и Афганистана в 1919–1921 гг.

Курс эмира Амануллы-хана¹ на создание «Великого Афганистана», цели афганского правительства при установлении дипломатических контактов с Советской Россией не должны оставаться за рамками работ по новейшей истории международных отношений в Центральной Азии.

Многие детали первого периода советско-афганских отношений можно установить благодаря копиям дипломатических документов, хранящимся в фондах Российского государственного архива социально-

политической истории (РГАСПИ). Советский полпред в Кабуле Я.З. Суриц², главной задачей которого являлось подписание договора с Афганистаном, был обязан направлять свои донесения не только в НКВД, но и в Турккомиссию, Туркестанское бюро Коминтерна, а также командованию Туркестанского фронта. Копии документов, направленные Сурицем руководству Туркестанской Автономной Советской Социалистической республики (ТАССР), особенно важны для исследователей, так как среди этих источников имеются афганские ноты, по содержанию которых можно определить многие особенности дипломатии Амануллы-хана в первые годы независимости Афганистана. Одним из таких документов является публикуемая ниже нота от 5 февраля 1920 г., вручённая советскому полпреду в Кабуле после долгих и трудных переговоров об условиях заключения военного союза между РСФСР и Афганистаном.

Первый раунд переговоров о военном союзе начался вскоре после приезда Сурица в афганскую столицу. Уже 27 декабря 1919 г. Аманулла-хан лично встретился с полпредом, которому задал прямые вопросы о размере советской помощи Афганистану в случае новой войны с Великобританией. Не имея директив из Москвы, Суриц уходил от конкретных ответов, что явно раздражало афганского эмира. Однако 13 января 1920 г. состоялась новая беседа Амануллы с Сурицем, во время которой в течение семи часов шло обсуждение характера и условий будущего советско-афганского договора. За вступление в войну против Англии Аманулла-хан запросил от РСФСР фантастическую плату: до 100 тыс. винтовок с 60 патронами на каждую, 250 скорострельных орудий, 1,5 тыс. пулеметов и 50 млн рублей золотом³.

Понимая нереальность своих требований, афганская сторона готова была заключить с РСФСР более «скромный» договор о дружбе, согласно которому Афганистан получал города Термез и Керки, 10 млн рублей золотом в качестве субсидии, оборудование для порохового завода, 12 самолетов, 10 тыс. винтовок, два вооружённых парохода на р. Амударье и т.д.

Сурицу пришлось пойти на риск и от своего имени предложить Аманулле более скромные условия будущего договора:

1. Вопрос о территориальных претензиях Афганистана откладывался на неопределённое время, но полпред согласился на участие афганских делегатов в русско-бухарской комиссии по Термезу и Керкам.

2. Субсидия снижалась до 1 млн рублей золотом.

3. В распоряжение афганского правительства предоставлялось 12 аэропланов, 8 зенитных орудий, радиостанции и необходимые специалисты.

4. Советская Россия признавала право Афганистана на судоходство на р. Амударье.

5. РСФСР обещал поставить в Кабул оборудование для производства бездымного пороха.

6. Афганистан получал 5 тыс. винтовок, но при условии, что приграничные пуштунские племена получают 10 тыс. винтовок.

7. Суриц обещал, что в течение трёх лет российская сторона построит телеграфную линию Кушка – Кабул⁴.

Даже эта обещанная Сурицем помощь Афганистану в условиях Гражданской войны и разрухи в России была огромным бременем для советского правительства. В связи с этим уже в следующей телеграмме в Турккомиссию он подробно изложил причины, побудившие его, хоть и частично, удовлетворить афганские претензии. Полпред писал в своём донесении: «Никакой военной конвенции Афганистан не подпишет. С другой стороны, не прекращающаяся борьба племён, разрастающееся движение [в] Индии и открывающиеся перспективы из Афганистана расширить наше влияние на Ин-

дию заставили меня идти на жертвы, чтобы путём договора о дружественном нейтралитете закрепить наши отношения с Афганистаном и создать здесь прочную антианглийскую базу»⁵.

Столь рискованный шаг Сурица, явно превысившего свои полномочия, сразу же поставил его в затруднительное положение. В феврале 1920 г. в одном из своих донесений в НКВД он писал: «Положение создаётся до невозможности для меня трудное. Если Вы не одобрите моих шагов (речь идёт, конечно, не об отдельных деталях, конкретных цифрах), то лучше всего меня под каким-либо благовидным предлогом отсюда отозвать. После 13 января, т.е. больше месяца мне по существу приходится прятаться от афганцев и увиливать от ответа»⁶. Одним словом, по вине Москвы в советско-афганских переговорах возникла пауза, которая крайне раздражала афганцев⁷.

Чтобы ускорить достижение конкретных результатов, 5 февраля 1920 г. афганская сторона вручила советскому полпреду ноту, которая публикуется ниже. Сам факт появления этого документа Суриц считал большим прогрессом в переговорах о заключении первого советско-афганского договора, так как ранее афганцы всеми способами уклонялись от составления любых письменных документов, справедливо опасаясь английского шпионажа. Составление ноты от 5 февраля 1920 г. свидетельствовало о том, что Аманулла-хан решился пойти на заключение договора с Советской Россией, хотя и продолжал яростную борьбу за его более выгодные условия для Афганистана.

В тексте этого документа сохранена авторская орфография. Очевидные опечатки исправлены без комментариев. В квадратных скобки вставлены слова, облегчающие понимание смысла отдельных фраз, так как перевод ноты делался в спешке, без должной литературной обработки (так обычно бывало в тех случаях, когда Суриц срочно отправлял дипломатическую почту в Москву).

Афганская нота от 5 февраля 1920 г.

Абсолютно секретно

Копия.

Перевод с персидского.

Министерство иностранных дел

Правительство и народ Афганистана выражают свою благодарность Правительству Российской Социалистической Федеративной Советской Республики за то, что выше-названное могущественное Правительство великодушно аннулировало и уничтожило договоры, которые прошлое завоевательное Правительство России заключило со своими союзниками-завоевателями для искоренения и раздела мусульманских государств, признало независимость и полную свободу своих соседей, отказалось от подчинения зависимых государств и через посредство мужей со светлым умом и полным доверия протянуло руку дружбы прежде всего независимому Афганистану.

Мы предопределяем, Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика для помощи в разрешении важных вопросов Востока желает укрепить взаимоотношения с Афганистаном, который представляет из себя центр политики, благодаря географическому положению, и имеет различные связи, как материальные, так и духовные, с большей частью Востока, а особенно с соседними государствами. Афганистан в продолжение долгих лет и в моменты весьма острые поддерживал свою дружбу с Англией и с большими затруднениями оберегал свой дружественный нейтралитет и, наконец, на горьком опыте узнал, что та сторона не поняла или не захотела понять степени его дружбы до того, что не позволяла даже свободно говорить с другими, хотя это явное право каждого человека⁸. В эти же дни Афганистан увидел на севере от себя вместо самодержавной тиранствующей России свободную справедливую Россию, услышав голос любви и союза. Надеясь на лучшее будущее, полагаясь на Всемогущего Бога, для достижения своих стремлений, он устоял силой храброй нации против жадных грабителей и приобрёл то, что хотел, чтобы

затем, милостью Всемогущего Бога, быть готовым заключить договоры и установить основы взаимоотношения с каждым из государств мира.

Сколько раз соседняя свободная Россия хотела подойти к единомыслящему сражающемуся Афганистану, но не могла этого сделать⁹, а Афганистан, прежде чем заявлять об истинной дружбе, доказал это и на словах, и на деле. Ныне Афганистан считает себя счастливым, что без посредников может высказать свои чувства Полномочному Представителю Российского Социалистического Государства – дорогому своему союзнику (искателю).

Хотя в то время, когда т. Суриц выезжал из Москвы, Афганистан находился в состоянии войны за свои права, но когда он прибыл сюда, то Афганистан по двум причинам, из которых одна – «принуждение», а другая – «надежда», заключил мир. Принуждение было следствием отсутствия нового военного имущества, а [потому Афганистан] затаил надежду на укрепление и усиление в будущем для достижения известных уже целей.

Так как господин Суриц здесь выразился, что Российское Социалистическое государство до сих пор не изменило своих взглядов, которые имело тогда, то снова открывается надежда на возможность устранения «принуждения» и на усиление, за что Афганистан будет благодарен единомыслящему другу. Удивительно, что при наличии того, что даже в малейшей мере не остаётся сомнения об общности целей Российского Социалистического государства и Афганистана в настоящем его политическом положении, что и Вы также подтверждаете, Вы не выказываете необходимой и нужной честности в делах. Вы говорите, что Русская Республика не может дать вооружения кому-либо, кто не вступит сейчас же в войну. Но разве можно быть готовым к войне или вести её без вооружений и средств? Как мы уже раньше говорили, одной из причин отказа от войны послужило отсутствие тех вещей, в выдаче коих нам отказывает т. Суриц. Если бы Афганистан имел сегодня в Кабуле от

60000 до 100 000 пятизарядных винтовок с 400–600-ми патронами на винтовку, сверх имеющихся сейчас налицо орудий ещё от 200 до 300 [пушек] больших и малых, 1000 пулеметов с целым комплектом принадлежностей и огнестрельных припасов и 50 000 000 кабульских рупий наличности в золоте или серебре, то от свободы своих государственных границ не отступил бы.

Вам, конечно, понятно (от Ваших глаз не скрыто), что единство цели можно считать за сущность союза, и так как оба государства наше и Ваше в целях сотоварищи, то помощь и поддержка одним другого является неизбежным. Т. Суриц спрашивал о положении, существующем сейчас между нашим государством и Англией.

Кроме несправедливых нарушений, которые Англия годами совершала и совершает против религии и членов нашей великой родины, производит... притеснения по торговым делам, хочет прервать дипломатические отношения (не посылает посланника), не устанавливает почтовых сообщений и даже имеет намерения, угрожающие нашей независимости. Подробности об этом Вы наверно тоже читали в газетах. Что всё это доказывает?? Каковы могут быть наши отношения с Англией? Конечно, это известно.

Укажите сейчас, каким образом Российское Социалистическое Государство придёт на помощь Афганистану и какую пользу Афганистан сможет извлечь из дружбы с Россией. Об искренности этой дружбы Афганистану известно и что Советская Россия Афганистану сочувствует. Мы, протягивая руку дружбы своему другу, во имя искренности этой дружбы, о которой и Вы упомянули, нижеследующим абзацем себе представляем сейчас Вашу помощь.

Так как независимость и целостность Хивы и Бухары принципиально Российским Социалистическим Государством приняты и подтверждены, то в этом отношении нет нужды в переговорах, нужно лишь соглашение относительно железной дороги, которая проходит через Бухару, так как она служит единственной связью между дружественными государствами – Россией и Афганиста-

ном. Имеем надежду, что представитель Афганистана будет участвовать в заседаниях по вышеозначенному соглашению, а также подобно этому до совершения договоров относительно границ и взаимоотношений с Бухарой будет принято соучастие представителя Афганистана, согласно... явной необходимости.

Так [как] нынешнее положение Бухары не позволяет иметь к ней полного доверия, то для избежания беспокойства и опасения от положения, занятого Бухарой, оставляйте крепости Керки и Патте-Гиссар¹⁰ Афганистану.

Относительно обещанных необходимых вещей, выразив благодарность, просим лишь относительно точно определить их доставку.

По нашему предположению и с нашей точки зрения, было бы вполне достаточно:

Фунтов стерлингов или 10-рублевых золотых [монет] – 1 000 000 штук.

Двухсотсорокасиловых аэропланов от 6-ти до 12-ти штук, из которых 6 штук аэропланов обещано английской или германской работы, остальные [аэропланы] просим той же системы.

Машины для изготовления бездымного пороха со всеми принадлежностями и возможными материалами.

Машины для изготовления сахара.

Аппаратов беспроволочного телеграфа с мощностью для переговоров на 80 фарсах¹¹.

10 000 пятизарядных винтовок с 600–1000 патронов на каждый ствол.

Инструкторов, в коих Афганистан будет иметь необходимость, как военных, так и гражданских.

Полной школы авиации.

Одной зенитной батарее.

Просим дать сверх обещанных необходимых вещей, каким бы то ни было образом, если возможно, проволоочный телеграф, чтобы он действовал в Афганистане.

Два парохода на Амударье для вспомоществования движению наших судов.

Весьма хорошо для преуспевания в привлечении сердец мира Ислама к нашему

дружественному государству дать обещание (разрешить) Афганистану [заботиться] об облегчении и попечении о Ваших подданных мусульманах, чтобы постоянно он мог бы осветить им истинное положение и существующие искренние цели и намерения Российского Социалистического Государства, хотя мы знаем, что высокие цели социализма до высокой степени благоприятствуют угнетённым народам Востока.

Мы со своей стороны готовы [к переговорам] для заключения договора о торговых взаимоотношениях, выгодного для обеих сторон.

Намерения высоко уважаемой партии и Великого Социалистического Государства тем выше, если во время мирных переговоров с Англией не забудут дружбы Афганистана, а ещё больше сбережёте единодушие и дружбу, если во время заключения мира также будет присутствовать представитель Афганистана, что вызовет [нашу] высшую признательность.

Сейчас мы высказали ясно свои взгляды по двум вопросам: «О военном союзе» и «О дружбе государств». Приступим к третьему вопросу о доставке помощи т. Сурицем племенам, воюющим с Англией, т.е. масудам и вазирам¹². Конфиденциально заявляем, что доставляемую Вашу... помощь им [Вы] вручите нам, а мы берём на себя обязательство доставить... её своим братьям.

Сейчас, высказав извинение за надоедание, мы выскажем Вам своё последнее слово. Дипломатические отношения с Англией, обострившись, оборвутся. Имеется надежда, обнадёжьте нас в том, что во время нашей [возможной] войны с Англией обещанная Вами помощь нам будет неизменно доставлена.

Военный союз

Если нижеследующие необходимые вещи будут вручены Афганистану, то военный союз возможен:

Пятизарядных винтовок от 80 000 до 100 000 с 600–800 патронами на каждый ствол.

От 250 до 300 орудий.

От 1000 до 1500 пулеметов.

Наличных денег 5 000 000 фунтов стерлингов в золоте или серебре, и всевозможных необходимых вещей, как было обещано.

Перевёл с персидского Э. Рикс¹³.

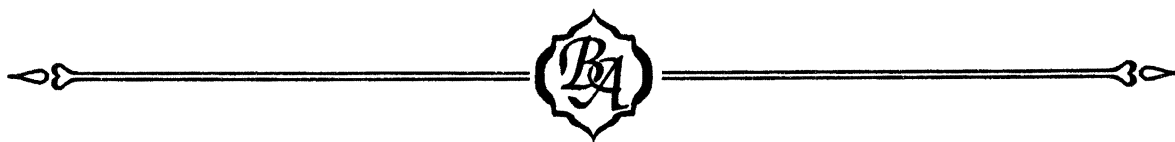
Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 122. Оп. 2. Д. 61. Л. 8–12. Машинописная копия.

Примечания

¹ Аманулла-хан (1892–1960) – эмир (с 1926 г. – король) Афганистана в 1919–1929 гг. Провозгласил независимость своей страны от Англии. В 1921 г. заключил с Советской Россией договор о дружбе. Провел ряд прогрессивных реформ, которые вызвали сопротивление как реакционных сил, так и простого населения, которое страдало от увеличения налогового гнёта. В условиях нараставшего в стране внутривластного кризиса пытался удержаться у власти при военной помощи СССР. В 1929 г. был вынужден отречься от престола из-за мощного восстания в стране. Эмигрировал в Италию. В течение многих лет активно стремился с помощью иностранных держав вернуть себе власть в Афганистане. Осознав своё поражение в борьбе с династией Яхья-хель, в 1949 г. официально примирился с афганским королем Захир-шахом. Умер 26 апреля 1960 г. в Швейцарии.

² Суриц Яков Захарович (1882–1952) – советский дипломат. В 1918–1919 гг. – представитель РСФСР в Дании. В 1919–1921 гг. – полпред РСФСР в Афганистане. До 1922 г. – уполномоченный НКВД по Туркестану и Средней Азии. В 1922–1923 гг. полпред в Норвегии. В 1923–1934 гг. – посол в Турции. В 1934–1937 гг. – посол в Германии. В Стамбуле и Берлине поддерживал тайные контакты с амануллистами. С 1937 г. – советский посол во Франции. После фашистской оккупации этой страны был отозван в Москву и работал в аппарате НКВД. В 1946–1947 гг. был послом в Бразилии. В 1948 г. вышел в отставку.

³ Телеграмма Я. Сурица в Турккомиссию и НКВД от 17.01.1920 г. // Архив внешней политики МИД РФ (АВП РФ). Ф. 071. 1919–1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 18.

⁴ Советская Россия в борьбе за «афганский коридор» (1919–1925). Сб. документов / Ю.Н. Тихонов. М., 2017. С. 101–102.

⁵ АВП РФ. Ф. 071. 1919–1920. Оп. 2. П. 102. Д. 2. Л. 19.

⁶ РГАСПИ. Ф. 122. Оп. 2. Д. 61. Л. 19.

⁷ Окончательное утверждение количества советского вооружения, предоставляемого Афганистану, произошло только 10 июня 1920 г., хотя решение об общих цифрах было принято НКВД в мае 1920 г. // *Панин С.Б.* Советская Россия и Афганистан. 1919–1929. М. – Иркутск, 1998. С. 41.

⁸ Речь идёт о событиях Первой мировой войны 1914–1918 гг., когда афганский эмир Хабибулла-хан (1901–1919 гг.) сохранил нейтралитет, несмотря на все попытки Германии и Османской империи втянуть Афганистан в войну против Великобритании. В 1918 г. Хабибулла-хан попросил английское правительство в качестве благодарности за эту услугу в период войны предоставить его стране независимость, но получил отказ.

⁹ Видимо, речь идёт о том, что в мае 1919 г. советское правительство фактически установило дипломатические отношения с Афганистаном, но из-за «оренбургской пробки», возникшей в результате вооружённого выступления казаков под командованием атамана Платова, РСФСР и Туркестанская Автономная Советская Социалистическая Республика были отрезаны друг от друга.

¹⁰ Ныне г. Термез.

¹¹ Фарсах – мера длины в странах Среднего Востока (около 6–8 км).

¹² Два крупных пуштунских племени Вазиристана, которые в 1919 г. подняли вооружённое восстание против Великобритании. Боевые действия между горцами и англо-британскими войсками продолжались несколько лет. По этой причине советская сторона добивалась от афганского правительства пропуска советского вооружения и военных специалистов в этот район.

¹³ Рикс Эдуард Мартынович (1880(?) – конец 1940-х гг.) – дипломат и востоковед. В 1909 г. – младший офицер 10-го Туркестанского стрелкового полка. В 1911 г. закончил Ташкентскую офицерскую школу восточных языков: изучил персидский, пушту и английский языки. В июле этого же года командирован в Керки, Келиф и Термез для изучения восточных языков. 1912 г. – поездка в Тегеран и Мешхед. 1913 г. – с оценкой «отлично» сдал экзамены на военного переводчика; прикомандирован к штабу Туркестанского ВО. Первую мировую войну 1914–1918 гг. закончил в звании полковника. С 1919 г. – второй, с 1924 г. первый секретарь советского полпредства в Афганистане. 1929 г. – поверенный в делах СССР в Афганистане. 1930–1935 гг. – советник полпредства в Кабуле. С 1936 г. – консультант 1-го Восточного отдела НКВД. В 1937 г. репрессирован. В годы Великой Отечественной войны освобождён из заключения. Вернулся в Москву. Зарабатывал на жизнь частными уроками и переводами с фарси-кабули.

Вальдемар Шмидт

АРХИВНЫЕ ФОНДЫ ЦЕНТРАЛЬНОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО АРХИВА КАЗАХСТАНА О ПРОБЛЕМЕ ГОЛОДА 1921–1922 ГОДОВ

Предлагаемая статья об архивных документах по вопросам голода в 1921–1922 гг. в Казахстане была подготовлена по итогам научной работы в Алматы в сентябре-октябре 2016 г. Автор выражает большую благодарность сотрудникам архива Б. Жанаеву и И. Самигулину за помощь в выявлении архивного материала по теме.

События первого десятилетия установления Советской власти в Казахстане, бывшей национальной окраине царской России, решительным образом предопределили последующее развитие региона. Строительство социализма в Казахстане ознаменовалось ростом кризисной ситуации, которая вызвала развитие голода. Развитие голода в Казахстане началось задолго до Октябрьского переворота. Особенно трудными в этом отношении были годы Гражданской войны, в период которой сильно пострадало коренное население – казахи. В эти годы председатель Совета народных комиссаров Туркестанской республики Сорокин писал: «От мусульман отбирают всё, и не только отбирают, но и убивают их. Наши солдаты вместо защиты несут грабежи и убийства. В туземных сёлах население терроризировано и бежит... Но, может быть, возразит кто-нибудь, что – это-де не партия, а Красная Армия чинит насилия. Но партия стоит во главе»¹.

В Казахстане, с его специфическими особенностями – кочевым образом ведения хозяйства и быта подавляющей массы коренного населения, трагедия голода 1921–1922 гг. имела особенно ужасные последствия как для экономического развития региона, так и для его политической жизни. Эта трагедия охватила миллионы людей, ушедших из родных мест и погибших от голода. Тяжелейшее положение сложилось также и в казахстанских селах среди оседлого населения. Автор попытался дать развернутый анализ архивных фондов и дел, опи-

сывающих состояние губерний Казахстана в период развития голода и мероприятия, направленные на его ликвидацию. Архивные материалы освещают многие вопросы о развитии и последствиях голода 1921–1922 гг. в Казахстане, и прежде всего для его дальнейшего экономического развития.

Масштабы бедствия в условиях разрухи, связанной с опустошительной Гражданской войной, с пагубными экономическими экспериментами эпохи «военного коммунизма», серьёзно отразились на общей экономической и социально-политической ситуации послереволюционного Казахстана.

Голод 1921–1922 гг. можно рассматривать как одну из трагических страниц истории народов, проживающих на территории Казахстана, как демографическую катастрофу, возникшую прежде всего в результате политики, проводимой Советской властью.

До сих пор полностью не изучены огромные пласты документов и материалов, которые непосредственно касаются этого исторического периода в истории Казахстана. Из архивных документов следует, что мероприятия, проводившиеся советскими и партийными органами в период голода 1921–1922 гг., а также ряд принятых административных мер не способствовали улучшению положения в ряде областей Казахстана, и их экономическая и демографическая ситуация оставалась критической. Ко всему надо отметить, что последствия голода 1921–1922 гг. отрицательно сказались на росте сельского хозяйства в ряде губерний Казахстана. Без сомнения, голод, ставший неотъемлемым элементом жизни Казахстана после Октябрьского переворота, в значительной мере носил характер политический. Он был результатом проводимой партией большевиков политики национализации хлебной торговли².

Центральный Государственный архив Республики Казахстан (ЦГА РК) является одним из старейших архивных учреждений республики. В его фондах хранятся источники по истории Казахстана как дореволюционного, так и советского периодов. Особенно интересны документальные материалы архива, которые имеют большое значение для исследования вопросов, связанных с развитием голода 1921–1922 гг. в Казахстане, то есть с первыми десятилетиями строительства социализма в регионе. В ЦГА РК хранится большой массив документов, отражающих эту трагедию. В архивных материалах отложились объёмные обзоры по республике в целом и по отдельным регионам, отчёты и справки с мест о выполнении заданий центра, о случаях массовой гибели людей от голода. Собранные в архиве делопроизводственные документы советских, партийных и административных органов Казахстана, касающиеся вопросов развития голода на территории республики, требуют дальнейшего глубокого изучения и осмысления. В ЦГА РК содержатся документы республиканских органов власти, а также разъяснения, направляемые в охваченные голодом губернии, и, кроме того, служебная переписка с местными органами власти по вопросам преодоления последствий голода в различных губерниях республики.

Проблема выявления источниковой базы для изучения вопросов голода 1921–1922 гг. в Казахстане заключается в том, что многие архивные материалы по этой проблеме сосредоточены по различным архивохранилищам Казахстана и за его пределами. Имеются также сложности в анализе имеющихся источников, в большей мере обусловленные фальсификацией документов, тенденциозностью подачи сведений.

В истории Казахстана начало 1920-х годов занимает особое место. Тем более что этот период в его истории мало исследован, как и многое другое, что не укладывалось в изучение официальной советской истории. Поэтому проблематика развития голода в 1921–1922 гг., в период становления и строительства Советской власти в Казахста-

не, имеет весьма заметную научную значимость. Несмотря на это, этот период в истории Казахстана не нашёл должного освещения в исторических исследованиях, хотя его можно небезосновательно считать преддверием голода 1930-х годов. Документы ЦГА РК, раскрывающие деятельность государственных, общественных и международных организаций в борьбе с голодом в Казахской АССР, позволяют воссоздать реальную картину голода 1921–1922 гг. в Казахстане, рассказать о его причинах, масштабах и последствиях.

Безусловно, большое значение для изучения темы представляют законодательные и правовые акты высших исполнительных органов Советской власти – это, прежде всего, материалы Всеказахских съездов Советов, ЦИК Казахской АССР, а также материалы СНК Казахстана за 1921–1922 гг.

В большинстве случаев архивные документы раскрывают различные стороны трагедии 1921–1922 гг., постигшей Казахстан, а также мероприятия, проводившиеся партийными и административными организациями охваченных голодом губерний.

ЦГА РК является местом сосредоточения значительной части фондов, в которых сохранились материалы руководящих партийных и административных органов. Однако надо отметить, что выявление и сведение в единый комплекс архивных документов, касающихся голода 1921–1922 гг., требует значительных усилий и времени. Многие документальные материалы освещают целый комплекс вопросов отношения как центральных, так и региональных органов к вопросам ликвидации голода и его последствий. В основном архивные материалы представлены телеграммами, отчётами местных партийных и исполнительных организаций, которые в той или иной степени работали над проблемой ликвидации голода.

Во многих архивных документах подчёркивается, что особенно сильно пострадали от голода Северный Казахстан, исторически сложившийся крупный аграрный регион, который подвергся разрушительному воздействию в годы Гражданской войны, а также За-

падный Казахстан, серьёзно пострадавший в период установления Советской власти. Декретом ВЦИК летом 1921 г. в число голодающих регионов были включены Уральская, Оренбургская, Актюбинская, Букеевская, Кустанайская губернии. В ноябре 1921 г. число голодающих составило 1,508 млн человек, то есть $\frac{1}{3}$ населения Казахстана, а к марту 1922 г. это число увеличилось до более чем 2,300 млн человек. В Западном Казахстане к июню 1922 г. численность голодающих составила 82% от общей численности населения. В результате голода 1921–1922 гг. в Казахстане погибло около 1 млн человек³.

Описание архивных и документальных материалов, касающихся вопросов развития голода 1921–1922 гг. в Казахстане, ведёт не только к лучшему пониманию этого исторического прошлого, но и, в узком смысле, влияет на более детальное изучение многих вопросов, связанных с демографической и экономической ситуацией, вызванной последствиями голода среди населения этого обширного региона.

При исследовании темы большое значение приобретают материалы фонда 1215 «Центральная комиссия по ликвидации последствий голода при КазЦИК(е)», в котором собраны различные статистические сведения, отчёты, протоколы, докладные записки о развитии голода и о его последствиях для экономического развития Казахстана. Помимо этого, в составе фонда отложились циркуляры, протоколы заседаний комиссии, а также межведомственных комиссий и совещаний о помощи голодающим, сводки и переписка о количестве голодающих и многое другое.

В делах фонда имеются также сведения о политическом положении в губерниях Казахстана, о смертности среди взрослого населения губерний, детской смертности и т.д. Немаловажны при рассмотрении темы также отчёты губернских комиссий при губернских органах помощи голодающим. Основная часть архивных дел этого фонда состоит из материалов делопроизводства, которая, в свою очередь, образует сложную систему исторических источников.

Среди архивных материалов фонда в большом количестве встречается такой вид источника, как переписка. Это, прежде всего, переписка с различными партийными, советскими и административными учреждениями Казахстана по вопросам преодоления голода в различных губерниях. Надо отметить, что различные докладные записки, статистические справки, составленные как письменный ответ на запросы партийных и советских учреждений Казахской АССР по вопросам развития голодного бедствия в республике, весьма важны для исследования темы и до сих пор не проанализированы. Материалы фонда интересны также и тем, что в них дана общая картина экономического состояния и развития губерний Казахстана перед началом, а также в период развития бедствия.

К числу этих документальных материалов относится «Отчёт Кустанайской комиссии ГубПомгола о положении в губернии и деятельности с начала голодной кампании по июль 1922 года»⁴. В архивном деле содержатся сведения об экономическом состоянии Кустанайской губернии, статистические данные о числе голодающих по губернии и её уездам, о мероприятиях местных организаций Помгола, их деятельности в оказании помощи голодающему населению губернии.

Практически в фонде 1215 сосредоточены документальные материалы, раскрывающие экономическое и политическое состояние охваченных голодом северных губерний Казахстана. Показательными в этом плане являются материалы архивного дела 19 вышеназванного фонда «Отчёт и протоколы заседаний Акмолинской губернской комиссии последгола при Акмолинском губисполкоме»⁵. Информативные материалы, освещающие вопросы развития охватившего Казахстан бедствия, сосредоточены в деле 17 фонда 1215 «Отчёт ЦК последгола, доклад члена президиума ЦК последгола при КазЦИК(е) о голоде в Киргизской республике за период с 17.10 по 20.07 1922–1923 годов»⁶. Архивные материалы этого дела обладают высоким информативным содержа-

нием и в целом дают возможность воссоздать исторические особенности при исследовании вопросов, связанных с мероприятиями местных партийных и административных органов Казахской АССР, направленными на борьбу с голодом.

Во многих архивных документах чётко прослеживается мысль, что критическое положение, сложившееся в губерниях Казахстана, свидетельствует об одном: что голод, развившийся в республике, стал следствием перегибов в проведении продовольственной политики Советской власти.

Учредительный съезд, открывшийся в Оренбурге 4 октября 1920 г., законодательно, путем принятия Декларации прав трудящихся, закрепил создание Казахской АССР. 12 октября на съезде были избраны руководящие органы республики – ЦИК и Совнарком. Большевистское правительство обязало крестьян сдать в августе 1920 г. – июне 1921 г. чрезвычайный налог в размере 110 миллионов пудов зерна, из которых 35 миллионов приходилось на регионы Северного и Западного Казахстана. Однако при этом совершенно не бралось во внимание, что в 1920 г. был неурожай, запасов от прошлых лет фактически не осталось, так как регион являлся в то время зоной ожесточённых боёв Гражданской войны. Центр принимал все меры по экстренной доставке хлеба в Россию.

Насильственная продовольственная политика Советской власти лишила крестьянство права свободно распоряжаться продуктами своего хозяйства и впоследствии привела к упадку сельского хозяйства и экономической жизни Казахстана в целом. Многие архивные документы свидетельствуют о том, что при таком состоянии сельского хозяйства Казахской АССР катастрофа развившегося голода не была неожиданностью для местных и центральных властей.

Развитию голода в Казахстане в 1920-х гг. способствовали также объективные трудности, возникшие из-за неравномерного развития экономических отношений в различных регионах Казахстана. Развернувшаяся в центральных районах России Гражданская вой-

на вызвала небывалую экономическую разруху, что повлекло за собой развитие голода в этих районах и способствовало развитию волны переселенческого движения крестьянства из этих голодающих районов за Урал, в частности, в Казахстан. Первоначально переселенческое движение беженцев из голодающих районов Центральной России было направлено в Сибирь, но с переносом военных действий на территорию Сибири и Дальнего Востока направление потока переселения голодающих беженцев резко меняется. 32,2% всех беженцев устремляется в Казахстан⁷. Поэтому в письме председателя ЦИК Казахской республики С.М. Мендешева⁸ в Москву от 8 марта 1921 г. отмечалось: «Стихийное переселение из центра России и других голодающих окраин Туркестанского края принимает катастрофические размеры, поэтому следует принять строгие меры выдачи ходатайств переселенцам и отдельным лицам разрешения на проезд по железной дороге и въезда в Казахскую республику»⁹.

Обширный фактологический материал, касающийся вопросов голода 1921–1922 гг. в Казахстане, сосредоточен в фонде 40 «Народный Комиссариат внутренних дел Казахской АССР». Материалы поступили на хранение в ЦГА РК в 1928 г. и охватывают период с 1920 по 1924 год. В архивном фонде собраны различные сведения о состоянии и количестве населения по губерниям Казахстана в названный период, отчёты Киргизского краевого управления по эвакуации населения из районов бедствия. Интересны они, прежде всего, при рассмотрении региональной истории, а именно ситуации, сложившейся в северных регионах Казахстана. В этом плане особую значимость приобретают материалы архивного дела 221 «Протокол заседания ЦИК Киргизской АССР о положении в Кустанайской губернии»¹⁰.

Для исследования демографической и экономической ситуации, сложившейся в результате голода в губерниях Казахстана, весомую значимость имеют материалы архивного дела 326 «Сведения о состоянии промышленности по губерниям Киргизской

АССР и движении беженцев»¹¹. В нём сосредоточены не только сведения о количестве беженцев из центральных губерний России, но также данные о движении беженцев внутри губерний Казахстана. Довольно обширные сведения дают материалы архивного дела 362 «Переписка с кустанайским губисполкомом по вопросу переселения крестьянства по причине неурожая»¹². В основном материалы этого архивного дела касаются ситуации, сложившейся в Кустанайской губернии в 1921 г.

Целый комплекс архивных документов по вопросам голода 1920-х годов в Казахстане сосредоточен в фонде 320 «Центральная Комиссия помощи голодающим при Центральном Исполнительном комитете Киргизской АССР (ЦКПомгол)». Материалы, отложившиеся в фонде, охватывают период с 1921 по 1923 год. В нём находятся документы, непосредственно отражающие деятельность местных общественных и исполнительных организаций — это прежде всего материалы архивного дела 41 «Положение о Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при Киргизском ЦИК(е)»¹³. Материалы этого дела непосредственно затрагивают моменты, связанные с развитием бедствия среди кочевого населения Казахстана по губерниям. Помимо этого, интересны также собранные в этом деле сведения, которые отражают задачи Центральной Комиссии помощи голодающим при ЦИК Киргизской республики.

Для выяснения статистических сведений о масштабе голода огромное значение приобретает содержание отчётов и информационных докладов о размерах голода и деятельности комитетов помощи голодающим по губерниям Казахстана¹⁴. В плане изучения деятельности административных органов интересны материалы заседаний ЦК Туркестанской республики Российской Федерации, в которых приведены конкретные предложения по преодолению бедствия¹⁵.

В фонде также имеются дела, в которых отложились доклады ЦК Помгол при КазЦИК(е) за 1922–1923 гг. Содержание этих архивных дел интересно тем, что в них даёт-

ся анализ состояния губерний Казахстана в названный период, а также имеется оценка деятельности местных органов власти по борьбе с последствиями голода¹⁶.

Интересный фактологический материал о деятельности специальных комиссий при Наркоматах республики, а также губернских комиссий помощи голодающим имеется в «Отчёте о деятельности ЦК Помгол при КазЦИК(е) и создавшихся специальных комиссий Наркоматов и губпомгола»¹⁷.

Подводя итог характеристике источников, точнее, определённых архивных фондов и дел по данной теме, можно выделить следующие типы документов:

- законодательные акты, определяющие задачи, формы и методы проведения борьбы с голодом в масштабах Казахстана;
- информационные отчёты, различные виды докладных записок из охваченных голодом регионов по вопросам организации мероприятий по ликвидации этого бедствия;
- статистические материалы по губерниям Казахстана.

Таким образом, документы по вопросам голода 1921–1922 гг., находящиеся в архивных делах и фондах ЦГА РК, позволяют провести детальный анализ этого исторического события. Следовательно, дальнейшее выявление, изучение и введение в научный оборот перечисленных выше архивных фондов и дел ЦГА РК способствует более детальному анализу региональных особенностей голода 1921–1922 гг. на территории Казахстана, а также характеристике методов и форм деятельности местных партийных и административных организаций в борьбе с этим бедствием.

Примечания

¹ См. Рыскулов Т. Революция и коренное население Туркестана. Ташкент, 1925. С. 100.

² Божье В., Непеин И. Жатва смерти. Челябинск, 1994. С. 33.

³ Алексеенко А.Н. Население Казахстана. 1920–1990 гг. Алматы, 1993. С. 52.

⁴ ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 20. «Отчёт Кустанайской комиссии ГубПомгола о положе-

нии в губернии и деятельности с начала голодной кампании по июль 1922 года».

⁵ ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 19. «Отчёт и протоколы заседаний Акмолинской губернской комиссии последгола при Акмолинском губисполкоме».

⁶ ЦГА РК. Ф-Р 1215. Оп. 1. Д. 17. «Отчёт ЦК последгола, доклад члена президиума ЦК последгола при КазЦИК(е) о голоде в Киргизской республике за период с 17.10 по 20.07 1922–1923 годов».

⁷ *Базанова Ф.Н.* Формирование национального состава населения Казахстана в годы Гражданской войны и восстановления народного хозяйства // Вестник АН Казахской ССР. 1979, № 1. С. 59.

⁸ Мендешев Сейтгали Мендешевич (1882–1937). Окончил учительскую семинарию в Казани. С 1919 г. член РКП(б). Председатель ЦИК Казахской АССР. В 1926–1930 гг. член Экономического совещания РСФСР, главный эксперт по экономическим проблемам Казахстана. В 1930–1933 гг. – нарком просвещения Казахской АССР. Необоснованно репрессирован, посмертно реабилитирован.

⁹ ЦГА РК. Ф-Р 40. Оп. 1. Д. 221. Л. 63.

¹⁰ ЦГА РК. Ф-Р 40. Оп. 1. Д. 326. «Сведения о состоянии промышленности по губерниям Киргизской АССР и движении беженцев».

¹¹ ЦГА РК. Там же.

¹² ЦГА РК. Ф-Р 40. Оп. 1. Д. 362. «Переписка с кустанайским губисполкомом по вопросу переселения крестьянства по причине неурожая».

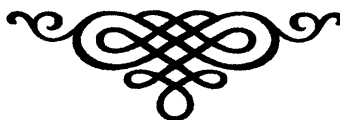
¹³ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 41. «Положение о Центральной Комиссии по борьбе с последствиями голода при Киргизском ЦИК(е)».

¹⁴ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45.

¹⁵ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 41. «Выписка из журнала 79 заседаний ЦК Туркестанской республики Российской Советской Федерации».

¹⁶ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 45. «Доклад ЦК Помгол при КазЦИК(е) от 25.02.1922 года».

¹⁷ ЦГА РК. Ф-Р 320. Оп. 1. Д. 36. «Отчёт о деятельности ЦК Помгол при КазЦИК(е) и созданных специальных комиссий Народных комиссариатов и губернских комиссий помощи голодающим».

С.Л. Кузьмин

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СЭЦЭН-ХАНА НАВАННЭРЭНА ДО И ПОСЛЕ МОНГОЛЬСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ 1921 ГОДА

Сэцэн-хан (Цэцэн-хан) Цэрэндондовын Наваннэрэн (монг. Навааннэрэн) (1877–1937) – один из высших представителей монгольской аристократии начала XX века. Он был двадцатым и последним представителем младшей ветви Сэцэн-ханов, потомков Чингисиды Гэрэсэндзэ, сына Даяна – последнего хана, объединившего всю Монголию. Гэрэсэндзэ выделил своим сыновьям семь отоков (племён), которые дали начало халхасцам – титульной нации современного государства Монголия.

Сэцэнханский аймак находился в восточной части Внешней Монголии, которая с конца XVII в. до 1911 г. была под властью цинских императоров. Сэцэн-ханы сохраняли собственный хошун (удел) на правах вассалов императора и возглавляли сейм правителей хошунов своего аймака. Наряду с Тушэту-ханами они считались «старшими» ханами во Внешней Монголии.

Наваннэрэн родился в семье тайджи (дворянина), безуспешно пытавшегося занять трон Сэцэн-ханов. После его смерти Наваннэрэна воспитывал дядя – правящий Сэцэн-хан Дэмчигдорж. Его отдали в монастырь, где он изучил тибетский, маньчжурский и китайский языки. Поскольку у Дэмчигдоржа не было собственных сыновей, в 1910 г. Наваннэрэн был интронизован в качестве Сэцэн-хана. Есть сведения, что сам он к этому особенно не стремился, однако некоторые считали его конкурентом. После интронизации его пытались отравить, но неудачно. После интронизации Наваннэрэн не только формально стал главой одного из аймаков Монголии, но и принимал активное участие в государственной деятельности.

Его деятельность пока исследована фрагментарно. Данные, опубликованные в Улан-Баторе по материалам монгольских архивов, а также ещё не введённые в науч-

ный оборот сведения из российских архивов позволяют сделать краткую реконструкцию его деятельности.

В июле 1911 г. Наваннэрэн был одним из представителей высшей знати Монголии, подписавших письмо царю Николаю II с сообщением о «новой политике» империи Цин (направленной на китайскую колонизацию страны) и с просьбой о помощи «как малому государству для защиты наших интересов»¹. Целью было провозглашение независимости. Но, по-видимому, не все удельные князья Сэцэнханского аймака разделяли это стремление. По сообщению китайской газеты «Шунь-тянь ши-бао» от 16 декабря 1911 г. со слов прибывшего из Монголии офицера, князья Сэцэнханского аймака заявили протест против этих действий, мотивируя его тем, что провозглашение независимости отдаст Монголию во власть России, её правительство лишит монголов всех привилегий: население Монголии малочисленное и умственно неразвитое².

29 декабря 1911 г. глава буддийской церкви Внешней Монголии – Богдо-гэгэн Джебцзундамба-хутухта VIII был интронизован как великий хан (Богдо-хан) независимой Монголии. Указом, изданным в тот же день, он даровал Наваннэрэну титул Махасамади Далай Сэцэн³. В 1912 г. Наваннэрэн стал вице-министром юстиции.

Согласно дневнику российского дипломатического представителя в монгольской столице И.Я. Коростовца, в 1913 г. монгольское правительство хотело командировать Сэцэн-хана в Петербург для закупки оружия для монгольских отрядов, выступивших в южном и восточном направлениях. Коростовец сказал, что в такой командировке нет надобности, поскольку в Петербурге уже находится князь Ханддорж (Ханда-ван), который занимается этими вопросами⁴.

Примечательно, что в депеше в МИД России от 7 февраля 1913 г. Коростовец описывал это несколько иначе. Монголы хотели командировать Сэцэн-хана, поручив ему «возбуждение вопроса о включении Внутренней Монголии в сферу действия Русско-монгольского соглашения. <...> Я ответил Сайн-нойону, что командировка Цэцэн-хана, во всяком случае, не изменила бы точку зрения русского правительства. <...> Что касается пограничных сеймов Внутренней Монголии, как, например, Чжеримский, Уланцаб, Силингол и другие, то мы не препятствуем монголам выступать там на защиту их соплеменников, но по изложенным раньше политическим и практическим соображениям не можем оказать активного содействия. <...> Монголы ввиду моих предупреждений отказались командировать Цэцэн-хана»⁵.

Таким образом, главным вопросом, как его поставил Коростовцу премьер-министр Сайн-нойон-хан Т. Намнансурэн, было воссоединение Внутренней Монголии с Внешней, причем монголы ссылались на Русско-монгольское соглашение 1912 г., где не было указано, касается оно всей Монголии, или только Внешней⁶. Ответ Коростовца Намнансурэну был вызван тем, что Россия была связана с Японией секретными соглашениями о разделении сфер влияния, по которым восток Внутренней Монголии входил в сферу влияния Японии, куда Россия не могла вмешиваться.

В 1914 г. впервые в Монголии было создано Государственное собрание (Улсын хурал) – прообраз парламента страны. Сэцэн-хан Наваннэрэн сыграл в этом важную роль⁷. В 1915 г. он стал министром юстиции.

В 1916 г. в Пекине находилась делегация во главе с Сэцэн-ханом. Согласно телеграмме российского посланника в Пекине В.Н. Крупенского от 4 февраля 1916 г., Сэцэн-хан прибыл в Пекин 24 января и ведёт какие-то оживлённые переговоры с китайцами. 1 февраля он был принят президентом Китайской республики Юань Шикаем, причем сделал ему девять земных поклонов⁸.

Китайцы утверждали, что это якобы было сделано по особому приказу Богдо-гэгэна, а китайцы были против поклонения. Такое поведение Сэцэн-хана произвело удручающее впечатление на тамошних монголов, говоривших, «что он потерял лицо и что монгольской автономии наступил конец». Президент пожаловал ему орден Тучного колоса⁹.

Затем Сэцэн-хан посетил Крупенского и заверил его, что прибыл поднести подарки от Богдо-гэгэна президенту и никаких переговоров с китайцами не ведёт. Наваннэрэн отметил также, что, получив от президента китайские ордена, не счёл возможным принять их и запросил разрешение Богдо-гэгэна. Наваннэрэн попросил Крупенского оказывать ему заступничество перед китайскими властями и давать советы¹⁰. На родину вместе с миссией Сэцэн-хана вернулся Егүзэр-хутухта – один из высших лам Халхи, арестованный в 1915 г. китайским карательным отрядом за то, что в его монастыре укрылся борец за независимость Монголии Шударга-Батор Бавужав¹¹.

В 1918 г. Центральный исполком советов Сибири, охваченной революцией, направил своих членов Я.Д. Янсона, П.Ф. Парнякова, Л.Д. Клейман-Муллера и переводчика Э.-Д. Ринчино через Кяхту в Монголию для закупок оружия и боеприпасов. Клейман-Муллеру и Ринчино удалось приобрести оружие у Сэцэн-хана¹². Это примечательно в том отношении, что в тот период правительство Внешней Монголии само нуждалось в оружии, причем Сэцэн-ханский аймак ещё недавно был ареной вооружённых столкновений монголов и китайцев.

В 1918 г. в столицу Внешней Монголии – Ургу был введён батальон китайских войск. Некоторые представители монгольской власти втайне от Богдо-хана вступили в переговоры с китайцами об отмене автономии. В 1919 г. Китай ввёл в Ургу дополнительные войска. 17 ноября 1919 г. представители монгольского руководства под давлением китайцев подписали заранее подготовленную последними «Коллективную петицию правительства, князей и лам Внеш-

ней Монголии» об отмене автономии. В числе подписантов был и министр юстиции – Сэцэн-хан Наваннэрэн¹³. Эту петицию затем направили Богдо-хану, но он отказался её заверить¹⁴. Следовательно, она не получила законной силы. Однако она была направлена китайскому президенту и использована при издании его указа об отмене автономии Внешней Монголии.

В середине 1920 г. из Урги в Пекин ездила делегация монголов к президенту Китая – формально, чтобы поздравить его. В ней был и Наваннэрэн. Делегация хотела добиться санкции президента о выводе китайских войск, но не достигла своей цели и осенью вернулась¹⁵.

В 1920 г. в Сэцэнханский аймак вошли из Забайкалья белогвардейские войска барона Р.Ф. фон Унгерн-Штернберга. Отсюда он двинулся к Урге и в октябре – ноябре попытался выбить из неё китайцев, но безуспешно. Судя по донесению сотрудника Дальневосточного секретариата Исполкома Коминтерна Ц.-И. Гочитского в Монголо-Тибетский отдел Секции восточных народов Сиббюро ЦК РКП(б) от 29 ноября 1920 г., Сэцэн-хан был арестован китайцами в числе других видных деятелей Монголии¹⁶. Это указание представляется ошибочным: монгольский историк и очевидец событий Н. Магсаржав в числе арестованных указывал не Сэцэн-хана Наваннэрэна, а Сэцэн-вана Гурсоронзон-Гомбосурэна¹⁷. Другой современник – Дилова-хутухта Джамсранжав тоже не приводит имени Сэцэн-хана в списке арестованных¹⁸.

Унгерн отвел свои войска в Сэцэнханский аймак и стал готовиться к новому штурму. По воспоминаниям очевидцев, он установил контакты с князьями ряда хошунов этого аймака¹⁹. Феодалы Дугаржав-мэрэн и Лувсанцэвэн-тайджи отправили Наваннэрэну и ряду чиновников его аймака письма о мобилизации. Они тайно совещались и решили, что каждый должен собрать в своём хошуне молодых людей и мобилизовать солдат. По хошунам были изданы приказы, чтобы люди соединились у Лувсанцэвэна и Дугаржава, и чтобы каждый мо-

билизовал своих людей, палатки, лошадей, провизию, тёплую одежду и всё, что удастся собрать²⁰.

На заседании президиума и Дальневосточного отдела Коминтерна 10 февраля 1921 г. отмечалось, что Унгерн, объявив себя монгольским подданным, открыл боевые действия против китайских оккупантов в контакте с видными представителями монголов, среди которых был Сэцэн-хан²¹. Эти данные подтверждают вывод о том, что Сэцэн-хан Наваннэрэн не был арестован китайцами.

После революции 1921 г., когда к власти пришла поддержанная большевиками Монгольская народная партия²², Наваннэрэн продолжал занимать высокие должности. Он был назначен главой сейма аймака Хан-Хэнтэй-ула (так в 1924 г. был переименован Сэцэн-ханский аймак), членом правительства страны – Малого хурала. С 1922 по 1925 г. Наваннэрэн занимал один из ключевых министерских постов Монголии – министра внутренних дел²³. В постановлении правительства Монголии о дзасаках (владельцах князьях) в 1923 г. Сэцэн-хан был приведён в пример как один из князей, «выявивших себя добрыми патриотами и преданными новому государственному строю и Богдо-хагану», которых «правительство отличило и призвало на ответственные посты»²⁴.

Сохранились сведения, что он глубоко вникнул в дела МВД: например, только во второй половине 1925 г. лично принимал участие в принятии решений по 220 организационным вопросам. В этот период по линии его министерства был проведён ряд мер, выработанных революционным правительством: перепись населения и скота, на основе которой определялось налогообложение; меры по ограничению прав бывших феодалов, правила местной администрации и др.

Зимой 1924 г. Наваннэрэн объявил о желании сложить с себя титул хана. Об этом было торжественно объявлено 27 февраля 1924 г. на праздновании годовщины МНП²⁵. В марте 1924 г. он написал заявление с

просьбой освободить его от должности министра внутренних дел и снять феодальные титулы, объясняя это ухудшением здоровья. Его заявление рассмотрел президиум ЦК МНП и постановил не снимать с должности министра, но снять звание дзасак-дарга и титул чин-ван. 7 марта 1924 г. это решение одобрили ЦК МНП и пленум правительства. Так по желанию Наваннэрэна был уничтожен титул халхаского Махасамади Далай-Сэцэн-хана, просуществовавший 277 лет – с 1627 г.

В связи с предстоящим I Великим народным хуралом в августе 1924 г. прошел III съезд МНП. На нём был заслушан доклад МВД и правительства. Так как Наваннэрэн не был членом партии, доклад зачитал Дэндэв²⁶.

В ноябре 1924 г. Наваннэрэн принял участие в работе I Великого народного хурала МНР. В первый день заседаний он поднёс председателю специально изготовленную печать Хурала, затем выступил с пространным докладом. Основные положения этого доклада следующие. Раскладка повинностей в период автономии (до революции 1921 г.) по данным тогдашней переписи была неправильна, потому проведена новая перепись. По её результатам Наваннэрэн привёл подробные данные о численности населения и скота каждого аймака Монголии. Общая численность населения – 474 798 чел. Прежде чем провести новую раскладку податей, МВД планирует созвать съезд уполномоченных аймаков и шаби (ведомств мирских учеников при монастырях), чтобы совместно обсудить, где следует сократить и где прибавить подати. Раскладывая повинности на аймаки и шаби, правительство поставит целью облегчить повинности трудящихся. Подробно изложены возможности сокращения прав и расходов Великого шаби (ведомства недавно скончавшегося монарха – Богдо-гэгэна VIII). От нескольких аймаков получены предложения об обложении населения повинностями, о предотвращении голода в результате стихийных бедствий.

В докладе сообщается также об ограничении пользования уртонной (почтово-транс-

портной) службой в целях экономии средств, о рассылке на места газет правительства и МНП, об ограничении прав феодалов (из которых ко времени съезда с себя добровольно сложили титулы 69 человек, в том числе Наваннэрэн); о благотворности республиканского строя, «и поскольку мы, будучи под гнётом прежних деспотов, гонявшихся за получением чинов и званий, теперь освободились от этого и узнали суть мирового революционного движения, поскольку мы с отворачиванием отвернулись от отличительных званий, от шариков на шапках, павлиньих перьев и тому подобных пережитков первобытных времен – постольку настала пора во все отменить и упомянутое положение, заменив его чем-нибудь доподлинно народным. Обсудив этот вопрос, Правительство решило: отличившихся в чем-либо граждан, по примеру иностранных государств, награждать "Эрдени-Одо" (драгоценной звездой). Министерством внутренних дел и военным министерством, во исполнение решения правительства, будет представлен правительству проект формы наградной звезды». Предложены меры регулирования использования пастбищ аймаками и шаби, причем рекомендовано запретить местным властям жертвовать земли монастырям. Кроме того, МВД выработало положение о городском самоуправлении в Урге; в первый месяц 1924 г. последнее было организовано и успело выработать план города, его очистку от мусора и нечистот; собирается открыть больницу для бедных. В добавлении к докладу говорится о выделении дел просвещения из ведения МВД и создании министерства просвещения, о сборе у феодалов печатей, выданных в период автономии, и рассылке аймачным управлениям печатей «с новыми наименованиями аймаков, не по имени их прежних владельцев, а по названию окрестных гор и рек»; о запрете свободного перехода из одной административно-территориальной единицы в другую в связи с введением местного самоуправления и районированием. Среди кандидатов в члены Малого хурала был Наваннэрэн. Большинство голосов он был избран²⁷.

Э.-Д. Ринчино – эмиссар большевиков, имевший большую власть в Монголии (председатель реввоенсовета, член ЦК МНП, член президиума правительства, Великого и Малого хуралов), ещё в 1922 г. отмечал, что Сэцэн-хан «замечателен тем, что первым из крупных феодалов пошёл навстречу народному правительству, создал у себя в хошуне народное собрание и содействовал образованию ячейки Союза революционной молодежи. Вообще же за последние месяцы деятельности правительства было заметно желание этого князя помогать и содействовать всем мероприятиям правительства. Но тем не менее искренность Сэцэн-хана, его демократизм находятся под сомнением. Привлечение Сэцэн-хана на сторону нового правительства имеет пока что большое значение, ибо князя Сэцэн-Хановского аймака, если не все, то в большинстве своём идут за Сэцэн-ханом – главным князем (или великим князем) аймака. Поддержка или по крайней мере благожелательный нейтралитет значительной группы феодалов имеет большое значение для укрепления народного правительства, которое ещё не успело приобрести широких и органических корней в трудовых массах. Сэцэн-хан, кроме того, известен своим содействием Унгерну в начале его деятельности, но он, или узнав о внутренней аванюре Унгерна, или по другой причине совершенно отошёл вскоре после взятия Урги от всех унгерновских начинаний»²⁸.

Харизма Сэцэн-хана среди монголов сохранялась и дальше. Заведующий информационным отделом полпредства РСФСР в Урге И.И. Генкин (В.Г. Дадияни) в 1924 г. сообщал, что монгольские ханы окружены «особым ореолом», так как ведут своё происхождение от Чингиса, причем «один Сэцэн-хан сочувствует, так или иначе, в той или иной степени, новым порядкам, и даже состоит министром внутренних дел теперешнего правительства»²⁹. В том же году из всех ханов Внешней Монголии он первым отказался от ханского титула, «от звания владетельного князя и даже от должности министра внутренних дел»³⁰.

Тем не менее, Начоблотдела ОГПУ Абрамов, врид. начсоч. Коркин и Начвостотделения Балдаев по сведениям от монгольской резидентуры доносили полномочному представителю ОГПУ по ДВЛ Альпову, что «в данный момент главной политической силой Монголии выступает группа феодалов (Ц. Дорчжи, Цэцэн-Хан) в союзе с нарождающейся буржуазией (Д. Данзан), в противовес которой стоит и вся рядовая бедняцкая масса, объединённая в НРП»³¹.

В то же время в ЦК МНРП обсуждалась возможность командирования Сэцэн-хана или министра юстиции во Внутреннюю Монголию для организации там революционной работы³².

В 1925 г. Китай посетила делегация МНР во главе с представителем Коминтерна в МНР Т.Р. Рыскуловым, прибывшая для переговоров с милитаристом Фэн Юйсяном. Делегация встречалась и с находившимся там Панчен-ламой. Делегаты говорили Панчен-ламе о желании населения Монголии, чтобы он приехал, об отрицательном отношении к китайцам. Функция Наваннэрэна в делегации состояла в том, чтобы пригласить Панчена в МНР. По словам Наваннэрэна, смысл этого в том, чтобы Панчен-лама помог в привлечении к революционной деятельности народов Барги и Внутренней Монголии. Он несколько раз встречался и беседовал с Панчен-ламой. При первой встрече он вручил Панчену приглашение от правительства МНР. Тот ответил, что в этот раз приехать не сможет, может быть, позже. Наваннэрэн обсудил несколько вопросов и с советским послом. Посол сказал ему, что по приглашению Чжан Цзолиня Панчен-лама собирается в Мукден – пусть монголы удержат его от этой поездки. На следующей встрече с Панченом Наваннэрэн предложил ему отложить поездку в Мукден и приехать в МНР. Панчен-лама сказал, что подумает, но уже принял приглашение. Позже он ездил в Мукден³³, но не в МНР. Делегация привезла в ЦК МНРП письмо Панчен-ламы, где он писал о давнем желании побывать в Монголии. Все переговоры монголов проходили под контролем советских представителей³⁴.

Жена Наваннэрэна не родила ему сына, он с ней развёлся. В конце ноября 1925 г. он всё-таки сумел сложить с себя должность министра внутренних дел и стал ламой в монастыре Гандантэгченлин в Улан-Баторе под монашеским именем Юндэнбазар. Тогда Лувсанхаймчиг – ёнзон-хамбо (учитель Богдо-гэгэна) из монастыря Дзун-хурэ, уважая его как бывшего тойна (монаха из аристократов) в монастыре Сэцэн-хан-хурэ, предложил ему должность вице-хамбо. Но Наваннэрэн отказался и семь лет был простым ламой. Он уехал из Улан-Батора в свой бывший аймак. В период «левого уклона» (1929–1932 гг.) его приводили как «плохой пример» того, кто смешивает дела религии и государства. В этот период МНРП провела кампанию конфискации имущества «мирских и церковных феодалов». Дом и прочее имущество Наваннэрэна конфисковали³⁵.

В «Выписке из хроники консула СССР в Баян-Тумэн-Хан-ула» приводится его долгая беседа с Наваннэрэном в 1929 г. Этот примечательный документ стоит дать полностью.

«23-е октября. Сегодня случайно встретился у зав. палаткой Стормонга с бывшим аймачным князем Цэцэн-ханом, с которым беседовал приблизительно с полчаса на различные темы на монгольском языке. В СТМ-ге он бывает, как выясняется, довольно часто за различными покупками. Торгуется всегда за наличные. Одет в ламский костюм. По возрасту ему лет так приблизительно 45, не больше. Из короткой беседы с ним я вынес впечатление, что фигура эта обладает недюжинным умом и способностью ориентироваться в обстановке. После традиционной приветственной части нашего разговора с ним, в которой он счёл своим долгом спросить о "благоденствии трудящихся Советского Союза" (ранее князья монгольские всегда спрашивали у русских о здоровье "белого царя", но Цэцэн-хан уже счёл невозможным показать себя профаном в мировых событиях), я затронул тему о его ламском положении, дабы вызвать его на разговор о причине, заставившей его пойти в мо-

настырь. Мне удалось заставить его заговорить на эту тему, и он высказался в таком приблизительно духе: "После провозглашения Правителем Многими Возведённого (Богдо) я занимал довольно высокие посты, и мы искренне верили в возможность создания из всех монгольских племен своей государственности. Но вскоре мы убедились, что создание самостоятельного государства целиком зависит от отношения к нам сильнейших соседей – Китая и России. В годы мировой войны России, по-видимому, было не до нас, монголов, и Китай воспользовался случаем и постарался ликвидировать все наши права, взятые нами в первые дни китайской революции. Однако Великая Революция в России не могла пройти бесследно для нашей маленькой Монголии, и наш народ воспрянул духом в надежде, что он встретит надлежащую поддержку со стороны революционного народа России, и он не ошибся в этом – Монголия опять стала свободной и самостоятельной страной, но хозяином на этот раз уже выступил сам многочисленный народ, и мы сразу же почувствовали, что руководить новым строительством страны мы неспособны.

Хотя в первые дни провозглашения независимой революционной Монголии я ещё занимал высшие руководящие посты, был министром внутренних дел, но, когда окончательно уже выяснилось, что мы не только неспособны руководить государственностью в таком духе, в каком желательно многочисленным массам и революционной партии, но по своей привычке мы можем совершенно неправильную делать установку государственного строя. История с Бодо и Данзаном меня заставила основательно задуматься над будущим Монголии, и я пришёл к выводу, что если мы неспособны воспринять новых революционных идей и быть полезными трудовому народу, то мы не должны и препятствовать развитию своего народа. Пусть он строит свою государственность и развивается так, как признает для себя наиболее полезным. Это было моё отречение от светской жизни, но я искренне признаю наши духовные идеалы и поэтому

решил посвятить остальную свою жизнь служению этим идеалам. Вот та причина, которая толкнула меня на этот путь – на путь служения алтарю" – в скромной, довольно выдержанной форме высказался Цэцэн-хан. Далее в беседе с ним мне удалось выяснить, что он получил наследство от бывшего до него Цэцэн-хана не по восходящей линии родства, а по нисходящей. У старого Цэцэн-хана прямых наследников, детей, оказывается, не было. Этот был, оказывается, каким-то дальним родственником старого Цэцэн-хана и получил наследство по назначению его бывш[им] императорским правительством Маньчжурской династии, будучи ещё молодым "тайчей" (дворянское звание). Сам он детей тоже не имеет. С женой развёлся перед посвящением своим в ламы. Жена в данный момент живёт тут же в Ундурхане. Имущество ими было поделено пополам. "Сейчас это имущество, как моё, так и бывшей моей жены, на основании закона о конфискации имущества у феодалов описано местными властями и, по-видимому, будет изъято из нашего владения", – подчеркнул Цэцэн-хан. На мой вопрос: "Не протестуете против изъятия Вашего имущества?" [он ответил:] "А какой толк в протесте? Разве с нашим протестом будет кто-либо считаться? Вы видите, какое настроение у широких аратских масс, которые определённо признают действия правительства правильными. Тут никакого разговора с нашей стороны не может быть. Глупец только может сейчас выступать с каким-то протестом. Вся сила на стороне руководящей партии и нынешнего правительства. Я лично своё имущество намерен был передать на религиозные нужды, но, поскольку этого не сделал раньше, то сейчас уже не о чем говорить", – в таком духе ответил мне Ц[эцэн]-хан.

Далее мне удалось выяснить, что нынешним летом он был в Сан-бэйсэ под предлогом, что намерен был поехать на лечебные горячие пары, которые находятся в 10-ти километрах от Сан-бэйсэ у советско-монгольской границы, но власти не позволили ему туда проехать. Этот случай мне не был

известен до сего времени. За этот самовольный выезд из Ундурхана его, оказывается, подвергли даже аресту на несколько дней. Факт заслуживает внимания, который показывает, что его марка значительно понизилась в глазах местных властей. Население этого случая, конечно, не могло не заметить. После конфискации имущества его авторитет, безусловно, ещё сильнее понизится.

Характерно отметить, что он всегда, говорят, ходит в сопровождении одного или двух лам. На этот раз его сопровождал один лама, который на нашей беседе не присутствовал, но в комнату, где мы с ним сидели вдвоём, этот лама несколько раз заглянул в двери и напоминал ему, что не пора ли идти домой. Создается впечатление, что со стороны ламства за ним установлен тоже надзор или охрана.

Также характерно и то, что он ни одного вопроса политического характера не задал мне, кроме того, что в вышеприведённом разговоре он подчеркнул о влиянии революции в России на монгольский народ. Здесь, по-видимому, не забыта им азиатская тактика "дипломата" – сначала расположить противную сторону в свою пользу и затем начать на неё наступление. Единственно, что спросил он у меня – это относительно монгольского языка, которым я обладаю: "Вы на нашем языке так прекрасно говорите. По-видимому, долго уже проживаете в Монголии?" Я ему ответил, что ранее по найму продолжительное время работал в пределах Монголии, сделав пояснение, что "по происхождению я крестьянин, а так как власть в нашем Советском Союзе находится в руках рабочего класса и крестьянства, то и на мою долю выпало работать там, где я наиболее могу полезно работать для трудового народа".

Тип Цэцэн-хана, как старого степного аристократа, игравшего видную роль в Монголии до начала XX века (при маньчжурском дворе Цэцэн-ханы, как гласит история, представляли собой одного из главнейших представителей Монголии и якобы играли там видную роль), представляет из себя в данный момент и исторической интерес и,

главное, очень важно более точно выяснить его роль влияния на аратские массы как фигуры, перед которой несколько лет тому назад араты ползали и не смели на него подымать свой взор, как на простого смертного. Сейчас этот повелитель 120 тысяч населения восточного аймака представляется покорной овечкой, но, по-моему, его всё-таки не следовало бы оставлять в этом районе под маской безобидного ламы. Оберегают его ламы не даром. Эта фигура, пожалуй, представляет из себя одну из самых главных фигур из старых феодалов Монголии, тем более что он, как видно, обладает недюжинным умом и способностью себя вести тактично при сложной для него обстановке. Его повествования очень характерны, ибо он отлично понимает, что в ином духе со мной нельзя говорить. У меня создаётся впечатление, что вокруг этой фигуры могут группироваться все контрреволюционные элементы восточного района МНР»³⁶.

Эта записка показывает, что даже выражение бывшим феодалом своей полной лояльности революционным властям МНР трактовалось их большевистскими кураторами как скрытая контрреволюционность – даже если никаких доказательств этого у них не было.

После окончания «левого уклона» в 1932 г. на несколько лет давление на религию в МНР уменьшилось. Премьер-министром стал П. Гэндэн. Ожидая назначения на эту должность, он говорил, что Наваннэрэн – человек надёжный и его надо поставить на высокий пост в Учёный комитет (будущая АН Монголии). Наваннэрэна (под монашеским именем Юндэнбазар) назначили заместителем директора Учёного комитета. Но вскоре на МНР перекинулся «большой террор» из СССР. В 1936 г. Наваннэрэна внезапно сняли с поста замдиректора Учёного комитета и направили на работу в главное управление кооперативов. Ему вновь стали припоминать феодальное происхождение. Например, премьер-министр А. Амар писал 14 марта 1937 г., что раньше такие церковные и светские феодалы, как Манджушрихутухта и Сэцэн-хан, эксплуатировали мон-

гольский народ, а теперь ходят на свободе. П. Гэндэн писал, что Наваннэрэн был большим феодалом, а благодаря революции получал привилегии³⁷.

Вскоре – 24 ноября Наваннэрэна отстранили от работы в кооперативе. Теперь конфисковали и то небольшое имущество, что ему тогда дали. Он стал просить городскую администрацию Улан-Батора дать ему хоть какую-то работу. В итоге один из образованнейших людей Монголии – бывший хан, министр, заместитель директора будущей Академии наук, лама, знавший несколько языков, смог стать лишь сторожем дровяного склада в местности Старый Модочин у п. Амгалан-Батор (сейчас Баян-Дзурх) на окраине Улан-Батора. Юрта при этом складе стала его последним жилищем³⁸. Судьба распорядилась так, что именно здесь в феврале 1921 г. произошли первые успешные бои с китайскими оккупантами за Ургу войск барона Унгерна, которому Наваннэрэн оказал важное содействие в мобилизации монгольских солдат³⁹.

24 августа 1937 г. в МНР прибыли выскопоставленные чекисты: М.П. Фриновский – замнаркома внутренних дел Н.И. Ежова, руководитель главного управления государственной безопасности НКВД СССР и один из организаторов «большого террора» в СССР, П.А. Смирнов – начальник политуправления Красной Армии и С.Н. Миронов – бывший начальник УНКВД по Западно-Сибирскому краю, назначенный полпредом в МНР. 28 августа они передали в МВД МНР список из 115 человек. В этом «списке Фриновского» под № 67 значится Сэцэн-хан Наваннэрэн, который работает «в Монкоопсоюзе. По показаниям Мелькова (рус.) и Дамдинсурэна от 1934 года видно, что Цэцэн-хан Наваннэрэн, начиная с 1927 года, руководил работой японской разведки и организовывал её среди арат и ламства. Также из показаний обвиняемого по делу гендуновской к-р организации Самдана видно, что он (Цэцэн-хан) имел близкую связь с Гендуном [Гэндэном] и потому он должен быть замешан в делах Гендуна»⁴⁰.

Наваннэрэн был арестован 12 сентября 1937 г. по ордеру №25, подписанному министром внутренних дел МНР Х. Чойбалсаном, проводившим в Монголии сталинский курс. Основанием для ареста послужили следующие подозрения: раньше Наваннэрэн был одним из крупных феодалов, в период автономии проявил большую активность по подписанию договора трёх государств, который способствовал вхождению Монголии в Китай⁴¹, имел много китайских наград. Из документов допроса следует, что 12 сентября 1937 г. и на двух следующих допросах он свою вину не признавал, но 17 сентября на третьем допросе признал, что был членом контрреволюционной группы Гэндэна, установил связь с контрреволюционными ламами монастырей Гандантэгченлин и Дзун-хурэ, а когда работал в Учёном комитете, всячески препятствовал изучению истории Монголии и изданию научных трудов. Ему инкриминировали измену родине, шпионаж, диверсионную деятельность. По этим обвинениям его признали виновным и 25 октября по постановлению заседания Чрезвычайной полномочной комиссии расстреляли⁴².

Эти обвинения были фальсифицированными – за исключением того, что Наваннэрэн когда-то был крупным феодалом, а затем был связан с П. Гэндэном и ламами, в том числе – ёнзон-хамбо Лувсанхаймчигом. Наваннэрэн не участвовал в тройственных переговорах в Кяхте в 1915 г.⁴³ Фигурантам процесса по сфабрикованному делу «гэндэно-дэмидовского заговора» инкриминировали вредительство, диверсии, подготовку убийств руководителей МНРП и восстания. Гэндэн был расстрелян в СССР, Дэмид умер там же «от пищевого отравления». Чекисты заявляли о связи этого «заговора» с ещё одним сфабрикованным ими делом – «контрреволюционным центром» лам во главе с ёнзон-хамбо Лувсанхаймчигом и другими, якобы стремившимися свергнуть власть МНРП⁴⁴.

Доказательная база, как и в аналогичных случаях в СССР, строилась на «признаниях» обвиняемых. Метод получения таких «признаний» описал сам Фриновский в заявлении от 13 марта 1939 г. (после того как аре-

стовали его самого): «Следственный аппарат во всех отделах НКВД разделён на "следователей-колольщиков", "колольщиков" и "рядовых" следователей. <...> "Следователи-колольщики" были подобраны в основном из заговорщиков или скомпрометированных лиц, бесконтрольно применяли избивание арестованных, в кратчайший срок добивались показаний. <...> Группа "колольщиков" состояла из технических работников. Люди эти не знали материалов на подследственного, а посылались в Лефортово, вызывались в Лефортово и приступали к избиванию. Избивание продолжалось до момента, когда подследственный давал согласие на дачу показания. <...> При таких методах следствия подсказывались фамилии. По-моему, скажу правду, если, обобщая, заявлю, что очень часто показания давали следователи, а не подследственные»⁴⁵. По воспоминаниям сотрудника МВД МНР времен Чойбалсана, такие методы применялись и там: советский инструктор «Гочиков» (Кичиков) «всегда говорил, что преступников надо избивать, чтобы они заговорили. Если их избивают, они говорят правду»⁴⁶.

Сама Чрезвычайная полномочная комиссия в МНР – «тройка» – была результатом решения политбюро ЦК ВКП(б) №П53/106 от 19 сентября 1937 г., в котором говорилось: «Принять предложение т. Фриновского об организации специальной тройки в составе Чойбалсана, министра юстиции и секретаря ЦК МНРП для рассмотрения дел на монгольских лам»⁴⁷. Вскоре эта «тройка» была создана на основании совместного постановления Малого Хурала и Совмина от 2 октября 1937 г.⁴⁸

Так закончилась жизнь одного из высших аристократов Монголии, который предпочитал сотрудничать с институциями, обладавшими в то или иное время реальной властью там, стараясь выполнять свою работу добросовестно на благо своей страны так, как оно им понималось. Такая тактика оказалась неэффективной в обстановке ненависти по признаку принадлежности к социальной группе бывших феодалов, созданной в Монголии по указаниям ВКП(б).

Сэцэн-хан Наваннэрэн был реабилитирован 28 июня 1991 г.⁴⁹ В 2010 г. в Улан-Баторе состоялась научная конференция, посвящённая 100-летию со дня его интронизации в качестве хана⁵⁰, к ней была приурочена выставка в Монгольском национальном историческом музее.

Примечания

¹ Батсайхан О. Монголо-русское соглашение о дружбе 1912 г. // Восток. 2009, № 3. С. 60. Автор выражает благодарность О. Батсайхану за содействие в получении некоторых монгольских материалов.

² Архив внешней политики Российской Империи (АВПРИ). Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 313, Китайская пресса о Монголии, 1910–1914 гг. Л. 58.

³ Батсайхан О. Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. Улаанбаатар: Адмон. 2011. С. 142.

⁴ Коростовец И.Я. Девять месяцев в Монголии. Дневник русского уполномоченного в Монголии. Август 1912 – май 1913 г. Улаанбаатар. 2009. С. 279–280.

⁵ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3083. Л. 128–129.

⁶ Подробнее см.: Кузьмин С.Л. Русско-монгольское соглашение 1912 г. и независимость Монголии // Вестник МГПУ. Сер. Ист. н. 2015. № 1. С. 80–87.

⁷ Бат-Очир Л. Халхын хаадын төгсгөл (Сэцэн хан Навааннэрэн <Юндэнбазар>-ын цадиг оршивай. Улаанбаатар. 2001. 1–110; Тачибана М. Монголын мартагдсан түүх. Богд хаант засгийн газар (1911–1921). Улаанбаатар. 2011. С. 18–19; Хишигт Н. Монголын хувьсгал 1921. Улаанбаатар. 2011. С. 76.

⁸ Коутоу – тройное коленопреклонение с девятикратным челобитьем. Этот обряд надлежало совершать перед особой императора, но не перед президентом.

⁹ АВПРИ. Ф. Китайский стол. Оп. 491. Д. 3081. Л. 177.

¹⁰ Международные отношения в эпоху империализма. Сер. 3. Т. 10. М., 1938. С. 264–265.

¹¹ Одбаяр О. Зүүн хязгаарын монголчуудын Егүзэр хутагт Ж. Галсандаш. Улаанбаатар: Бэмби-сан ХХК. 2012. С. 32–36.

¹² Даревская Е.М. Три портрета – три судьбы: исторические очерки. Улан-Батор: Агиймаа. 1997. С. 137.

¹³ АВПРИ. Ф. Миссия в Пекине. Оп. 761. Д. 1548. Л. 282–283; Түүхийн хүрээлэнгийн архив, Монгол Шинжлэх Ухааны академи, г. Улан-Батор. Ф. 22. Түүхэн баримтууд. Тал 256–258.

¹⁴ Лонжид З. [Богдо-хан и монгольская историография 1915–2004 гг.] // XX зууны монголын түүхийн судалгаа, түүх бичлэгийн зарим асуудал. Улаанбаатар. 2005. С. 56; Батсайхан О. Монголын сүүлчийн эзэн хаан VIII Богд Жавзандамба. С. 490.

¹⁵ [Diluv Khutagt] Lattimore O., Isono F. The Diluv Khutagt: Memoirs and Autobiography of a Mongol Buddhist Reincarnation in Religion and Revolution // Asiatische Forschungen. 1982. Bd. 74. P. 100–105.

¹⁶ Монголия в документах Коминтерна. Ч. 1 (1919–1929). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. С. 53.

¹⁷ Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх. Улаанбаатар: Түүхийн хүрээлэн ба Монгол Улсын Засгийн газрын архив. 1994. С. 176.

¹⁸ Diluv Khutagt. P. 105.

¹⁹ Князев Н.Н. Легендарный барон // Легендарный барон. Неизвестные страницы гражданской войны. М.: КМК, 2004. С. 49.

²⁰ Магсаржав Н. Монгол улсын шинэ түүх. С. 179–182.

²¹ Монголия в документах Коминтерна. Ч. 1 (1919–1929). С. 60.

²² МНП, позже Монгольская народно-революционная партия – МНРП.

²³ Халхын Сэцэн хан аймгийг угсаа залгамжлан захирсан Ханууд. – <http://dornod.net/r/18361>

²⁴ Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 495. Оп. 152. Д. 18. Л. 24–25.

²⁵ Ургинская газета. 29.02.1924. № 47. С. 1.

²⁶ Бат-Очир Л. Указ. соч. С. 58–59, 66, 71.

²⁷ Новая Монголия. Экономико-политическое и культурное состояние страны. Протоколы 1-го Великого хуралдана МНР. 1925. Улан-Баторхото. С. 1–276.

²⁸ Ринчино Э.-Д. О Монголии. Улан-Удэ. 1998. С. 132–133.

²⁹ Архив внешней политики Российской Федерации (АВПРФ). Ф. Референтура по Монголии. Оп. 7. Пор. № 11. Папка 2. Бюлл. № 4 Полномочного представительства СССР в Монголии, 1924 г. Л. 294.

³⁰ АВПРФ. Ф. Референтура по Монголии. Оп. 5. Д. 11. Папка 108. Бюлл. № 8 Полномочного представительства СССР в Монголии, 5 апреля 1924 г. Л. 54; РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 29. Л. 117а.

³¹ Базаров Б.В., Жабаяева Л.Б. Бурятские национальные демократы и общественно-политическая мысль монгольских народов в первой трети XX века. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. 2008. С. 337.

³² РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 251.

³³ Бат-Очир Л. Указ. соч. С. 69.

³⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 33. Л. 19–36; Д. 39. Л. 42–43.

³⁵ Бат-Очир Л. Указ. соч. С. 70.

³⁶ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 91. Л. 16об.–17об.

³⁷ Бат-Очир Л. Указ. соч. С. 76–77.

³⁸ Там же. С. 77–78.

³⁹ Подробнее об этих боях см.: Кузьмин С.Л. Захват китайских передовых позиций под Ургой войсками барона Р.Ф. Унгерна в 1921 г. // Владимирцовские чтения – VI. Москва, 2017. С. 108–125.

⁴⁰ Публикация списка: *Улс төрийн талаар хэлмэгдэгсдийн дурсгал. Цагаан ном*. Тэргүүн боть. Улаанбаатар. /ред. М. Ринчин. 1993. С. 130–136.

⁴¹ Имеется в виду Китайско-русско-монгольское соглашение 1915 г.

⁴² Бат-Очир Л. Указ. соч. С. 77–78.

⁴³ Ширендыб Б. 1960. История Монгольской народной революции 1921 г. Дис... докт. ист. н. М.: Ин-т востоковедения АН СССР. С. 148.

⁴⁴ РГАСПИ. Ф. 495. Оп. 152. Д. 156. Л. 32–40. Об этом «центре» подробнее см.: Кузьмин С.Л. «Контрреволюционный центр» в Монголии в 1930-х гг. // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2014. № 4 (30). С. 3–13.

⁴⁵ Лубянка. Сталин и НКВД – НКГБ – ГУКР «Смерш» 1939 – март 1946. Архив Сталина. Документы высших органов партийной и государственной власти. Москва, 2006. С. 45–46.

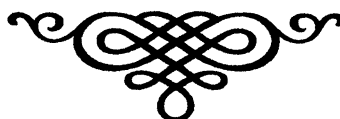
⁴⁶ Jerryson M. Buddhism and the Mongolian People's Republic: the Remaking of Cultural Identity // Northern Buddhism and History. Kathmandu. 2008. P. 176.

⁴⁷ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 162. Д. 22. Л. 7.

⁴⁸ Kaplonski Ch. The Lama Question. Violence, Sovereignty, and Exception in Early Socialist Mongolia. Honolulu: University of Hawaii Press. 2014. P. 208.

⁴⁹ Болдбаатар Ж. Монгол түмний сод хүмүүс. Улаанбаатар. 2015. С. 250–258.

⁵⁰ Байгалмаа И. Сэцэн хан Навааннэрэнгийн 100 жилийн ойг тэмдэглэв. – <https://www.news.mn.id=41877>

В.В. Беляков

УЧРЕЖДЕНИЕ СОВЕТСКОЙ МИССИИ В ЕГИПТЕ

26 августа 1943 г., 75 лет назад, были установлены дипломатические отношения между СССР и Египтом. В конце октября в Каир прибыл второй секретарь миссии Абдурахман Султанов, а 23 ноября – глава миссии Николай Новиков. Из-за болезни короля Фарука верительные грамоты были вручены ему только 25 декабря. С этой даты советская миссия стала работать уже официально.

Египетская печать с большим интересом встретила прибытие советской миссии. Дипломатических отношений с Советским Союзом не было больше четверти века. Никто в Египте, кроме группы русских эмигрантов, не знал нашего языка. Всю без исключения информацию об СССР или сотрудниках миссии, нередко искажённую, местная печать брала из англоязычных газет. Так, например, газета «Аль-Масри» сообщала, что «посланнику всего 30 лет», а журнал «Руз аль-Юсеф» писал, что для работы в миссии «прибыли 70 сотрудников». Внимание к советским дипломатам было повышенным. Об этом говорит и подборка откликов египетской печати на открытие советской дипломатической миссии в Каире.

Отклики египетской прессы на приезд членов советской миссии в Каир

Египетские газеты радушно встретили прибытие членов советской миссии в Каир.

Газеты «Аль-Масри», «Аль-Мокаттам», «Аль-Ахрам», журналы «Ахер Саа», «Аль-Иткейн», «Аль-Мусаввар», «Руз аль-Юсеф», «Аль-Масри Эфенди» и другие почти ежедневно помещали какое-либо сообщение о миссии СССР в Каире.

Сообщая краткое сведение о приезде секретаря миссии тов. Султанова, вафдистская газета «Аль-Масри» от 16 ноября

1943 г. подчеркнула наличие в СССР различных народностей, в том числе и мусульманских народов, «пользующихся свободой вероисповедания, как и другие народы СССР, и борющихся против фашистских агрессоров плечом к плечу со всеми остальными народами, населяющими Россию».

Приезд миссии Советского Союза в Египте во главе с тов. Новиковым был долго предметом внимания всех арабских газет и журналов.

Почти все газеты, в том числе и выходящие на французском языке, помещали краткие биографические сведения о советском посланнике.

Так как тов. Новиков долго не принимал журналистов, многие из них, как ведётся среди буржуазной журналистики, высасывали сведения из собственных пальцев и преподносили как умели.

Сообщая о визите тов. Новикова к Нахас-паше 27/XI-43 г., «Аль-Масри» сообщала, что посланнику всего 30 лет и что он преподавал в Институте восточных языков.

А журнал «Руз аль-Юсеф», например, преподнес сенсацию, что якобы «все сотрудники миссии подобраны из лиц, хорошо владеющих арабским языком, и что до сих пор их прибыло 70 человек!»

Тот же журнал «Руз аль-Юсеф» в первые же дни пребывания в Каире тов. Султанова время от времени выступал с вымыслами вроде того, что тов. Султанов якобы в такой-то день, такой-то час «совершил пятничную молитву в мечети Кохья на площади Оперы».

Журнал же «Аль-Иткейн» от 29 ноября 1943 г. поместил беседу своего корреспондента с тов. Султановым о роли женщины в СССР во время отечественной войны как статью самого тов. Султанова.

Хотя содержание статьи и было весьма хорошее – роль женщины в тылу и на фрон-

те отечественной войны, забота государства и общественных организаций о детях вообще и детях фронтовиков, в особенности сиротах, роль детских учреждений в эмансипации женщин – однако отдельные формулировки корреспондента неизбежно отражали его недостаточную осведомлённость в этих вопросах и тов. Султановым в письменной форме было обращено внимание редактора журнала на недопустимость печатания беседы с корреспондентом под видом статьи тов. Султанова.

После вручения тов. Новиковым верительных грамот королю ряд газет и журналов поместили на своих страницах снимки посланника и ответственных сотрудников миссии и пространные отзывы о церемонии вручения верительных грамот королю Фаруку.

Корреспондент газеты «Аль-Масри», передавая свою беседу с тов. Новиковым непосредственно после вручения верительных грамот королю, не смог обойтись без пышных фраз возвеличения короля и церемонии вручения вроде «я не в состоянии выразить чувства восхищения великолепием...», которые вовсе не высказывались.

Как на пример дешёвой погони за сенсацией надо указать на то, что ряд газет на следующий день вручения верительных грамот королю поместили сообщения своих корреспондентов о том, что якобы, выйдя из дворца, тов. Новиков заявил журналистам, что он «восхищён великолепием приёма и что нашел Е.В. короля действительно великим».

Тов. Новикову при последующем визите к премьеру Нахас-паше пришлось указать на то, что при выходе из дворца он никаких заявлений журналистам не делал, и тем более приписываемой ими фразы.

Очень хорошую статью об СССР в связи с приездом нашей миссии поместил журнал «Аль-Мусаввар» от 24.XII-43 г.

Отметив, что причиной успехов Красной Армии является решимость и самоотверженность советского народа, его любовь к родине, ненависть к немецким захватчикам, а также преданность гениальному вождю и

полководцу тов. Сталину, журнал заканчивает следующим образом своё сообщение:

«В глазах советских людей немецкие фашисты не являются социалистами, а просто фашистами-империалистами, ибо социализм у них является первой ступенью к коммунизму, а коммунизм в понятии советских людей олицетворяется с подлинной всечеловеческой демократией.

Вот почему Россия вступила в союз с великой демократией Англии и США для совместной борьбы против Германии в защиту демократии, за освобождение оккупированных территорий от немецких захватчиков, для оказания помощи поработённым народам.

Россия вовсе не собирается экспортировать коммунизм за границу... Она считает Египет дружественной страной, как и другие демократические народы.

2-ой секретарь миссии СССР в Египте
(Султанов)

Перевод с арабского.

Миссия СССР в Египте.

АВПРФ. Фонд 87. Опись 1. Папка 1. Дело 7. Л. 20-17.

Перевод с арабского.

Миссия СССР в Египте.

Перевод статьи из журнала «Мусаввар»
(номер от 24.XII-43 г.

Статья иллюстрирована фотографиями
т.т. Новикова, Солода и Султанова)

**Советское дипломатическое
представительство**

Установление дипломатических отношений с Советским Союзом совпадает с моментом, когда весь мир с восхищением следит за выдающимися победами советских войск над германским агрессором.

Недавно прибыл в Каир первый советский дипломатический представитель тов. Новиков, который является полномочным министром при короле Египта и в то же время послом СССР при королях Югославии и Греции.

Николаю Новикову 40 лет, он окончил Восточный институт в Ленинграде по фа-

культету истории Востока. После этого он занимал ряд постов в советских организациях и с 1938 г. работает в Министерстве иностранных дел.

До своего назначения посланником в Египте тов. Новиков заведовал 4-ым Европейским отделом Министерства, знает французский, турецкий и английский языки. Арабского языка не знает.

Кроме посланника, из дипломатических работников в миссии имеется советник, первый секретарь и 2-ой секретарь. Советником миссии является молодой человек лет 35 по имени Данил Солод, окончивший один из высших московских университетов.

Вторым секретарём миссии является Султанов Абдурахман, советский гражданин из татар, окончивший Институт востоковедения в Москве, знает арабский, английский и турецкий языки.

Мы говорили, что секретарь миссии Султанов из татар. Татары являются одной из многочисленных народностей, населяющих Советский Союз. Там проживает 70 народностей. Население Советского Союза достигает 200 млн человек! 25 млн – татар, бухарцев, кавказцев, дагестанцев, азербайджанцев и др. Русскими называются основные жители России, а термин советский гражданин включает в себя все народности Советского Союза. Советский Союз считается одновременно западной и восточной державой, он очень велик и в нём проживают как западные, так и восточные народности.

Некоторые спрашивают, в чём причина отступления немцев и непрерывных побед русских, свидетелем которых является весь мир. Как мы узнали, основными факторами являются следующие:

1. Руководство военными силами осуществляется вождём народа Сталиным, являющимся опытным солдатом, блестящим стратегом и крупнейшим полководцем.

2. Решимость и самоотверженность советского народа в защите родины, его непримиримая ненависть к немцам, в которых он видит диких грабителей и агрессоров империалистов. Этот героизм рождает эконо-

мический и моральный потенциал для дела обороны.

3. Успешное и быстрое завершение военного строительства, перевод военных заводов в ходе войны с запада на восток и соревнование за повышение производительности труда.

4. Мобилизация всех советских экономических и моральных сил для войны, участие всего населения без различия пола и возраста в деле освобождения родины от агрессора.

В глазах советских людей немецкие фашисты не являются социалистами, а просто фашистами-империалистами, ибо социализм является первой ступенью к коммунизму, а коммунизм в понятии советских людей олицетворяется с подлинной (гуманитарной) всечеловеческой демократией.

Вот почему Россия вступила в союз с великой английской и американской демократией для совместной борьбы против Германии в защиту демократии, за освобождение оккупированных территорий от немецких захватчиков, для оказания помощи поработанному немцами народам.

Россия вовсе не собирается экспортировать коммунизм за границу. Она считает Египет дружественной с Россией страной, как и другие демократические страны.

Перевёл 2-ой секретарь миссии СССР в Египте

(Султанов)

Новый русский посланник

«Товарищ Новиков – новый русский посланник в Египте – дипломат первой категории. Очень осведомлён в делах Востока. На первый взгляд он напоминает военного, но он отличный собеседник, хотя избегает разговаривать с журналистами!

Говорят, что когда с ним встретились египетские журналисты и стали интересоваться новостями, он только и сказал: “В Египте зима очень жаркая” и ретировался от журналистов».

Журнал «Аль-Масри Эфенди»,
2 дек. 1943

Новый русский посланник

«Перед приездом нового русского посланника в Египет Министерство иностранных дел подготовило для него специальное dossier».

Г-ну посланнику 42 года, а не 30, как писали в одной из газет. Был он профессором в Восточном институте в Москве и знает арабский язык, как сами арабы».

Журнал «Руз аль-Юсеф», 2 дек. 1943

Сотрудники русской миссии

«В ближайшие дни ожидается прибытие всех работников миссии... При миссии будет организовано также бюро информации (пресс-бюро). Говорят, что все сотрудники подбираются из лиц, хорошо владеющих арабским языком. До сих пор прибыло 70 сотрудников».

Журнал «Руз аль-Юсеф», 2 дек. 1943

Египет и Россия

Беседа с секретарем русской миссии в Египте.

«Наш корреспондент беседовал с секретарем русской миссии Абдурахманом Султановым, прибывшим в Египет на днях, как мы сообщали уже об этом в прошлом номере.

Султанов хорошо владеет арабским языком и прекрасно отзывается о Египте, о котором он читал много, ещё будучи в России. Г-н Султанов знаком как с древней цивилизацией, так и с процессом возрождения новой культуры в Египте. Он с увлечением читает арабскую прессу и любит арабскую литературу.

Г-н Султанов сказал, что, будучи в России, читал кое-что о Каире, и то, что он увидел – превосходит его представление о нём.

Каир, сказал он, является крупнейшим центром вообще и центром арабской цивилизации в частности.

Касаясь Советского Союза, Султанов сказал, что в Советском Союзе живёт очень много мусульман и все они пользуются всеми правами, предоставленными советской Конституцией всем гражданам СССР без различия пола, религии и национальности.

Все граждане России, без различия национальности, пользуются свободой вероисповедания, и мусульмане борются против фашизма плечом к плечу со всеми остальными гражданами, населяющими Россию».

Газ[ета] «Аль-Масри», 16 ноября 1943 г.

Посланник России

«Господин Новиков, новый полномочный министр России в Египте, посетил министерство иностранных дел, где встретился с шефом протокола Мухаммед Ясин беем, а в 11 ч. 30 м. был принят премьер-министром Нахас-пашой. По дипломатическому обычаю гос[подин] Новиков вручал Нахас-паше копию верительной грамоты.

Беседа продолжалась около 20 минут. На приёме присутствовал заместитель министра иностранных дел доктор Мухаммед Салахеддин бей».

Газ[ета] «Аль-Ахрам», 26 ноября 1943 г.

Прибытие первого русского полномочного министра

«В 3.15 после обеда вчера на аэродром прибыл на самолёте первый чрезвычайный посланник и полномочный министр Союза Советских Социалистических Республик в Египте.

Вместе с ним прибыла его семья и сотрудники миссии. Часть из них остановилась в гостинице “Шеперд”, а другая в специально нанятом доме.

Как помнят читатели, секретарь миссии тов. Султанов прибыл за несколько дней раньше для подготовки встречи посланника».

Газ[ета] «Аль-Масри», 24/XI-43 г.

Русский посланник

«Как мы узнали, товарищ Новиков является первым полномочным министром Советского Союза в Египте и в то же время послом при правительствах Греции и Югославии. Он привёз с собой послание президента Калинина Его Величеству Королю Египта, которое он вручит вместе с верительной грамотой.

Посланнику всего 30 лет. Он был профессором в Институте восточных языков, затем был назначен секретарём в Министерстве иностранных дел, а затем зав. Восточным отделом...

Как мы узнали также, господин премьер-министр в прошлую пятницу очень любезно принял его в министерстве иностранных дел и пожелал ему счастливого пребывания в Египте. В своем ответе г-н Новиков выразил уверенность, что он надеется встретить всяческое содействие (премьера) в своей миссии по укреплению отношений между Египтом и Россией.

Весьма интересно то, что посланник товарищ Новиков заметил, что в Египте зима весьма жаркая».

Газ[ета] «Аль-Масри»
от 27/XI-43. г.

Беседа с тов. Султановым

(Сокращённый перевод)

«Вопрос корреспондента: Вы хорошо владеете арабским языком, где его изучали?

Ответ Султанова: В Институте востоковедения в России. Но журналисты преувеличивают мои познания в этой области, и, возможно, этим объясняется то, что очень многие из них желают поговорить со мной лично. Как видите сами, я не особенно уж хорошо владею им.

Вопрос: Много ли людей говорят по-арабски в России?

Ответ: Очень мало. Однако мусульман в России около 25 млн, и многие умеют читать Коран, написанный на арабском языке, хотя и не понимают значения.

Вопрос: Встречали ли кого-либо из великих людей Египта?

Ответ: Имел честь встретиться с господином Нахас-пашой и нахожу его весьма обаятельной и энергичной личностью.

Вопрос: Что знают в России о Египте?

Ответ: Знают очень мало. Имеют общее представление о Египте по газетным сообщениям. Однако в университетах у нас изучают историю Египта и в России имеются богатейшие музеи о древней египетской цивилизации.

Вопрос: Говорят, в России все дома одного стандарта и все они принадлежат государству?

Ответ: Это неверно. Инженеры у нас соревнуются в строительстве различных типов домов и строений, и не только государство строит дома, но каждый гр[аждани]н может строить себе дом. Впрочем, в деревнях, как правило, все дома частные.

Вопрос: В чем, по-вашему, причина побед Красной Армии?

Султанов ответил очень коротко: Умелое руководство любимого вождя маршала Сталина и патриотический подъём русского народа и вера его в свои идеалы, из-за которых он борется не щадя жизни.

Вопрос: Когда закончится война?

Ответ: Это такой вопрос, ответ на который решается на полях сражений, а не в беседе нас с Вами здесь, в «Шеперд-отеле».

Вопрос: Ваша фамилия Султанов не имеет ли что-либо общего с фамилией Султан(ов) в Египте?

Ответ: Не думаю... (тут тов. Султанов впервые улыбнулся) и сказал, что он надеется, впрочем, когда-либо познакомиться с этой фамилией».

Журнал «Ахер Саа», № 478,
5 декабря 1943 г.

Россия велика

«Россия велика, и богата она не только обилием полезных ископаемых, но и обилием религий и языков. Когда Россия посылает дипломатических работников в разные страны, то она в выборе последних соображается с религией той страны, куда посылает работников.

Когда прибыли первые дипломатические работники России, так первое, что бросилось в глаза, то, что большинство их говорит по-арабски и многие из них мусульмане».

«Аль-Мусаввар», 3 дек. 1943 г.

АВПРФ. Фонд 87. Опись 1. Папка 1. Дело 7. Л. 20-13.

В.Г. Бухерт

ПИСЬМО Я.Б. РАДУЛЬ-ЗАТУЛОВСКОГО К Н.С. ХРУЩЁВУ

Яков Борисович Радуль-Затуловский (1903–1987) – известный востоковед, ученик академика Н.И. Конрада¹, «создатель многих глубоких и талантливых исследований по японской философии», внёсший «существенный вклад в отечественное и мировое японоведение». Его работы были известны не только советской, но и японской научной аудитории. При этом японские публикаторы исследований Я.Б. Радуль-Затуловского отмечали не только новизну их содержания, но и «глубоко аргументированный характер научных выводов»². Как вспоминала о Якове Борисовиче его ученица Л.В. Зенина³, «его увлечённость и преданность избранной стезе в науке граничила с чем-то невообразимым»⁴. Будучи «на редкость воинствующим лектором, он с необыкновенным упорством отстаивал свои марксистские материалистические воззрения»⁵. Я.Б. Радуль-Затуловского интересовала не только Япония, он изучал историю распространения конфуцианства и материалистических идей и в Китае⁶.

Я.Б. Радуль-Затуловский учился на юридическом факультете Киевского института народного хозяйства (1924–1929 гг.), был аспирантом японской кафедры Московского института востоковедения (МИВ) (1930–1931 гг.) и Института востоковедения АН СССР (1931–1936 гг.). 20 июля 1936 г. состоялась защита Я.Б. Радуль-Затуловским диссертации на степень кандидата философских наук по теме «Учение Конфуция в современной японской философии» на заседании Квалификационной комиссии общественных наук АН СССР. Официальными оппонентами были Н.И. Конрад и Ю.К. Шуцкий⁷. После защиты Я.Б. Радуль-Затуловский стал старшим научным сотрудником Института востоковедения АН СССР. В 1938 г. на Всесоюзном конкурсе («соревновании») молодых научных работников он был удостоен премии 1-й категории за рабо-

ту «Образцы фашистской модификации конфуцианства»⁸. С того же 1938 г. Я.Б. Радуль-Затуловский стал преподавать курс китайской и японской философии на философском факультете ЛГУ. 11 июня 1942 г., находясь в эвакуации в Ташкенте, Я.Б. Радуль-Затуловский защитил в Среднеазиатском государственном университете (САГУ) диссертацию на степень доктора исторических наук по теме: «Очерки по истории материалистических идей в Японии в XVII–XIX вв.». В 1947 г. он стал профессором Восточного факультета ЛГУ. В отзыве, датированном 30 мая 1947 г., Н.И. Конрад писал, что в лице Я.Б. Радуль-Затуловского советское японоведение обладает «высококомпетентным, талантливым исследователем истории японской философии, человеком, безгранично преданным науке, неутомимым работником»⁹, который является единственным в стране специалистом в этой области. Его работа «Конфуцианство и его распространение в Японии» представляет автора как «первоклассного знатока вопроса и исключительно обогащает» японоведческую научную литературу¹⁰. В другой своей работе – «Очерки по истории материалистических идей в Японии в XVII–XIX вв.» Я.Б. Радуль-Затуловский смог «в крайне сложной картине всевозможных школ и направлений обнаружить особую, до него не замеченную линию – материалистической мысли»¹¹.

Выход в свет труда Я.Б. Радуль-Затуловского «Конфуцианство и его распространение в Японии» вызвал критику на страницах журнала «Вопросы философии»¹², обвинение в том, что автор «часто сбивается на путь простого эмпирического описания фактов, объективистского изложения рассматриваемых им философских и этико-политических теорий вместо их марксистского анализа и объяснения»¹³.

Так же была воспринята и статья Я.Б. Радуль-Затуловского, опубликованная в 1949 г. в «Философских записках»¹⁴: «Бесстрастно, без всякой попытки классового анализа описывает автор практикуемое идеологами японского империализма соединение религиозно-мистического хлама с реакционным позитивизмом английского буржуазного философа Спенсера»¹⁵.

В защиту Я.Б. Радуль-Затуловского выступил Н.И. Конрад¹⁶. Он весьма высоко оценивал и результаты научной работы своего ученика, и то упорство, с которым он преодолевал объективные трудности.

4–6 апреля 1949 г. в Москве состоялись расширенные заседание Учёного совета Тихоокеанского института АН СССР и бюро московской группы Института востоковедения АН СССР, посвященные «вопросам борьбы с проявлением буржуазного космополитизма в востоковедной науке». В качестве одного из примеров «буржуазного объективизма» и «низкопоклонства перед буржуазной наукой» в своём докладе Е.М. Жуков¹⁷ привёл книгу Я. Б. Радуль-Затуловского «Конфуцианство и его распространение в Японии», бросив упрек автору, что им не решён «основной вопрос о классовой природе конфуцианства»¹⁸.

За «методологическую порочность» Я.Б. Радуль-Затуловский был уволен из Института востоковедения АН СССР в 1950 году¹⁹. Он стал научным сотрудником Публичной библиотеки²⁰.

Своё увольнение из Института востоковедения АН СССР Я.Б. Радуль-Затуловский воспринял трагически, о чём и писал 20 сентября 1950 г. вице-президенту АН СССР В.П. Волгину²¹: «Отчисление было сделано так, как будто я не живой человек, коммунист и учёный в столь трудной и специфически сложной области науки, а покойник, которого списывают за смертью»²².

Надежда вернуться к прежней работе не покидала его. 15 июня 1953 г. он обратился к Н.С. Хрущёву²³ с просьбой о содействии в этом его намерении, но добиться возвращения в Институт востоковедения АН СССР Я.Б. Радуль-Затуловскому не удалось. Он

работал старшим научным сотрудником (1956–1969 гг.), а затем консультантом Ленинградских секторов (1969–1973 гг.) в Институте философии АН СССР²⁴; писал главы по истории японской философии для I, II, IV и V томов «Истории философии» (М., 1957–1961), статьи для «Философской энциклопедии», подготовил предисловие к книге о современных японских мыслителях²⁵, издал монографию, подводящую итог его исследовательской работе²⁶.

Я.Б. Радуль-Затуловский – Н.С. Хрущёву

Секретарю Центрального комитета Коммунистической партии Советского Союза товарищу Никите Сергеевичу Хрущёву от члена КПСС с 1927 г.

Радуль-Затуловского Якова Борисовича, профессора, доктора исторических наук, проживающего в г. Ленинграде по Лесному проспекту в д. № 61, квартира 243

Глубокоуважаемый и дорогой Никита Сергеевич!

Не обессудьте, что я беспокою Вас подобного рода письмом. Переживания заставили меня это сделать.

В 1931 г. я поступил на подготовительное отделение аспирантуры при Институте востоковедения Академии наук СССР, квалифицируясь по ещё редкой у нас специальности – истории китайской и японской философии. В 1932 г. был переведён на основной курс аспирантуры, которую закончил в 1936 г., защитив диссертацию на степень кандидата философских наук.

С 1 декабря 1936 г. по 15 августа 1941 г., а затем с 20 мая 1942 г. по 1950 г. я работал старшим научным сотрудником Института востоковедения, исполняя также обязанности заведующего Японским кабинетом этого института. Стало быть, я – питомец Института востоковедения Академии наук СССР, – учился и работал в этом родном мне научном учреждении целых 18 лет. Дирекция Института и Президиум АН СССР не раз находили нужным отметить мою работу (при-

каз дирекции Института востоковедения от 29 декабря 1938 г. № 66, приказ Президиума АН СССР от 26 июля 1939 г., приказ дирекции Института востоковедения от 5 ноября 1946 г., № 96).

В 1938 г. на Всесоюзном конкурсе молодых учёных моя работа «Конфуцианство на службе у японского фашизма» была удостоена первой премии. В 1942 г. я защитил диссертацию на тему «Очерки по истории материалистических идей в Японии в XVII–XIX вв.» на степень доктора исторических наук.

В 1947 г. решением Редакционно-издательского совета АН СССР Институт востоковедения издал моё большое исследование «Конфуцианство и его распространение в Японии» объёмом около 30 печатных листов.

15 апреля 1949 г. Президиум Ленинградского областного комитета профсоюза работников высшей школы и научных учреждений, обсудив итоги общественного смотра работы научных учреждений г. Ленинграда в 1948 г., наградил Японский сектор Института востоковедения почётной грамотой, отметив меня как руководителя (протокол № 11).

В течение 1948–[19]50 гг. были напечатаны новые мои работы, посвящённые истории материалистической философии и критике японской буржуазной социологии эпохи империализма.

Я трудился в столь специфически сложной и трудной области, не покладая рук, пренебрегая отдыхом и здоровьем, работал в позднее ночное время, изучая древние китайские и японские тексты и современные китайские и японские первоисточники, особенно по истории развития материалистической мысли. Легко представить себе характер работы и какие требования должен предъявлять к себе здесь исследователь. Больше того, работать приходилось, не имея возможность получить совета или помощи. Об изучении примеров работы других наших исследователей, которым я мог бы следовать, из которых я мог бы заимствовать соображения, сведения, с которыми мог бы

сравнивать и т.п., и говорить не приходится, так как их не было в природе. Сознывая всю ответственность, которую несу как коммунист, могу сказать, что мои стремления не пропали даром. Если следовать утверждениям даже той суровой критики, которой подверглись некоторые мои исследования, то приходится констатировать, что уже имеются налицо ряд достижений в этой специфически сложной и трудной области, впервые изучаемой в истории нашего востоковедения.

Я хорошо сознаю, дорогой Никита Сергеевич, как мало скромности в моих строках. Но если я, скрепя сердце, позволил себе написать их, то это только лишь потому, что обстоятельства, груз совершенно незаслуженных переживаний вынудили меня писать о собственной работе.

Дело в том, что Институт востоковедения Академии наук СССР, издавший не менее десяти моих работ, где я в течение многих лет являлся членом Учёного совета, где вёл активную общественную работу, например, редактировал стенную газету на протяжении 16 лет, руководил семинарами, являлся консультантом по партийному просвещению, выполнял другие общественные поручения, – этот институт, воспитавший меня как специалиста, вдруг, внезапно, вместо поддержки и помощи в моей трудной работе, осенью 1950 г. уволил меня с работы.

Воспользовавшись правильным решением о переводе Института востоковедения в Москву, дирекция уволила 19 научных сотрудников, представляющих важные и редкие специальности. Среди уволенных была группа коммунистов – высококвалифицированных, вполне сформировавшихся научных работников, зарекомендовавших себя хорошим знанием источников на индийском, турецком, китайском и японском языках и своими исследованиями. Меня, например, никто из членов дирекции даже не удостоил беседы, чтобы объяснить причину случившегося со мной несчастья, когда специалист лишается права работать в любимой области знания и в учреждении, где эта важная и ответственная работа единственно возмож-

на, так как там представлена среда филологов и историков и сама литература, которую этот же специалист в течение многих лет комплектовал. Никто из членов дирекции даже не побеспокоился подумать, на какие средства я должен существовать, а главное, как дальше должна сложиться моя судьба как работника науки. Никто не поверит, чтобы в каком-либо другом научном учреждении нашей страны могли поступить таким образом с квалифицированным коммунистом-учёным, чтобы так можно было расшвыривать кадры, как это сделала дирекция Института востоковедения.

Вот уже скоро три года как я работаю в Государственной Публичной библиотеке им. Салтыкова-Щедрина в качестве заведующего Отделом зарубежного Востока и не используюсь по специальности. Библиотека имеет собственные задачи и не в состоянии утверждать для моего производственного плана темы научной работы, кроме библиотечных и библиографических. Да и для ведения такой работы она мне разрешила использовать всего лишь один день в течение недели, когда я могу быть свободным от библиотечных технических дел. Работая в библиотеке, мной была написана в 1951 г., по поручению акад[емика] Г.Ф. Александрова²⁷, работа объёмом около 6 листов, посвящённая китайской и японской философии феодального времени в качестве материала для книги «История философии», которую авторский коллектив использовал. Писал же я эту работу в дни отдыха и по ночам, так как дирекция библиотеки отказалась выделить требовавшиеся три месяца для выполнения сжатой и столь специфически сложной работы. Работая в библиотеке, я точно в таких же условиях написал исследование, посвящённое выдающемуся китайскому учёному, философу-материалисту XVIII в. – Дай Чжэню²⁸, о котором с таким уважением и гордостью говорит историческая литература народно-демократического Китая. Однако вместо раскрытия основного теоретического наследия этого пламенного патриота и борца за счастье народа, мыслителя, ненавидевшего всей душой маньчжур-

ских захватчиков, мне пришлось выделить всего лишь его издательскую и библиографическую деятельность, в соответствии с требованиями плана библиотеки.

Мне уже 50 лет. При резко ухудшившемся состоянии здоровья для творческой исследовательской работы остался совсем небольшой срок. И очень тяжело сознавать, что я оказался вышвырнутым из родного мне научного учреждения как некая ненужная вещь, и вот уже третий год вынужден быть оторванным от важного и любимого дела, составляющего смысл моей жизни как научного работника. У меня накопился материал для «Очерков по истории китайской материалистической философии», которые я мог бы написать в течение двух с половиной лет. Уже имеется работа «Очерки по истории материалистических идей в Японии XVII–XIX вв.». Полтора года сосредоточенной работы для исправлений и дополнений, – и эта обстоятельная монография могла бы быть сдана для рецензирования. Наполовину закончена столь важная для разоблачения чёрной воинствующей реакции работа «Буддизм и его распространение в Японии» – вторая часть «трилогии», после опубликованной и упоминавшийся выше книги о конфуцианстве. Все эти работы преследуют цель – внести посильную помощь китайской коммунистической партии в её борьбе против пережитков феодальной и влияния буржуазной идеологии в области истории китайской теоретической и общественной мысли, на что обращает такое внимание товарищ Мао Цзэдун²⁹, внести посильную помощь в дело борьбы прогрессивных сил Японии против внутренней и внешней реакции в интересах борьбы народа за свободу, независимость, против «проституирования характера народа» (Токуда Кюити³⁰).

И я никак не понимаю, что выиграла дирекция Института востоковедения АН СССР, какую пользу принесла она советскому востоковедению, принудив меня прервать мою исследовательскую работу и изгнав меня из своих стен под видом выполнения приказа о переводе института в Москву и его реорганизации? Не могу удержаться,

чтобы не привести характерный пример того, что дирекция принесла нашему делу не пользу, а вред. Недавно Публичную библиотеку им. Салтыкова-Щедрина посетил приезжавший в Ленинград известный японский прогрессивный учёный историк, профессор Хани Горо³¹ – член Всемирного совета мира, упоминающийся в адресате ответа Советского Правительства, подписанного В.М. Молотовым³², на имя Комиссии Конгресса народов в защиту мира (см. «Правда» от 28 апреля)³³. Проф[ессор] Хани Горо рассказывал на приёме также о своих работах, посвящённых выдающемуся японскому философу-материалисту XVIII [в]. – Андо Сёэки³⁴, – этому воинствующему атеисту, непримиримому врагу монархии, власти аристократии и паразитирующего самурайства, автору первой и единственной в Японии теории утопического социализма. Нагата Хироси³⁵, талантливый учёный-марксист, погибший от руки затравившей его реакции, ещё в 1937 г. писал, что во всей Японии прогрессивные люди с нетерпением ждут появления в свет обнаруженных рукописей Андо Сёэки, – этого непримиримого «изобличителя мучителей народа». С тех пор имя этого пламенного борца против монархии и агрессивного самурайства, за «мирную Японию среди народов всех четырёх направлений – юга, севера, востока и запада» не сходит с уст японских прогрессивных учёных. И надо было видеть, как суровый и сдержанный проф[ессор] Хани Горо, в присутствии акад[емика] Д.В. Наливкина³⁶, возглавлявшего товарищей, встречавших японского учёного, потрясённый, выражал свои эмоции, узнав, что в Советском Союзе не только знают о наследии Андо Сёэки, но что в течение последних 15 лет уже трижды в советской востоковедной литературе давалась обстоятельная характеристика воззрений этого выдающегося сына японского народа – предтечи нынешних японских борцов за мир (см. тезисы моего доклада на тему «Фальсификация истории философии японским фашизмом» в сборнике в честь 120-летия Ленинградского государственного университета, 1939 г., стр. 111³⁷, мою статью³⁸

«Материалистическая философия Ито Дзинсай», журнал «Советское востоковедение», № 11, 1941, стр. 54³⁹, мою книгу «Конфуцианство и его распространение в Японии», 1947, стр. 181, 259, 345-46). Хани Горо не столько обрадовался тому, что ему были представлены все его собственные основные работы, сколько тому факту, что задолго до его ученика – Бартона, издавшего на английском языке в 1952 г. обстоятельную книгу об Андо Сёэки, в советской востоковедной литературе была дана обобщающая характеристика основных положений главного сочинения Андо Сёэки – «Сидзэн синнэйдо» – «Истинно действующие законы природы».

Кто же виновен в том, что я, советский специалист, трудившийся над изучением наследия Андо Сёэки, делавший об этом научные сообщения и писавший о нём, не смог воспользоваться приоритетом, ради нашего советского востоковедения, и первый раньше и правильнее, полнее, чем это сделал Бартон, опубликовать монографию, специально посвящённую Андо Сёэки⁴⁰, числившуюся в моём плане, несмотря на то, что в институте хорошо было известно, что в 1949 г. я работал над подготовкой к печати этого моего исследования. Дирекция института вышвырнула меня за порог и лишила возможности выпустить в свет работу, имеющую явное политическое значение, особенно теперь. Разве трудно сделать вывод, что дирекция принесла делу не пользу, а вред?! Чем она руководствовалась, поступив подобным образом, никак не могу понять до сих пор. Я всё это очень переживаю. Чувствую, что нервная система всё больше расшатывается, и всё время думаю о чудовищной несправедливости, допущенной в отношении меня, и об ущербе, нанесённом важному и нужному делу в нашем научном востоковедении.

Решения XIX съезда нашей партии требуют от каждого коммуниста мобилизации сил для дальнейшего развёртывания творческой работы. Я не имею права оставаться в стороне от такой работы в нужной области науки.

Я допустил в своих работах ошибки объективистского характера. Но я прислушался к голосу критики, правда, далеко не во всём справедливой⁴¹, осознал свои ошибки и всей душой стремлюсь к тому, чтобы не повторять их. Но неужели допущенные в таком деле и при таких условиях работы ошибки могли превратиться в род родимого пятна, навеки опорочивающего и требующего, чтобы я был отринут от моей любимой научной работы?

Я очень прошу Вас, дорогой Никита Сергеевич, если найдёте целесообразным, ответить на волнующий меня вопрос и помочь вернуться к работе в Сектор Дальнего Востока Института востоковедения АН СССР, где я учился, работал и творил, по мере моих скромных знаний, целых 18 лет.

15.VI.1953 г.

Як. Радуль-Затуловский

Архив Российской академии наук (АРАН). Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 37. Д. 1312. Л. 106-113. Машинопись, подпись – автограф.

Примечания

¹ Конрад Николай Иосифович (1891–1970) – востоковед, академик АН СССР (с 1958 г.).

² См. о нём: Памяти Якова Борисовича Радуль-Затуловского // Народы Азии и Африки. 1988, № 4. С. 211.

³ Зенина Любовь Васильевна (1920–2018) – историк-востоковед, доцент ЛГУ (с 1961 г.).

⁴ Зенина Л.В. Я.Б. Радуль-Затуловский – историк философии Востока (к 100-летию со дня рождения) // Проблемы истории, философии и культуры: межвузовский сборник. Вып. XVI/2. М. – Магнитогорск, 2006. С. 402.

⁵ Там же. С. 404.

⁶ Радуль-Затуловский Я.Б. Конфуцианство и его распространение в Японии. М. – Л., 1947; Изд. 2-е. М., 2010; Он же. Материалистическая философия Накаэ Тёмин // Советское востоковедение. Сб. VI. М. – Л., 1949. С. 247–270; Он же. Великий китайский атеист Фань Чжэнь // Еже-

годник Музея истории религии и атеизма. М., 1957. Т. 1. С. 282–316.

⁷ Шуцкий Юлиан Константинович (1897–1938) – филолог-востоковед, философ, переводчик, профессор Ленинградского восточного института.

⁸ АРАН. Ф. 411 (Управление кадров Российской академии наук). Оп. 37. Д. 1312. Л. 99.

⁹ Там же. Л. 52.

¹⁰ Там же. Л. 51об.

¹¹ Там же. Л. 51об.

¹² Александров А.П. Исследование по истории восточной философии // Вопросы философии. 1948, № 2 (4). С. 323–328.

¹³ Там же. С. 328.

¹⁴ Затуловский Я.Б. «Японизм» – «философия» японского империализма // Философские записки. М.-Л., 1948. Т. II. Против новейших идеологов империалистической реакции. С. 196–217.

¹⁵ Трофимов П. За боевую, партийную критику буржуазной философии и социологии // Большевик. 1949, № 19. С. 68.

¹⁶ Конрад Н.И. По поводу оценки монографии Я.Б. Радуль-Затуловского «Конфуцианство и его распространение в Японии» (М. – Л., 1947) в журнале «Вопросы философии» // Неопубликованные работы. Письма. М., 1996. С. 187–198.

¹⁷ Жуков Евгений Михайлович (1907–1980) – историк, директор Тихоокеанского института (1943–1950 гг.), академик-секретарь Отделения истории АН СССР (1957–1971 гг.), академик АН СССР (с 1958 г.), директор Института всеобщей истории АН СССР (с 1968 г.).

¹⁸ См.: Учёный совет Тихоокеанского института // Вопросы истории. 1949, № 3. С. 156.

¹⁹ Конрад Н.И. Неопубликованные работы. Письма. С. 473–474.

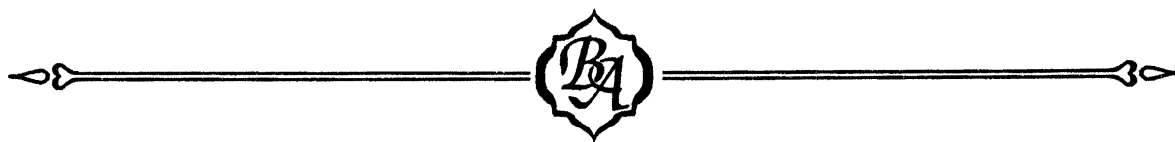
²⁰ Бакалюк В.В. Радуль-Затуловский Яков Борисович // Сотрудники Российской национальной библиотеки – деятели науки и культуры. Биографический словарь. СПб., 2003. Т. 3. С. 465–467.

²¹ Волгин Вячеслав Петрович (1879–1962) – историк, академик АН СССР (с 1930 г.).

²² АРАН. Ф. 411. Оп. 37. Д. 1312. Л. 103.

²³ Хрущёв Никита Сергеевич (1894–1971) – советский партийный и государственный деятель, 1-й секретарь ЦК КПСС (1953–1964 гг.), председатель Совета министров СССР (1958–1964 гг.).

²⁴ АРАН. Ф. 411. Оп. 58. Д. 2211. Л. 17, 24–25.

²⁵ Радуль-Затуловский Я.Б. Вместо предисловия // Сакисака Ицуро. Современные японские мыслители. М., 1958. С. 5-28.

²⁶ Радуль-Затуловский Я.Б. Из истории материалистических идей в Японии в XVII – первой половине XIX в. М., 1972.

²⁷ Александров Георгий Фёдорович (1908–1961) – философ, академик АН СССР (с 1946 г.), министр культуры СССР (1954–1955 гг.).

²⁸ Дай Чжэнь (1724–1777) – китайский философ-неоконфуцианец (см.: Радуль-Затуловский Я.Б. Дай Чжэнь – выдающийся китайский просветитель // Вопросы философии. 1954, № 4. С. 119–128).

²⁹ Мао Цзэдун (1893–1976) – китайский политический и государственный деятель, председатель ЦК КПК (с 1943 г.), председатель Центрального народного правительственного совета КНР (1949–1954 гг.), председатель КНР (1954–1959 гг.).

³⁰ Токуда Кюити (1894–1953) – один из основателей Коммунистической партии Японии.

³¹ Хани Горо (род в 1901 г.) – японский историк и общественный деятель.

³² Молотов (Скрябин) Вячеслав Михайлович (1890–1986) – политический деятель, председатель СНК СССР (1930–1941 гг.), 1-й заместитель председателя СНК (СМ) СССР (1941–1957 гг.), нарком (министр) иностранных дел (1939–1949 и 1953–1956 гг.), почётный член АН СССР (1946–1959 гг.).

³³ См.: Ответ Советского Правительства на письмо Комиссии Конгресса народов в защиту мира // Правда. 1953 г., 28 апреля. № 118.

³⁴ Андо Сёэки (1703–1762) – японский философ-материалист и атеист.

³⁵ Нагата Хироси (Кимисима Синьити) (1904–1947) – японский философ-марксист, историк японской философии.

³⁶ Наливкин Дмитрий Васильевич (1889–1982) – геолог и палеонтолог, академик АН СССР (с 1946 г.).

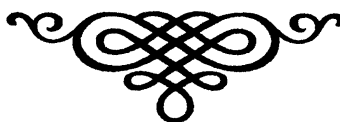
³⁷ См.: Радуль-Затуловский Я.Б. Фальсификация истории философии японским фашизмом // 120 лет Ленинградского государственного университета. Тезисы докладов на юбилейной научной сессии. Л., 1939. С. 107–111.

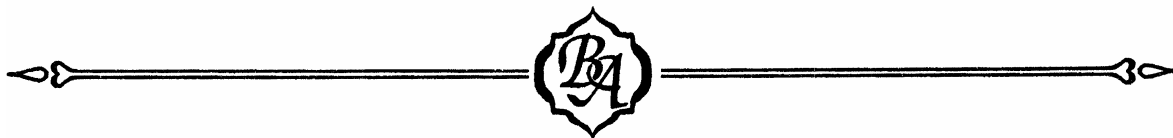
³⁸ В тексте: «монографию».

³⁹ См.: Радуль-Затуловский Я.Б. Материалистическая философия Ито Дзинсай (1627–1705) // Советское востоковедение. М.-Л., 1941. Сб. II. С. 53–80.

⁴⁰ См.: Радуль-Затуловский Я.Б. Андо Сёэки – философ-материалист XVIII в. М., 1961.

⁴¹ «Рецензент всячески поносил меня, например, за утверждение, что в VI–V вв. до нашей эры мы имеем дело в Китае с феодальными отношениями. Я ссылаясь в моей книге также и на орган ЦК Кит[айской] коммунистической партии “Синьхужибао” от 27 августа 1940 г. (см. мою книгу “Конфуцианство и его распространение в Японии”, 1947 г., стр. 441), что именно товарищ Мао Цзэ-дун уже давно высказался чётко и определённо, повторяя это положение много раз, что формирование раннего китайского феодализма относится к ещё более раннему периоду – к началу первого тысячелетия до нашей эры. Был случай, когда на партсобрании некий Боровков, бывший заместитель директора института, при всех обвинял меня в том, что я “не являюсь учёным потому, что отказываюсь помочь” Мао Цзэ-дуну разобраться в вещах, чтобы он мог отказаться от своей концепции периодизации китайской истории, которая якобы не является научной. Вот какие вещи мне пришлось выслушивать от людей, считавших себя серьёзными работниками! Этого рода критику, всё равно напечатана ли она или высказывалась устно, я не принимал прежде и не могу принять и теперь, считаю её нелепой насмешкой» (прим. Я.Б. Радуль-Затуловского). (Боровков Александр Константинович (1904–1962) – лингвист-тюрколог, зам. директора Института востоковедения АН СССР (1948–1950), чл.-корр. АН СССР (с 1958 г.).

НАШИ АВТОРЫ

БЕЛЯКОВ Владимир Владимирович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: beliakov2007@yandex.ru

БУХЕРТ Владимир Генрихович – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Архива РАН. E-mail: buhert-1955@mail.ru

ВАСИЛЬЕВ Александр Дмитриевич – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: advasilyev@mail.ru

ЗАГОРОДНИКОВА Татьяна Николаевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: tnzag@mail.ru

КАДЫРБАЕВ Александр Шайдамович – доктор исторических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: kadyr_50@mail.ru

КУЗЬМИН Сергей Львович – доктор исторических наук, кандидат биологических наук, ведущий научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: ipe51@yahoo.com

КУЛИКОВ Георгий Иванович – кандидат исторических наук, бывший старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. В настоящее время на пенсии. E-mail: orientalarhive@yandex.ru

КУРНИКОВА Оксана Михайловна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: lineroxana@inbox.ru

НОРИК Борис Вячеславович – кандидат исторических наук, младший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: boris.norik@mail.ru

ПОЧЕКАЕВ Роман Юлианович – профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Юридического факультета Санкт-Петербургского филиала Национального исследовательского центра «Высшая школа экономики», кандидат юридических наук, доцент. E-mail: gorot@mail.ru

СИДОРОВА Светлана Евгеньевна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: veta.sidorova@mail.ru

ТИХОНОВ Юрий Николаевич – доктор исторических наук, профессор Липецкого государственного педагогического университета. E-mail: alfokdo@mail.ru

ФИЛИПОВА Татьяна Александровна – кандидат исторических наук, старший научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: filipova2006@yandex.ru

ХАЗАНОВ Анатолий Михайлович – доктор исторических наук, профессор, главный научный сотрудник Института востоковедения РАН. E-mail: orientalarhive@yandex.ru

ШМИДТ Вальдемар – магистр истории, Университет Регенсбург, Германия. E-mail: wolodjaschmidt@gmx.de